

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

«ГЕОГРАФИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ»

А.А. Попов, И.Д. Проскуровская, А.В. Султанова

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКЕ К ПРОВЕДЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ	8
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ К ПРОВЕДЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ	8
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ:	
МОДУЛЬ 1. «ГЕОГРАФИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ»	9
1.1. Общая структура образовательного модуля «География технологических укладов»	9
1.2. Вариант образовательной программы модуля «География технологических укладов»	11
1.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля «География технологических укладов»	13
1.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География технологических укладов»	16
1.5. Образовательные ресурсы к модулю «География технологических укладов»	25
МОДУЛЬ 2. «ГЕОГРАФИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ»	29
2.1. Общая структура образовательного модуля «География культурных ландшафтов»	29
2.2. Вариант образовательной программы модуля «География культурных ландшафтов»	31
2.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля «География культурных ландшафтов»	32
2.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География культурных ландшафтов»	37
2.4. Образовательные ресурсы к модулю «География культурных ландшафтов»	45
МОДУЛЬ 3. «ГЕОГРАФИЯ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ»	50
3.1. Общая структура образовательного модуля «География ментальных моделей»	50
3.2. Вариант образовательной программы модуля «География ментальных моделей»	52

3.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля «География ментальных моделей»	53
3.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География ментальных моделей»	56
3.5. Образовательные ресурсы к модулю «География ментальных моделей»	64
МОДУЛЬ 4. «ГЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННЫХ АНТРОПОТОКОВ»	67
4.1. Общая структура образовательного модуля «География современных антропопоков»	67
4.2. Вариант образовательной программы модуля «География современных антропопоков»	69
4.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля «География современных антропопоков»	71
4.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География современных антропопоков»	76
4.5. Образовательные ресурсы к модулю «География современных антропопоков»	87

«До 1917 года в стране были изданы сотни учебников, учебных пособий и хрестоматий по географии. Они принадлежали перу приверженцев разных географических школ и опирались на фундаментальные работы Императорского русского географического и Вольно-экономического обществ, например, такие, как грандиозный труд под редакцией В.П. Семенова-Тянь-Шанского «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Но сразу после революции эти традиции были преданы забвению, а сама структура географии человека и общества как учебного предмета подверглась примитивизации. Человек стал рассматриваться в лучшем случае как «трудовой ресурс» и лишь гораздо позднее, в эпоху хрущевской оттепели, за ним признали право быть мигрантом, потребителем и рекреантом. При этом в научной и тем более учебной географии никогда не рассматривались такие неприятные для властей сюжеты, как география голода и демографических катастроф, бедности и богатства, качества жизни, география национализма и национальной дискриминации, крестьянских восстаний и общественных волнений, геополитических доктрин и военно-промышленного комплекса, системы прописки и элитарных привилегий, география ГУЛАГа, преступности, наркомании, алкоголизма и самоубийств, экологических бедствий и просчетов, территориальной экспансии и захватов, религии, молодежной субкультуры, деградации культурных ландшафтов и многого, многого другого».

Евгений Ковалев, автор книги «Гуманитарная география России»

«Смысл интеллектуальной работы с регионом — переход от региона как объекта наблюдения и воздействия, заданного и ограниченного объемом и смыслом, к региону как рамке для действия. Вся история России в данном аспекте есть история смены пространственных рамок. Для России всегда характерны или новые границы, или новая столица, или и то и другое одновременно; быстрая территориальная экспансия, непрерывная ассимиляция фрагментов иных культурных миров; непрерывный сдвиг границ и формирование нового обжитого пространства. Современная Российская Федерация — лишь одна из рамок».

Владимир Каганский, региональный аналитик

ВВЕДЕНИЕ

1.

Опыт общения со старшеклассниками независимо от региона их проживания, как правило, сегодня показывает определенную редуцированность, мифологичность и неконструктивность сложившегося уровня размышлений о собственном будущем. (Примером может служить практически тотальное представление о достижении качества дальнейшей жизни за счет конъюнктурного выбора «востребованной» на сегодняшний день специальности, а не за счет конкурентоспособности и экспертного уровня профессионализма).

На наш взгляд, эта ситуация является следствием существующей разорванности содержания социально-гуманитарного образования, осваиваемого в рамках таких учебных курсов, как география, обществоведение и пр., с одной стороны, и процессами личностного и профессионального самоопределения старшеклассников, с другой.

Сегодня процессы самоопределения старшеклассников являются чрезвычайно суженными, а функциональную нагрузку, связанную со стратегированием, выполняют замещающие их мифологемы, транслируемые СМИ. Причина такого замещения заключается в том, что процессы самоопределения не могут разворачиваться в «безвоздушном пространстве», вне специального аналитического выстраивания контекстов самоопределения. Содержание же существующих социально-гуманитарных курсов не становится для старшеклассников материалом, обеспечивающим процессы такого самоопределения. Как следствие, для ментальности старшеклассников характерна такая часто встречающаяся черта, как провинциальное сознание, характеризующееся, отсутствием у

них «чувства места и времени». Сегодня старшеклассники живут как бы вне времени и пространства, они ничего не могут сказать о «хронотопе» собственной жизни, кроме цифр, которые не способны интерпретировать. В этой ситуации говорить о качественном развертывании процессов личностного и профессионального самоопределения, является весьма затруднительным.

Между тем, если серьезно говорить о компетентностном подходе, то нужно понимать, что без смены типа базового образовательного процесса в старшей школе на эту задачу выйти невозможно. Таким базовым образовательным процессом должен стать не процесс трансляции, а **процесс организации старшеклассниками собственной жизни после школы**. В этом смысле образовательная программа элективного курса рассматривается нами как инфраструктурная площадка поддержки принятия решений старшеклассниками о своем личностном и профессиональном Будущем. При этом, на наш взгляд, будущее для старшеклассника должно быть представлено, и представлено не натурально, а через контуры ключевых, обсуждаемых сегодня, проектов геополитического, геокультурного, геоэкономического развития России. Именно в этом процессе только и можно говорить о формировании ключевых компетентностей.

2.

Предлагаемый курс «География человеческих перспектив» является элективным курсом, предназначенным для обеспечения внутрипрофильной специализации на старшей ступени общеобразовательной школы. Программа курса содержит ряд принципиальных особенностей, позволяющих ей не дублировать содержание базового курса географии, а также исключить простое (экстенсивное) расширение при изучении предмета.

Во-первых, образовательное содержание предлагаемого курса связано с такой «гуманитарной материей», как человеческие возможности и направлено на поддержку процессов самоопределения старшеклассников по отношению к способам и формам организации собственной жизни.

Программа строится на введении особых (рамочных, или антропогеографических) понятий, презентующих для старшеклассника реальность возможностей/перспектив и выступающих своеобразными «каркасами» процессов современного самоопределения. Эти понятия («технологический уклад», «культурный ландшафт», «ментальная модель» и «современный антропопоток»), с одной стороны, задают версию авторов курса о ключевых метапроцессах современности, относительно которых только и возможно «настоящее» самоопределение, а с другой стороны, структурируют для старшеклассников пространство аналитики современной жизни. В отличие от предметных понятий, содержание рамочных понятий является средовым, то есть отражающим формы и способы организации жизни.

Другой особенностью курса является использование средств «гуманитарной картографии», предназначенных для моделирования и сценарирования будущих ситуаций. В отличие от обычной картографии, построение гуманитарных карт строится в опоре на интерпретационное, конструктивное действие учащегося и должно содержать в себе версию относительно «шага развития» территории (по какому-то основанию). В этом смысле программа строится как площадка осмысления собственных личностных и профессиональных перспектив в контексте развития, как региона собственного проживания, так и страны в целом.

Пакет образовательных задач курса связан с картографированием инновационного потенциала российских реформ и построением продуктивных сценариев, в основу которых положено соотношение между различными стратегиями пространственного развития страны, с одной стороны, и собственными жизненными стратегиями, с другой. Таким образом, образовательная программа курса является программой **исследования городских, региональных и страновых ресурсов индивидуального самоопределения**.

Во-вторых, программа курса основана на принципах так называемой «проектно-ориентированной аналитики», активно развивающейся в последнее время в нашей стране. Главное отличие ее состоит в следующем: если традиционная аналитика, построенная по классическим образцам естественнонаучного знания, структурирует осмысление уже сложившихся ситуаций, то проектная аналитика представляет собой деятельность, направленную на поддержку принятия стратегических решений, обеспечивающих процессы развития. Таким образом, выбор проектной аналитики в качестве основы образовательного содержания предполагает введение старшеклассников в самое «сердце» практик пространственного развития – **в сферу принятия стратегических управленческих решений**.

В качестве учебных материалов в курсе используются материалы проектов пространственного развития России, подготовленные целым рядом российских аналитических

центров (Комиссия по пространственному развитию ПФО, Центр стратегических исследований «Северо-Запад», Центр стратегических разработок Германа Грефа и др.).

На наш взгляд, именно данная особенность курса позволяет удерживать его собственно образовательное содержание, отсутствующее в ряде предметных школьных программ, трактующих профильность как своеобразную профессиональную «мобилизацию» старшеклассников и их прямое встраивание в сложившуюся профессиональную сферу деятельности.

Наконец, *в-третьих*, программа курса «Социальная география: перспективы развития регионов России» построена модульным образом, что позволяет существенным образом повысить эффективность использования выделенного на элективный курс учебного времени. В основе ее лежит принцип организационно-деловой игры, которая принципиально отличается от распространенных сегодня в школах имитационно-ролевых игр.

На наш взгляд, в отличие от подростка, старшеклассник перестает воспринимать свое настоящее как подготовку к взрослой жизни. Он не готов просто «учиться»; он должен жить, и жить по-настоящему. Поэтому образовательная программа должна быть для старшеклассника действительно «настоящей», то есть «стоящей», тем, во что ему действительно имеет смысл вкладываться. По нашей версии, образовательная программа должна включать старшеклассника одновременно в три ряда отношений: быть местом для анализа реально осуществленных деятельностей и ситуаций (пространство Прошлого), служить проектом и схемой для организации новых ситуаций и новых деятельностей (пространство Будущего), быть местом рефлексивных переходов (пространство Настоящего).

В рамках данного курса речь идет не об имитации, а о создании так называемых *«пробных полей и тел»*. Это не имитация деятельности «больших управленцев», а аналитическая работа, осуществляемая с реальной позиции и имеющая реальный продукт. На наш взгляд, нами найден совершенно уникальный образовательный ресурс, связанный с введением молодых людей в управленческие практики не через имитационные модели, а через аналитическую деятельность как практику поддержки принятия управленческих решений.

3.

Так понимаемая специфика образовательной программы курса делает ее востребованной не только для школьников, профессионально ориентированных на сферу социально-экономического и гуманитарного знания, но и на всех, кто заинтересован в формировании продуктивной профессиональной и личностной позиции, независимо от специфики выбранного профиля обучения.

Обозначенная выше специфика программы позволяет удерживать высокую мотивацию старшеклассников на работу в рамках курса, в том числе, на включение в орбиту собственной учебной деятельности все новых образовательных ресурсов (сетевых, мультимедийных, городских и пр.). Программа способствует повышению роли деловой активности в жизни старшеклассников, формированию ценностей образовательной (то есть поисковой, исследовательской) деятельности.

С другой стороны, программа значительно развивает познавательные способности учащихся, поскольку фактически формирует своеобразные «контуры употребления» полученным ранее предметным знаниям и навыкам, как в области географии, так и в области других социально-гуманитарных наук – экономики, истории, обществоведения.

Наконец, постановка перед старшеклассниками проблемных образовательных задач и использование в качестве материала ситуаций, связанных с проблемами пространственного развития России (управленческими проблемами), позволяет актуализировать необходимость выхода на межпредметные связи, задействовать сопредельные сферы знания.

Программа элективного курса «География человеческих перспектив» направлена:

- на формирование у старшеклассников современного пространственно-аналитического мышления на основе представления о перспективах развития России и ее отдельных регионов;
- на подготовку старшеклассников к свободному ориентированию относительно экономических, культурных, образовательных и прочих ресурсов России и ее отдельных регионов;
- на актуализацию процессов самоопределения старшеклассников по отношению:
 - к современным процессам развития, разворачивающимся на территории страны;
 - к современным способам идентификации, перспективным с точки зрения будущего;
 - к современным формам образовательной и профессиональной мобильности.

4.

Особенности организации содержания элективного курса

Элективный курс «География человеческих перспектив» рассчитан на 72 часа и подразделяется на четыре больших темы (модуля):

1. «География технологических укладов» (18 часов)
2. «География культурных ландшафтов» (18 часов)
3. «География ментальных моделей» (18 часов)
4. «География современных антропоток» (18 часов)

Каждый модуль логически разделен на 4 этапа:

1. Понятийный этап (формирование базового понятия модуля как системного понятия, выделение различных фокусов рассмотрения темы);
2. Аналитический этап (выделение объектов анализа и картографический анализ ситуации в регионе согласно фокусам рассмотрения темы);
3. Сценарный этап (разработка карт-сценариев изменения ситуации в регионе, прогнозирование тенденций развития региона согласно фокусам рассмотрения темы на ближайшие десять-пятнадцать лет);
4. Рефлексивный этап (самостоятельное выполнение домашнего задания по написанию географического эссе).

В рамках каждого модуля предусмотрены следующие основные виды работ:

- Установочные лекции на работу в модуле
- Тематические лекции
- Групповая работа учащихся
- Теоретический, аналитический и футурологический семинары
- Выполнение индивидуальных домашних заданий

Такая форма организации работ в рамках 18-ти часового модуля позволяет сформировать у старшеклассников навыки самоорганизации в образовательной деятельности, управляемо включать в образовательный процесс достаточно большой объем самостоятельной работы учащихся (ориентировочно 30 % времени модуля).

5.

Критерии оценки домашних (индивидуальных) работ учащихся

Индивидуальные работы учащихся имеют трехъярусную структуру. Понятийная часть заданий связана с интерпретацией изучаемого понятия. Аналитическая часть заданий связана с описанием территории собственного проживания учащихся. Наконец, прогностическая часть заданий связана с разработкой версий и сценариев развития территории проживания учащихся.

Оценка «3» (удовлетворительно) – ставится в том случае, если ученик овладел изучаемым понятием, понимает его и может объяснить.

Оценка «4» (хорошо) – ставится в том случае, если ученик умеет использовать, изучаемые понятия, строить на его основе аналитические модели.

Оценка «5» (отлично) – ставится в том случае, если ученик легко использует изучаемое понятие в связи с другими понятиями, может строить на его основе аналитические модели, обсуждать в рамках понятийного аппарата прогнозы и сценарии развития территории.

<p>РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКЕ К ПРОВЕДЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ</p>

1. Технология организации курса позволяет организовать работу одновременно с 30-90 человек, то есть, как с одним классом, так и с двумя-тремя классами одновременно.
2. Поскольку формы работы различны и сменяют друг друга, то наиболее удобной формой работы в элективной курсе является выделение особого дня недели (например, субботы).
3. Учебники географии 9,10,11 класса (например, В.П. Дронова, В.Я. Рома издательства «Дрофа») рекомендуется использовать как развернутый справочник, содержащий основные статистические и тематические карты.
4. Помещение для общей работы должно быть оформлено с помощью различных географических карт России: политической, экономической, плотности населения, физической и др. Так же необходимы карты того субъекта Федерации, в котором проводятся занятия. Карты можно повесить по периметру помещения, создав, таким образом, дополнительный образовательный дизайн.
5. Помещение для общей работы должно быть довольно свободным для перемещения в нем участников образовательного модуля.
6. Во время групповой работы (1-1,5 часа в день) у учащихся должна быть возможность работы с образовательными ресурсами - в Интернет-сети, с электронными и видео-архивами, с текстами, с CD-ROM. Желательно задействовать несколько компьютеров, лучше, если это будет специальный Интернет-класс, где будут находиться все электронные материалы. Так же необходимо отдельное помещение с оборудованием для просмотра видеофильмов, и, конечно же, библиотеку.
7. Для проведения групповой работы необходимы небольшие дополнительные помещения (классы) или холлы, при этом 1-2 группы может остаться в помещении для общей работы.
8. Для групповой работы во второй и третий день необходимы вырезанные из ватмана контурные карты России и/или своего региона, размером 1,5 на 1,0 метр. На них должны быть нанесены необходимые для работы с точки зрения задания обозначения (Федеральные округа, столицы субъектов Федерации и др.).

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ К ПРОВЕДЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ

В основе содержательной подготовки к работе с курсом лежит различие и последовательное проектирование образовательного пространства каждого из модулей по четырем позициям:

- образовательная форма
- игровая форма
- тема
- количество часов

Образовательная форма	Игровая форма	Тема	Количество часов
ХАРАКТЕРИСТИКА ИГРОВОЙ ФОРМЫ			

Образовательное содержание курса «География человеческих перспектив» авторы предлагают строить в специфической игровой форме – в форме работы **Комиссии по региональному развитию**. У этой комиссии есть реальные прототипы, как в нашей стране, так и за рубежом. Например, в России подобная Комиссия (Комиссия по пространственному развитию) недавно создана в Приволжском Федеральном округе, информацию об ее работе можно получить на сайте <http://kprpfo.chat.ru/bibl.html>. В Европе различными аспектами пространственного и регионального развития занимается целый ряд Комиссий при Совете Европы, Европарламенте и ЮНЕСКО.

В мире подобные институты создаются для поддержки принятия управленческих решений в целях стратегического развития какой-либо территории, региона или страны в целом. Как правило, речь идет о ситуациях, когда необходима выработка целостного, сферного видения в среднесрочной (10-15 лет) и долгосрочной (15-50 лет) перспективе. Поскольку работа с Будущим, в отличие от работы с Настоящим и, тем более, с Прошлым, зависит от большого веера неопределенностей, то в

основе деятельности таких Комиссий лежит не метод планирования, а метод моделирования и сценирования ситуации.

На наш взгляд, выбранная игровая форма позволяет преодолеть умозрительную, наукоцентрическую ориентацию географического образования школьников. Поскольку Комиссии по региональному развитию призваны решать практические задачи по эффективной пространственной организации территорий, то имитация работы подобной институции позволяет задать «контур употребления» тому знанию, которое изложено в учебном пособии, и которое должны освоить школьники.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

1. Установочная лекция

Основное назначение установочной лекции заключается в том, чтобы продемонстрировать ученикам актуальность и необходимость обращения к теме модуля в контексте главной цели, стоящей перед ними в данном курсе – исследованием перспектив развития российских регионов.

Установочная лекция имеет огромное значение для всего модуля в целом, поскольку именно от нее во многом зависит, состоится ли модуль как яркое образовательное событие, или это будет рутинное освоение необходимого учебного материала.

«Ядром» установочной лекции является **постановка образовательной задачи**. Образовательная задача – это тот ключевой смысл, который организует все виды работ в модуле в единое целое, придает энергетiku на промежуточных этапах. Иначе говоря, образовательная задача позволяет ученикам в каждый момент модуля осмысленно отвечать на вопрос: «Что мы делаем, когда мы это делаем – формируем понятие, анализируем ситуацию или строим сценарии (прогнозы) ее изменения».

В основе постановки образовательной задачи лежит формулировка **проблемы**, причем эта проблема должна быть не «внешней» по отношению к ученикам, а специальным образом актуализированной для них. Они должны начать рассматривать ее как свою собственную. Для этого учителю необходимо найти и построить «связку» между ключевым понятием модуля, с одной стороны, и контекстами, актуальными для жизни учеников, с другой. Этого можно достичь только из позиции «возможного будущего», например, из позиции «человека, выбирающего регион дальнейшего проживания», «человека, принимающего решение о месте своего дальнейшего образования», «человека, стоящего на пороге выбора профессии» и пр. Это, фактически, и является главной «тайной» постановки образовательной задачи, которая на каждом этапе модуля будет разбита на учебные подзадачи.

Самая серьезная методическая ошибка на этапе установочной лекции может состоять в том, что ключевое понятие модуля учитель будет вводить не как средовое (или «рамочное»), то есть характеризующее жизненный контекст жителей региона, а как предметное, внешнее по отношению к нему. Учитель должен представить пространство российских регионов как пространство жизненных перспектив своих учеников, а основное понятие модуля – как аналитический инструмент для исследования перспектив развития российских регионов.

Только в этом случае модуль станет для учеников не отстраненным, описывающим какую-то отдельную от них и их жизненных перспектив ситуацию, а вписывающим молодого человека в аналитику существующих региональных проблем и процессов.

Для этого, во-первых, установочная лекция ни в коем случае не должна носить теоретический и, тем более, академический характер; она должна быть направлена на формирование у учеников необычного (аналитического) взгляда на уже частично знакомые им вещи, факты, ситуации.

Во-вторых, следует обратить их внимание на возможность при помощи аналитического взгляда преодолеть традиционные, непродуктивные формулировки региональных проблем и их причин, а также поставить новые региональные задачи в связи с этим. Следует показать, как меняются при аналитическом подходе представления о территории, как формируются новые отношения к различным факторам и ресурсам регионального развития.

В-третьих, следует указать на ряд прогнозов, связанных с развитием территории в рамках аналитического взгляда, указать на возможные «точки роста» и «точки кризиса». В-четвертых, можно

сравнить ситуацию региона проживания учеников с ситуацией в других российских регионах и в России в целом.

При чтении установочной лекции учитель должен максимально удерживать ситуацию «понимания-непонимания» учеников: их несогласие, мнения, отдельные реплики и т.д.

Организационно-педагогическая задача учителя состоит в том, чтобы у учеников появилось какое-либо отношение к разворачиваемому материалу. Лекция может читаться частично в форме диалогов, споров, столкновения различных мнений. При этом вовсе не обязательно, чтобы ученики были согласны со всеми оценками ситуации и всеми фиксациями учителя, главное чтобы они соучаствовали в постановке проблемы и «приняли» ее как актуальную для своей жизни.

Очень важно, чтобы учитель сохранял и демонстрировал ученикам именно проблемное, аналитическое отношение к той или иной описываемой ситуации, а не «впадал» в суждения по принципу «хорошо - плохо», а также в обыденное, «партийное» или «псевдопатриотическое» отношение к проблемам России и региона своего проживания.

Если говорить о материале установочной лекции, то он должен давать ученикам представление о том, «что сегодня является современным» с точки зрения темы модуля. Речь идет не об наиболее распространенных или доминирующих в регионе представлениях, а относительно сложившейся ситуации в регионе, а с точки зрения того, какой способ размышления о регионе является сегодня «передовым» в об этой теме в России и мире.

- Описание проблемной ситуации
- Ввод аналитической схемы-понятия
- Демонстрация работы схемы-понятия на исторических примерах
- Характеристика территорий Страны и конкретного региона с точки зрения введенного понятия.
- Прогнозы развития территории с точки зрения введенного понятия.

В конце установочной лекции учитель должен описать всю разворачиваемую структуру данного модуля, указать его значение, описать этапы и назвать конкретные задания, которые будут выполнять ученики. Затем учитель должен указать на ресурсы, которыми возможно будет воспользоваться в процессе работы.

2. Формирование тематических групп

Для того, чтобы сформировались рабочие группы, ученикам необходимо предоставить шанс индивидуальной работы, то есть возможность свободно общаться с товарищами, учителем, иметь доступ к различным материалам. За время индивидуальной работы должно произойти выделение лидеров, которые готовы предложить тот или иной тип технологического уклада, организовать микро-коллектив (5-6 человек) для дальнейшей проработки темы.

Особенность выполнения задачи состоит в том, что для того, чтобы выдвинуть ту или иную версию, старшеклассник должен развернуть представление о собственных ценностях, основных своих направленностях, о том, с чем он, прежде всего, связывает представление о собственных перспективах.

Важно, чтобы у каждой группы был свой содержательный лидер из числа старшеклассников – тот, кто презентировал данный смысл – идею культурного освоения - как значимый для себя лично. Собственно, на движении относительно личностных смыслов во многом и удерживается энергетика образовательного модуля, переводя его из образовательного мероприятия в статус образовательного события.

Далее учитель сравнивает создание группы с комиссиями по пространственному развитию, объясняя, в чем их назначение в процессах организованного развития Страны, приводит примеры подобной деятельности.

В заключение лекции учитель делает презентацию имеющихся печатных, электронных, видео- и Интернет-ресурсов.

Методика формирования рабочих групп следующая. В начале учитель дает время на индивидуальную работу 15-20 минут, в ходе которой оформляются мнения учеников, их предположение о том или ином аспекте изучаемого объекта, например, ученики исходя из собственных интересов, профессиональных самоопределении личностной направленности предлагают тот или иной тип культурного ландшафта. Затем происходит презентация данных версий,

где уточняется позиция ученика-лидера, экспертируется правильность выполненного типа действий. После всех презентаций учитель подводит итог и просит учеников выбрать ту или иную презентуемую версию.

3. Работа тематических групп

Как правило, в группах должно быть от 5 до 7 человек, объединенных лидером, который предложил тему группы. Иногда эти лидеры несут на себе как содержательную, так и организационную функцию, но может быть, что в ходе работы возникнет и распределенное лидерство. В начале работы участники группы еще раз обсуждают тему своей группы, уточняют, то, как кто понял задание. Затем переходят к обсуждению вопроса организации работы в группе и распределению ролей.

В ходе работы группа оформляет свой доклад на отдельном ватмане в форме опорного конспекта, в заключении обсуждается, кто будет докладчиком, происходит подготовка плана доклада.

Учитель во время групповой работы контролирует работу групп, помогает ученикам сорганизоваться, консультирует по вопросам доступа к дополнительно информации.

4. Выступление групп (общая дискуссия)

Во время общего обсуждения группы последовательно высказывают свои версии поясняют их, демонстрируя примерами из истории и современности.

По ходу обсуждения учитель должен фиксировать на доске все высказываемые версии, а также за счет уточняющих вопросов помогать ученикам дооформлять их в том случае, если они не смогли сделать этого в полной мере самостоятельно.

Очень важно следить за тем, чтобы каждая из высказываемых версий была достаточно аргументированной и доказательной. Из сообщений должно быть понятно, какие материалы ученики привлекали в процессе индивидуальной подготовки и групповой работы.

В ходе общего обсуждения у участников должна складываться хотя и вероятностная, но, тем не менее, целостная и обоснованная картина причин и источников антропогена, их изменения в историческом пространстве и времени. Хорошо, если в результате общего обсуждения появится таблица, систематизирующая эти представления по различным основаниям.

В ходе общей дискуссии необходимо создать целостность понимания обсуждаемой проблемы. Поскольку данный курс предусматривает разный уровень включенности ученика в ту или иную подтему, то в ходе организации коммуникации между различными группами необходимо «сложить» общий объект, т.е. ученики, осваивают тему как бы со всех сторон. Задача учителя организовать коммуникацию так, что бы представители разных групп начали понимать друг друга и вникать в проблематику коллег. В ходе общей дискуссии после каждого доклада задаются уточняющие вопросы, затем учитель предлагает сказать свои мнения-суждения. Это очень важно, так как через эту процедуру начинает оформляться позиция учеников. Также учитель в ходе групповых докладов помогает докладчику структурировать речь, выделить базовые тезисы, сформулировать итоговые мысли.

5. Подведение итогов работы за день

В конце общей дискуссии учитель объявляет короткий перерыв, в ходе которого просит учеников подумать об основных результатах дня: о том, что стало понятным, что стало важным, а что пока осталось не ясным, требующим уточнения и проработки. После перерыва ученики высказываются, оценивают работу своей и других групп, формулируют вопросы к учителю. В заключении выступает с минидокладом учитель, где оценивает работу групп, отдельных учеников, выделяет результаты работы дня и формулирует домашнее задание.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДУЛЕЙ

МОДУЛЬ 1. «ГЕОГРАФИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ» (18 ЧАСОВ)

Модуль «География технологических укладов» является первым в элективном курсе «География человеческих перспектив». Поэтому важно не только реализовать тематическую программу модуля, но и продемонстрировать принципиальное отличие этого курса от основного курса географии и других предметных курсов социально-экономической направленности.

Данный модуль посвящен анализу технологических укладов жизнедеятельности людей на территории России, а также анализу того, в какие большие по отношению к стране процессы втянуто население России на сегодняшний день, по каким хозяйственным и административным принципам организована сегодня жизнь страны.

Базовым объектом модуля для аналитик прогнозирования являются карта субъекта федерации, в котором проживают участники и карта Российской Федерации. Практическая задача заключается в создании учениками карты технологической организации Российской Федерации в ближайшие 10-15 лет.

1.1. Общая структура образовательного модуля «География технологических укладов»

Блок понятийной работы

1. Единицы пространственной организации страны: районы и регионы
2. «Волны развития» и технологические уклады. Характеристики технологических укладов.
3. Региональное развитие и циклы развития технологий

Блок выделения объектов анализа

1. Типы технологических укладов. Сравнительный исторический и географический анализ технологических укладов в стране. Статистические характеристики технологических укладов.
2. Модель технологических укладов (описательные характеристики).
3. Модернизационные характеристики технологических укладов.

Блок моделирования карт

1. Сравнительный анализ карт регионов российской Федерации. Выделение существующих технологических укладов
2. Сравнительный анализ политической и экономической карт имперской России, СССР и Российской Федерации
3. Выделение возникающих социально-экономических регионов страны. Моделирование перспективных социально-экономических карт

Образовательная форма	Игровая форма	Тема	Количество часов
Понятийный этап «Технологический уклад как современная характеристика региона» - 6 часов			
Установочная лекция	Проблемный доклад	«Технологические уклады и логики пространственной организации страны»	1 час 15 мин
Формирование	Создание отделов Комиссии по	«Выделение прототипов	45 мин

тематических групп	региональному развитию	технологических укладов. Сравнение российских регионов»	
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Характеристики технологических укладов»	1 час 30 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию	«Технологический уклад как системное понятие»	2 часа
Подведение итогов работы за день			30 мин
Аналитический этап «Региональная ситуация на карте технологических укладов России» - 6 часов			
Тематические лекции	Аналитические сообщения	«Представление о регионе через призму технологических укладов». «Технологические уклады и история освоения региона»	1 час 30 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Региональные технологические уклады»	2 часа 15 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию	«Карты технологических укладов региона. Технологический уклад как показатель включенности региона в страновые процессы»	1 час 45 мин
Подведение итогов работы за день			30 мин
Сценарный этап «Смена ведущего технологического уклада и возможные сценарии развития региона» - 6 часов			
Тематические лекции	Экспертные сообщения	«История смены технологических укладов: США, Европа, страны Востока, Россия»	1 час 30 мин
Групповая работа	Заседания отделов Комиссии по региональному развитию	«Региональные технологические уклады - 2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»	2 часа
Выступления групп. Общая дискуссия	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию	«Смена ведущего технологического уклада и возможные сценарии развития региона»	2 часа
Итоговое обсуждение результатов работы в модуле			30 мин

Рефлексивный этап			
Домашнее задание по модулю в целом	Географическое эссе		

1.2. Вариант образовательной программы модуля «География технологических укладов»

«Я считаю, что мы интересуемся волнами и циклами потому, что они являются одновременно и механизмом, который описывает жизнь исторической системы, и механизмом, посредством которого действует реальная система. Физиологи не спорят о том, существует ли дыхание. Они не предполагают, что это регулярное, повторяющееся явление всегда абсолютно идентично по форме или продолжительности. Но было бы трудно описывать физиологию животных, не принимая во внимание то обстоятельство, что все животные дышат, причем дышат, повторяя этот процесс многократно и достаточно регулярно – в противном случае они просто не выживут».

Иммануил Валлерстайн

День первый «ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД КАК СОВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА»

10.00 – 11.15	Проблемный доклад «Технологические уклады и логики пространственной организации страны»
11.15 – 12.00	Создание отделов Комиссии по региональному развитию «Типы технологических укладов»
12.00 – 13.30	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Характеристики технологических укладов»
13.30 – 14.00	Обед
14.00 – 16.00	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию «Технологический уклад как системное понятие»
16.00 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День второй «РЕГИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА КАРТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ РОССИИ»

10.00 – 11.30	Аналитические сообщения: <ul style="list-style-type: none"> ○ «Представление о регионе через призму технологических укладов» ○ «Технологические уклады и история освоения региона»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Сравнительный анализ регионов России»
	Возможные ресурсы для работы отделов:
	▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.)
	▪ Интернет (региональные и федеральные сайты)
	▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону)
	▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)

14.00 – 14.30	<i>Обед</i>
14.30 – 16.15	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию «Карты технологических укладов региона. Технологический уклад как показатель включенности региона в страновые процессы»
16.15 – 16.30	<i>Перерыв</i>
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День третий
«СМЕНА ВЕДУЩЕГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА
И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА»

10.00 – 11.30	Экспертные сообщения «История смены технологических укладов: США, Европа, страны Востока, Россия»
11.30 – 11.45	<i>Перерыв</i>
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Региональные технологические уклады-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»
	Возможные ресурсы для работы отделов:
	▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.)
	▪ Интернет (региональные и федеральные сайты)
	▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону)
	▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	<i>Обед</i>
14.30 – 16.15	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию «Смена ведущего технологического уклада и возможные сценарии развития региона»
16.15 – 16.30	<i>Перерыв</i>
16.30 – 17.00	Итоговое обсуждение результатов работы в модуле. Домашнее задание (написание эссе).

1.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля
«География технологических укладов»

Понятийный этап:
«Технологический уклад как современная характеристика региона»

А) Первый этап модуля связан с постановкой проблемы и началом формирования базовых понятий темы. Введение в тему происходит с помощью установочной беседы **«Технологические уклады и логики пространственной организации страны»**. Стартовая установочная беседа имеет крайне важное значение для мотивационной проблематизации учеников. Учитель должен поставить перед учащимися проблему и ввести образовательную задачу так, чтобы они начали рассматривать ее как свою. По существу, от этого зависит, состоится ли модуль как образовательное событие.

Основной вопрос (проблема) данного модуля – что такое «пространственная организация страны», от чего она зависит, в чем роль технологических укладов в этой организации? Как в связи с изменением базовых деятельностей – технологий в регионах могут быть изменены организационно-административные карты. Естественно, что с точки зрения специального профессионального прогнозирования эта задача невозможна для старшеклассников. Однако главная образовательная задача заключается в привитии навыка («вкуса») аналитической работы и снятие страхов перед прогнозированием. Тем более что принятие собственных решений о собственной профессии и местах жительства не требует сверхспециального знания.

Сложность темы «Технологические уклады», в отличие, например, от традиционного экономического районирования заключается в том, что современное поколение старшеклассников взрослеет в так называемый «постсоветский» период, где, собственно, как и в советское время,

гуманитарная география не является востребованной. Если тема экономической географии в массовом сознании, в том числе, и родителей, имеет значение для юноши, то представление о пространственно-технологической организации страны в существующей российской ментальности пока не актуальна. Тогда в современном мире тема пространственного развития крайне актуальна.

В установочной беседе необходимо удерживать позицию, связанную с переформатированием традиционных представлений о районировании как управленческой практике «свыше». Учитель должен указать, прежде всего, на примере данного места проживания, что существуют целые регионы – узлы, возникающие вне и поверх традиционных границ. Необходимо обратить внимание, что благодаря отмиранию одних традиционных технологий и появлению других, возникают новые базовые деятельности территорий, задающие новые регионы и новые экономические границы (например, возникающие soft-технологии, малое и среднее производство и предпринимательство, новые технологии добычи и переработки ресурсов и т.д.).

Одним из факторов, доказывающих смену региональных представлений на мега-уровне, является процесс мировых изменений на рынке, то есть геоэкономические и геополитические преобразования, благодаря которым часть мировых территорий, в том числе, и в России, становятся нерентабельными. Например, не всегда добыча цветных металлов в Сибири экономически выгодна или пресловутая ситуация с ценами на нефть для России.

Актуальность этого знания заключается в том, что, по всей видимости, наступает время новых рынков труда, и взрослеющее сегодня поколение будет участвовать в процессах трудовой миграции (что, кстати, идет вразрез с традиционным советским менталитетом). Технологический уклад – это довольно сложное для десятиклассников понятие, так как оно не столь объективно, как территориально-производственные комплексы (ТПК) с ведущими отраслями специализации (которые можно определить даже арифметически). Технологический уклад – это аналитический взгляд на способы организации деятельности людей, проживающих на территории. То есть в одних и тех же ТПК могут быть использованы совсем различные технологии, которые, в свою очередь, определяют специфику жизнедеятельности людей (возможны примеры, связанные с автоматизацией, компьютеризацией, изменениями схем организации и управления в различных отраслях).

Необходимо организовать обсуждение и выделение актуальных для учеников технологических укладов. Необходимо выстроить не разговор «вообще», а задеть значимые смыслы для кого-то лично из данной группы старшеклассников. Так как технологические уклады во многом задают структуры и образ жизни (на данном этапе возможно организовать обсуждение по выделению ключевых смыслов, значимых для ребят с точки зрения их жизненных планов и надежд).

Задача на дальнейшую работу может быть сформулирована следующим образом: выделить типы технологических укладов, на основе которых сегодня происходит реорганизация регионов (следует сказать ученикам, что необходимо обращать внимание на те отрасли и технологии, которые интересуют их, прежде всего). В качестве базовых технологических укладов можно выделить следующие уклады, например связанные с:

- добывающим комплексом и производством промышленного сырья
- индустрией сельского хозяйства
- индустриально-производственной организацией
- научно-производственным комплексом
- гуманитарными технологиями и постиндустриальной экономикой

Добывающий комплекс и производство промышленного сырья связан с процессами добычи природных ресурсов и их первичной переработкой.

Индустрия сельского хозяйства связан с сельским хозяйством и начальной стадией переработки сельскохозяйственной продукции.

Индустриально-производственный уклад связан с машиностроительным, военно-промышленным, топливно-энергетическим комплексом, металлургическим комплексом и с рядом других производств.

Научно-производственный комплекс и ИТ связан с научно-исследовательскими организациями, конструкторскими и проектными бюро, опытными заводами, вузами.

Гуманитарные технологии и постиндустриальная экономика связаны с производством современных гуманитарных продуктов: торговых марок, имиджей, идеологий, концепция развития, гуманитарных знаний. Также к постиндустриальной экономике можно отнести современную сферу обслуживания, туризм, гостиничное дело, банковское дело, издательское дело и др.

Затем учитель отвечает на вопросы в связи с заданием и по лекции в целом и предлагает учащимся в режиме формирования рабочих групп подготовить индивидуальные версии и презентации.

В заключении учитель ставит задачу дня: необходимо выделить три типа характеристик технологических укладов:

- статистические характеристики
- описательные характеристики
- модернизационные характеристики (характеристики, которые описывают, как влияет технологический уклад на развитие территории)

Б) Для того, чтобы сформировались рабочие группы, учащимся необходимо предоставить шанс индивидуальной работы, то есть возможность свободно общаться с товарищами, учителем, иметь доступ к различным материалам. За время индивидуальной работы должно произойти выделение лидеров, которые готовы выбрать и предложить тот или иной тип технологического уклада, организовать микро-коллектив (5-6 человек) для дальнейшей проработки темы.

Особенность выполнения задачи состоит в том, что для того, чтобы выдвинуть ту или иную версию, старшеклассник должен развернуть представление о собственных ценностях, основных своих направленностях, о том, с чем он, прежде всего, связывает представление о собственных перспективах.

Важно, чтобы у каждой группы был свой содержательный лидер из числа старшеклассников – тот, кто презентировал данный смысл – идею культурного освоения - как значимый для себя лично. Собственно, на движении относительно личностных смыслов во многом и удерживается энергетика образовательного модуля, переводя его из образовательного мероприятия в статус образовательного события.

Далее учитель сравнивает создание группы с комиссиями по пространственному развитию, объясняя, в чем их назначение в процессах организационного развития страны, приводит примеры подобной деятельности.

В заключение лекции учитель делает презентацию имеющихся печатных, электронных, видео- и Интернет-ресурсов.

В) Во время групповой работы «**Характеристики технологических укладов**» задача группы состоит в нахождении для каждой версии технологического уклада своеобразного образца – культурно-исторического прототипа.

Например, для soft-технологии это Силиконовая Долина (США), для индустрии современного туризма и отдыха – Мальта, Турция и пр. Прототип представляет собой прецедент, который в дальнейшем становится образцом и нормой.

При этом следует напомнить, что групповой доклад нужно построить на сравнении двух-трех регионов страны, для чего в каждую группу раздаются различные экономические и административные карты Российской Федерации.

Г) Общая дискуссия «**Технологический уклад как системное понятие**» предполагает вычленение прототипов технологических укладов и их современных форм. Дискуссия проходит на фоне современной карты Российской Федерации.

Участники периодически в качестве примеров ссылаются на те или иные региональные ситуации. Основная дискуссия состоит в выделении того или иного типа технологических укладов и отнесения его к тому или иному прототипу. Эта работа происходит через описание известных ученикам региональных ситуаций и апелляции к экономической и административной карте РФ.

Д) На итоговом обсуждении ученики вместе с учителем систематизируют требования к региону, в котором они хотели бы жить и работать, приводят примеры таких регионов в стране, может быть, за рубежом.

Аналитический этап:

«Региональная ситуация на карте технологических укладов России»

А) Проблемная лекция «**Представление о регионе через призму технологических укладов**» или «**Технологические уклады и история освоения региона**» направлена на логическую сшивку

представлений о технологических укладах территорий с экономическим и административно-политическим устройством страны. В лекции необходимо обратить внимание на то, что в XX веке вопросы пространственного развития начинают играть ключевую роль для человечества. Возникают неоднородные регионы с высоким уровнем развития. Также возможно сделать прогноз: через 25 лет 80% мирового производственного потенциала будет сконцентрировано в 20-30 сверхмегаполисах – тугих инфраструктурных узлах, с населением, живущим суперинтенсивной жизнью. В лекции необходимо привести примеры, связанные с реализацией проектов пространственного развития, меняющие технологические уклады (например, планы ГОЭЛРО, Маршалла и другие). Также следует привести и ряд крайне негативных примеров, связанных с насильственным переселением людей, созданием не вахтовых, а стационарных городов в местах, невозможных для нормального проживания и др.

В лекции должны быть поставлены проблемы: какова должна быть политика пространственного развития России, направленная на возникновение современных регионов и технологических укладов? Каким образом можно оценивать (исследовать) организацию региона? По каким критериям можно исследовать возможности людей Страны?

В заключении необходимо кратко представить три принципа организации территории: губернии России, области, края и республики СССР и административные округа Российской Федерации.

Следует отметить, что такая организация опиралась в той или иной мере на существующие и возникающие технологические уклады. Учитель отвечает на вопросы и объясняет задачу дня связанную со сравнительным анализом регионов Страны. Для этого необходимо составить карту своего региона (субъекта федерации), выделив следующие критерии:

- Статистический: например, занятость людей в сфере данного технологического уклада, процентная доля в структуре ВРП и т.д.
- Описательный: структура технологического уклада, ведущие направления экономической деятельности и т.д.
- Модернизационный: объекты инновационного роста

Конечно же ученики не произведут доскональный профессиональный анализ, однако они получат опыт сравнительной аналитической работы, тем более что источниками являются вполне профессиональные материалы: карты, исторические справки, статистики и аналитические статьи.

Б) Во время групповой работы очень важно, чтобы ученики не только составили карту своего региона, но и соотнесли ее основные аналитические показатели с соседними регионами и попытались выделить динамику изменения технологических укладов своего региона, привлекая различные данные, а также имеющиеся знания из других предметов.

В) Общая дискуссия «**Технологический уклад как показатель включенности региона в страновые процессы**» проходит в форме презентации групповой работы и обсуждения региональной ситуации по отношению к ведущим экономическим страновым процессам. В рамках этого режима необходимо осуществить оценку своего региона с точки зрения включенности в модернизационные страновые процессы.

Г) В заключение этого этапа каждая группа высказывает свое отношение к докладам других групп, а также выделяет факторы, которые влияют на формирование технологических укладов (обоснование позиции желательно сделать через исторические примеры нашей страны).

Сценарный этап:

«Смена ведущего технологического уклада и возможные сценарии развития региона»

А) Проблемная лекция «**История смены технологических укладов: США, Европа, страны Востока, Россия**» посвящена вводу представлений о развитии на основе смены базовых технологий. Здесь может быть привлечен материал, описывающий циклы смены технологических укладов русского экономиста Николая Кондратьева, циклы цивилизационного развития Дэниэла Бэла, волны технологических революций Элвина Тоффлера и др.

Необходимо в ходе лекции указать на изменения возможностей людей в ходе технологической революции, обратить в связи с этим внимание на нашу страну, привести ряд примеров и проанализировать их.

Б) Перед групповой работой учитель раздает каждой группе контурные карты РФ, с нанесенными на ней основными центрами-городами. На основе построенных до этого аналитических карт необходимо построить сценарную карту России. Задача групп заключается в подготовке версий-гипотез о возможности организации страны (экономической, административно-политической) в ходе происходящих внутренних и геоэкономических изменений. То есть, группы должны к футурологическому семинару предоставить законченные (по возможности) контурные карты и обоснование сделанной работы.

В) Футурологический семинар «Смена ведущего технологического уклада и возможные сценарии развития региона» проходит в своеобразной форме «презентации будущего». Здесь очень важно выделить не только негативные факторы, но необходимо создать условия, что бы участники отошли от выступлений «хорошо-плохо», а представляли так или иначе обоснованные картины, подкрепленные картами. Необходимо, что бы «слушающие группы» попробовали войти в экспертную позицию и отнеслись к выступлениям своих товарищей. По существу, эта форма является своеобразным тренингом прогнозирования.

Г) Итоговое обсуждение посвящено анализу всего образовательного модуля. В ходе беседы «**Индивидуальные стратегии в контексте страновых изменений**» ученики высказывают свое мнение о ситуации в своем регионе и пытаются ответить на вопрос, как может быть связан их профессиональный выбор с перспективами развития страны.

<p>1.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География технологических укладов»</p>

ХОЗЯЙСТВО, ГОРОДА, ВЛАСТЬ: КАК ЭТО БЫЛО СДЕЛАНО В СССР

М. Г. Меерович

(Опубликовано: Кентавр. Альманах. № 26 (июнь 2001). С.49-56.)

Многие сегодняшние проблемы нашего хозяйства корнями своими уходят в первые десятилетия Советской власти. Обсуждение этих проблем невозможно без анализа идей, концепций, теоретических постулатов, положенных в основу решений, принятых еще в те годы.

<...>

В 1909 г. на немецком языке вышла книга Альфреда Вебера «Теория размещения промышленности». В 1926 г. она была переведена на русский язык и издана в СССР. Интерес к ней возник потому, что в этот период начинает разрабатываться план очередного шага в развитии молодого советского государства – построения социализма в СССР.

Целью большевистского руководства СССР в этот период было создание общегосударственной системы планового производства и распределения населения, изделий и продуктов по территории страны. Органом, который напрямую занимался созданием такой системы, являлся Госплан.

Плановое хозяйство противопоставляется медленному эволюционному процессу развития дореволюционной России; оно видится как «государственное плановое хозяйство, сосредоточение сил государства на главнейших... отраслях, определяющих судьбы всего массового производства».

Интерес к книге А. Вебера возникает в Госплане потому, что Госплан должен дать ответ фактически на тот же вопрос, который изучал А. Вебер: как размещать промышленность по стране? Но впрямую воспользоваться выводами А. Вебера ученые, работающие на Госплан, не могут: он пишет про «капитализм», а Госплан разрабатывает программу построения «социализма». Поэтому

труд А. Вебера служит лишь отправной точкой, той концептуальной базой, критикуя которую и переиначивая которую («до наоборот»), сотрудники Госплана формулируют основы «концепции социалистического расселения».

На тот момент это был единственно возможный путь. Ведь А. Вебер наблюдал, изучал и обобщал реальный «капитализм», окружавший его, а сотрудникам Госплана «социализм» нужно было выдумать – придумать законы и правила, которые еще не существуют в обществе. Поэтому ход, которым шла работа, в методическом плане был прост и верен: взять описание «капитализма» и на основе его критики (проделанной основоположниками марксизма-ленинизма), построить теоретико-гипотетические положения «социализма».

Итак. Капитализм неразрывно связан с отделением города от деревни. Социализм – со стиранием границ между городом и деревней.

При капитализме отдельные отрасли производства (в результате территориального разделения труда) прикрепляются к отдельным областям страны. При социализме отдельным районам запрещено специализироваться по какой-нибудь одной отрасли промышленности либо земледелия.

При капитализме население концентрируется в крупных городах. При социализме население должно быть равномерно разровнено по территории страны.

Антивеберовская позиция Госплана основывалась на рассмотрении промышленности как причины возникновения городов, хотя в книге «Город» Макса Вебера – родного брата А. Вебера, – тогда же вышедшей на русском языке, описаны и другие, нежели «промышленность», причины появления городов.

Одно из основных положений теории А. Вебера заключалось в том, что, анализируя закономерности размещения промышленности при капитализме, он представляет «рабочее население» как бы «прикрепленным» к географическим пунктам, в которых оно сосредоточено. В соответствии с этим, новое производство предлагается размещать как можно ближе к сосредоточению этой рабочей силы. Квалифицированные рабочие кадры привыкли к высокому качеству жилой среды, которое, как правило, складывается в крупных городах – местах концентрации промышленности. Поэтому строить новые промышленные именно там кажется буржуазному ученому, привыкшему все подсчитывать, более выгодным, нежели строить новые производства возле мест добычи и переработки сырья, возводя здесь же новые населенные пункты, причем с качеством жизни не ниже, чем в существующих крупных промышленных центрах. Более выгодным, ибо целенаправленная переселенческая кампания требует несравненно больших затрат.

Этим соображениям активно противостоят теоретические постулаты «планового социалистического расселения». Вот, что пишется по этому поводу в журнале «Плановое хозяйство» (1929, 7): «Если бы промышленность развивалась у нас стихийно, то у нас действовал бы веберовский закон агломерации, ... существующие города стихийно разрастались бы и мы имели бы процесс роста городов, аналогичный тому, который имеет место в капиталистических странах... Однако, было бы большой ошибкой предполагать, что мы будем проводить такую же политику в нашем плановом хозяйстве».

Разработчики первого в СССР государственного плана построения социализма, в противоположность А. Веберу, исходят из идеи о целенаправленном управлении процессами деятельности людей. Мировоззренчески за этой идеей стоит методологический тезис о том, что «развитие» должно быть искусственно организуемым процессом. Социальные идеи необходимо претворять целенаправленно и сразу.

В начале века почти очевидным казалось, что хозяйственные системы должны быть организованы сознательно, то есть за счет определенных знаний, а не сами собой под воздействием стихийных, «экономических», «товарно-денежных» отношений.

Причем теоретики марксизма распространили этот принцип не только на деятельность, но и на жизнь, рассматривая ее как «обслуживающую» процессы производства: специально устроенную так, чтобы «восстанавливать силы трудящихся для полноценного отправления обязательной трудовой повинности». Даже специальное слово стали употреблять для обозначения этого «единства» производственной деятельности и организуемой при ней жизни – «жизнедеятельность». Все неконтролируемые проявления жизни должны быть исключены. Расписывалось и регламентировалось даже свободное время: «ничего неделание» должно быть заменено обязательными занятиями – спортом, кружками, наукой.

Принудительность организации жизни и деятельности воспринималась как нечто совершенно нормальное, так как сознание и разработчиков плана построения социализма в СССР, и тех, кому

предстояло в соответствии с ним существовать, давно было подготовлено к этому теоретиками и идеологами партии. Еще в 20-м году Н.И. Бухарин писал, что государственная власть пролетариата, его диктатура, само советское государство служат фактором разрушения старых экономических связей и создания новых. А осуществляется это благодаря «концентрированному насилию», которое обращается не только на буржуазию, но отчасти, и вовнутрь, являясь фактором «самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся». /.../

В условиях уже вполне сформированной к 1929 г. государственной машины внеэкономического принуждения большевистские ученые, в противоположность А. Веберу (в основе теории которого лежало представление об «экономической выгоде»), разрабатывали план построения социализма, исходя из идеологии, а не экономики. И, в частности, из идеологического постулата о том, что «материальное стимулирование и личная заинтересованность» – это выдумки капитализма, а в советской стране государство должно заставлять человека жить и работать там, где нужно и так как нужно, потому что «...пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человеческого материала из человеческого материала капиталистической эпохи». Так утверждал Н.И. Бухарин. «Именно!» – подтвердил эту мысль В.И. Ленин.

В условиях бестоварного, безденежного, безрыночного социализма следование государственной цели всегда было весомее издержек производства. И всегда такие цели, как обороноспособность, обеспечение экономической независимости страны, защита государственных интересов и проч., были превыше «голых калькуляционных мотивов».

И если в капиталистической теории Вебера размещаемые капиталистические производства тяготели к существующим транспортным артериям, то в социалистической теории транспорт тяготел к производству: если того требовали нужды производства, то к нужному месту тянулись железнодорожные пути.

В капиталистической теории Вебера капиталистические производства все менее зависели от мест расположения сырья. Социалистическая теория осуждает эту «черту уродливого размещения производительных сил при капитализме» и, с точностью «до наоборот», требует размещать производства вблизи источников сырья (кстати, при таком подходе и транспортные затраты становятся много меньше).

В капиталистической теории Вебера капиталистические производства размещались вблизи скопления рабочей силы. В социалистической теории и практике скопления рабочей силы целыми эшелонами стали перемещаться к вновь создаваемым производствам.

Рабочая сила привлекалась в эти новые производства совсем не по-веберовски, то есть не за счет высоких заработков и не за счет предоставления более комфортных условий жизни, нежели в существующих городах. Она привлекалась туда за счет манипулирования естественной активностью молодежи (азарт первопроезда, комсомольские путевки, желание выделиться, либо сделать служебную карьеру и проч.). Она привлекалась туда возможностью «вырваться» из сельской жизни и получить паспорт, ассоциировавшийся у сельчан с идеей свободы перемещения (которой они были лишены государством). Она привлекалась туда благодаря еще одному мощному средству – возможности разрешить жилищную проблему: вероятность получения жилья (в бараке, в общежитии, а потом, возможно, и в отдельной квартире) в городах-новостройках была значительно выше, нежели в старых городах.

Рабочая сила привлекалась в эти новые производства также и принудительно. С первых же дней своего существования новая власть поставила вопрос об использовании труда заключенных. Если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу основоположников, применять к свободным гражданам, то что ж говорить о пораженных в правах: «Организовать новые концентрационные лагеря ... в целях колонизации этих (отдаленных – М.М.) районов и эксплуатации их природных богатств». В 1930 г. Госплан создает инструкцию, где говорится о необходимости включить в плановую экономику труд лиц, лишенных свободы. Для использования труда заключенных создается специальное управление Народного комиссариата внутренних дел, ГУЛАГ (Главное управление лагерей). Эков предполагается использовать в основополагающих отраслях экономики: лесозаготовках, золотодобыче, разработке месторождений платины и цветных металлов, угледобыче и в строительстве всех типов. И они активно используются.

В капиталистической теории Вебера промышленность стремится к слиянию в агломерацию. В социалистической теории (с точностью «до наоборот») на это стремление накладывается запрет. Запрет в самом прямом смысле этого слова – Партия издает распоряжение, запрещающее агломерациям возникать. В решениях июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б) говорится: «...Пленум

ЦК считает нецелесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий и в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.».

2.

В научной среде отношение к труду А. Вебера, конечно же, не было столь однозначно тенденциозным, как в среде политической. Е. Варга, Э. Гольденберг, С. Бернштейн-Коган, Н. Морозов, И. Дашковский, Н. Баранский и другие ученые, хотя и с некоторыми оговорками, но разделяют подход, основные положения и выводы теории А. Вебера.

«Из всего, что создано буржуазной наукой за последние десятилетие в области изучения пространственного размещения хозяйственных явлений, – писал Н. Морозов в статье «Веберовская теория промышленного штандорта и ее критики» – работа Альфреда Вебера, по признанию не одних только буржуазных экономистов, является наиболее ценной и совершенной». «Штандортом» (или более широко – «штандортными факторами»), А. Вебер называет ту «экономическую выгоду, которая выявляется для хозяйственной деятельности в зависимости от места, где осуществляется эта деятельность. Эта выгода заключается в сокращении издержек по производству и сбыту определенного промышленного продукта и означает, следовательно, возможность изготавливать данный продукт в одном каком-либо месте с меньшими издержками, чем в другом месте». /.../

С. Бернштейн-Коган в брошюре, воспроизводящей доклад, сделанный им в Особом Совещании по восстановлению основного капитала, пишет: «При выборе места для них (производственных единиц) мы сможем использовать основные приемы веберовской схемы и не задаваться какими-либо новыми методологическими приемами». /.../

Эти и другие экономисты никак не могут осознать того факта, что государство, в котором они живут и которому они служат, категорически не основывается на принципах «экономической эффективности», но решительно опирается на постулат «социальной целесообразности». Они никак не желают принять положение, суть которого довольно жестко зафиксировал один из критиков Вебера М. Галицкий: «Проблема размещения промышленности представляет собой не только (а, может быть, и не столько) вопрос теории, сколько вопрос политики». В СССР «...фактическое распределение промышленности по территории определяется у нас не весовыми и всякими иными коэффициентами и «модулями» Вебера, а непосредственными распоряжениями ВСНХ, ГСНХ и трестов».

Практики социалистического размещения производительных сил по территории страны предлагают создание второго стратегического эшелона оборонных (в данном случае, угольно-металлургических) предприятий на Урале, планируют развертывание третьего, и четвертого, и пятого, в Казахстане, Сибири, на Алтае, Дальнем Востоке. А сторонники теорий Вебера (теория промышленного штандорта), Тюнена (теория сельскохозяйственного штандорта), Энглендера (теория общего штандорта) продолжают твердить: «Не может быть никакой речи о равномерной индустриализации страны, ибо это неизбежно означало бы совершенно непроизводительную затрату национального капитала и замедление темпа нашего индустриального развития, а должен быть выдвинут принцип возможного сосредоточения промышленного строительства в оптимальных для этого районах. ...Единственным оптимальным районом ... представляется юг».

/.../

История свидетельствует о том, что к концу 30-х гг. властным структурам стало понятно, что буржуазная экономическая теория («старый объект») не отвечает задачам новой власти, не обеспечивает решения (принимаемые по поводу системы размещения производств, системы расселения, по поводу трассировки транспортных артерий и др.) научным знанием и экономическим расчетом. Нужна новая социалистическая экономгеография («новый объект новой экономической теории»).

Новую теорию, как и новый город, легче строить на пустом месте. Поэтому «место расчистили» – разоблачили «вредительство» (уволнили с работы, посадили в тюрьму, расстреляли), раскрыв, тем самым, глаза многим экономгеографам на то, что с ними станется, если они не поймут, чего от них ждет власть. Привлекли кадры марксистов на «фронт экономгеографии», разместив их на руководящих постах, с тем, чтобы они идеологически втолковывали подчиненным особый характер теории, обслуживающей «социалистическое строительство» (пусть «новые» экономгеографы формируют новый теоретический объект, не противоречащий идеологическим установкам и действиям власти).

А после этого еще и объяснили все наоборот, что, якобы, сначала все экономически рассчитали, взвесили, хорошенько продумали, какой должна быть система распределения промышленности по территории страны, какой – быть система расселения. А потом приняли экономически обоснованное решение.

Не было этого. Действительно, Октябрьская революция дала мощный импульс кардинальной перестройке хозяйственно-территориальной структуры. Но эта перестройка была не «экономическая», а «управленческая».

3.

Территориальное деление «подданных» неразрывно связано с социальной функцией государства – «управлением людьми». В основу территориального деления России времен Петра I была положена военно-мобилизационная организация. За единицу исчисления населения был принят «двор». Дворы были объединены в доли по 5536 дворов сообразно численности петровских полков, а доли – в уезды, провинции и губернии. К каждой губернии было приписано определенное количество полков, которые она и должна была комплектовать людьми и снабжать деньгами.

В 1775 г. новой реформой «Учреждение о губерниях», Екатерина II осуществила оптимизацию численного состава губерний (300-400 тыс. душ населения) и уездов (20-30 тыс. душ). В итоге вся Россия была поделена на 40 губерний, разделенных на уезды. В 1861 г. к двухчленному делению прибавилось третье – волость как подразделение уезда [17, с. 158-175]

Октябрьская революция дала импульс кардинальной перестройке хозяйственно-территориальной структуры, но именно как следствия перестройки собственно системы «управления людьми».

До образования Госплана работы по территориальной реорганизации России проводились Административной Комиссией НКВД (затем – ВЦИК). «Это был тот период работы, когда районирование производилось по сложившимся в порядке предшествовавшего экономического развития страны хозяйственным центрам. Однако, – читаем мы в опубликованной в 1925 г. статье – такое районирование было «приспособительным», привязанным к условиям до революции определившихся исторических традиций, что совершенно не открывало никаких горизонтов сознательному творчеству в этой области». «Только с образованием Госплана дело районирования стало на прочную основу, так как естественному, «приспособленческому» методу был противопоставлен «глубоко продуманный, революционный и в то же время вполне научный и чисто марксистский подход». Основные принципы подхода Госплана к экономическому районированию, были изложены в работе проф. И.Г. Александрова «Экономическое районирование России» (сентябрь 1921 г.).

Это районирование упорно именуется «экономическим». Но его цель состояла в создании новой системы «управления людьми» – прежде всего «партийной». А поскольку партия руководила всем народным хозяйством то, как следствие, и «хозяйственной». На первых порах для целей формирования новой системы партийно-хозяйственного руководства пытались использовать старое территориальное деление: губерния – волость – уезд. Постоянные попытки оптимизировать систему партийного руководства привели в 1922 г. к одновременному существованию в России: автономных республик (9), автономных областей (10), губерний и областей – на правах губерний (84), уездов и кантонов (759), волостей, районов, участков и т.д. (15072).

Когда поняли, что традиционная «экономическая» схема деления территорий (губернии, волости, уезды) не срабатывает, то есть губернские, волостные, уездные партийные комитеты и ячейки плохо управляются с процессами на местах, то никакие экономические доводы не помешали переключить территориально-административное деление.

Что значит «плохо управляются»? Это значит, во-первых, что партийные органы не «дотягиваются» до крестьян (в деревне сильно влияние «мира»). Сельские советы «теоретически должны были взять на себя функции местной администрации», оставив для крестьянского мира (переименованного в «сельскую общественность») вопросы земледелия и агротехники. Однако на практике мир продолжал собирать местные налоги и исполнять функции местной администрации, как было и до революции. В 1927 г. в «Известиях» была опубликована статья, показавшая, что именно мир, а не совет является до сих пор основой местного управления в большинстве деревень, «что создает сложности во взаимоотношениях со следующим властным уровнем».

«Плохо управляются» – это значит, во-вторых, что партийные органы не дотягиваются до рабочих (на фабриках и заводах сильно влияние профсоюзов и администрации, еще не ставших полностью подконтрольными партийным органам). Это значит, что «губерния» слишком велика (а

губернское партийное начальство слишком отдалено от текущих проблем на местах), а «волость» слишком мала (и волостное партийное руководство чересчур погружено в сиюминутные трудности, а руководитель на местах в условиях тоталитарного руководства должен быть в определенной мере отстранен от забот места).

«Экономическое» членение трансформируется не вдруг и не случайно, а потому, что оно не согласуется с членением «управленческим». Губернии преобразуют в менее крупные управленческие единицы. Волости же, наоборот, укрупняют. Конечно же, при этом стараются сетку управления привязать к хозяйственному районированию территории, так как управляют заводами (работающими на них людьми), а расположены заводы (живут люди) на определенных территориях. И смысл «партийного» (и, как следствие, административного и хозяйственного) деления территории – в развертывании партийных органов нужного масштаба и нужного профиля.

Создание сильной партийно-государственной структуры, способной концентрировать финансовые, материальные, человеческие и прочие средства для достижения производственных целей сверхбыстрыми темпами – было главной и первостепенной задачей власти. В результате, объект партийного руководства оказывался первичен по отношению к экономическому объекту. Перед экономгеографами партия ставила задачу «экономического районирования». И они (те, кто все-таки уяснил, чего от них требует власть), сидя в плановых органах, «рисовали» на карте страны промышленные, транспортные, сырьевые, земледельческие и прочие зоны, конечно же, исходя из экономической (экономгеографической) точки зрения. При этом ЦК ВКП (б) «рисовал» на той же карте схему управления – т.е. партийные органы различного иерархического уровня. И эта схема была первичнее и главнее.

Районирование только называлось «экономическим», на деле же оно было «управленческим». За территориальным районированием стоит не хозяйственная специализация, а особенности властного устройства. Партийное строительство, прежде всего, определяло разбиение территории на участки, контролируемые партийными организациями различного масштаба. Поскольку пролетариат рассматривался как ведущий класс и должен был составлять основу партийных органов, постольку, прежде всего, власть ставила задачу «пролетарить» население России, так как из 125 млн. трудового населения страны численность рабочих составляла всего лишь 4,6 млн. человек, а остальные 120 млн. были сельским населением.

Поскольку пролетариат рассматривался как ведущий класс и должен был составлять основу партийных органов, постольку административное деление предлагалось производить так, чтобы вокруг пролетарского партийного органа группировались партийные органы нижнего звена, состоящие в основном из непролетарских элементов. Поэтому и «экономическое» территориальное деление, следовавшее за управленческим, надлежало осуществлять таким образом, чтобы «основным ядром новых районов» являлись «пролетарские центры». На это указывал один (принцип № IV) из тринадцати принципов районирования страны, утвержденных II сессией ВЦИК VIII созыва в марте 1921 г.

Промышленность рассматривалась как основа всего народного хозяйства. Поэтому административное деление должно было быть устроено таким образом, чтобы «окружающая пролетарские центры территория» обеспечивала бы «развитие главнейших отраслей промышленности данного района». А поскольку руководить предстояло, прежде всего, промышленностью, постольку новые территориальные единицы – объекты партийного управления, в соответствии с принципом № III, должны были быть выделены с учетом «сосредоточения промышленности», а также тяготения населения к промышленно-распределительным пунктам. При определении границ новых районов «предпочтение должно отдаваться данным районирования промышленности ... как основным моментам, определяющим направление и характер путей сообщения и сосредоточения населения в определенных районах». Так предписывает поступать принцип № VII.

Хозяйственное и административное руководство являлось, как мы это знаем, лишь формой осуществления руководства партийного. Очевидно, что процессом (какой бы он ни был), проще управлять, когда он полностью находится «в одних руках». То есть в одном подчинении находятся все составные процесса, например, производства определенного вида продукции – добыча сырья, его переработка и обогащение, производство, распределение (или транспортировка).

Поэтому осуществление территориального деления рекомендовалось производить так, чтобы облегчить руководство производственным процессом. Для этого в границы административно-территориального деления предписывалось включать все объекты, сырьевые базы и прочие территории, данный процесс обеспечивающие. Так, например, принцип №V предписывал: «При

условии работы на местном сырье границы районов должны быть согласованы с границами распространения этого сырья...», а принцип №III требовал производить административное деление на основе учета «направления и характера путей сообщения».

Подчеркнем: «экономическим» территориальное управленческое районирование становится лишь тогда, когда возникает потребность конкретизировать границы партийного руководства хозяйственно-производственной системой: очертить хозяйственно-производственные единицы, включающие в себя промышленное «ядро» с соответствующей партийно-хозяйственной управленческой надстройкой; зону притяжения производительных сил; принадлежность сырьевых регионов; транспортные ареалы; зону распределительной системы.

Очевидно, что оптимизация структуры партийного руководства требует приведения в хотя бы приблизительное соответствие численного состава партийных организаций одного иерархического уровня. Поиск и выделение территориальных единиц (или территорий, имеющих тенденцию к формированию таких единиц), с учетом всех названных выше условий (наличие промышленного «ядра», зоны привязанного к производству населения, привязанных к производству сырьевых регионов, обслуживающих транспортных ареалов, распределительной системы; плюс учет соразмерности с подобными единицами по количеству населения) и стал называться «экономическим территориальным делением».

Оно и начинает осуществляться, обеспечивая управленческое членение соответствующим выделением и очерчиванием территориальных единиц, требующих своего особого партийного (хозяйственного) руководства. Так, особыми постановлениями президиума ВЦИК от 10 и 17 января 1934 г., Уральская область разделяется на три: Свердловскую, Челябинскую, Обско-иртышскую. В Нижневолжском крае обнаруживаются две хозяйственно-производственные единицы: Сталинградская и Саратовская, получая «соответствующее организационное выражение своего экономического развития». Северокавказский край также обнаруживает тенденцию к выделению двух единиц: Азовско-черноморской (с центром в Ростове-на-Дону) и собственно Северо-Кавказской (с центром в Пятигорске) и т.д.

Цель «партийного» территориального деления заключалась в более полном и более плотном охвате партийным руководством деятельности и жизни людей. Кстати, цель эту стали скрывать лишь позже, камуфлируя ее словами об «экономическом» районировании. В то время эту цель вслух и с высоких трибун провозглашали открыто и громко. В своем докладе на XVI съезде ВКП (б) И.В.Сталин указывал: «Укрепление волостей и преобразование их в районы, уничтожение губерний и преобразование их в менее крупные единицы (округа), наконец, создание областей как прямых опорных пунктов ЦК – таков общий итог районирования. Цель районирования – приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу для того, чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы... Что нужно сделать для того, чтобы ... обеспечить районные организации по всем отраслям нашей работы достаточным количеством нужных работников? Для этого нужно сделать, по крайней мере, две вещи: 1) упразднить округа, которые превращаются в ненужное средостение между областью и районами. И за счет освободившихся окружных работников усилить районные организации; 2) связать районные организации непосредственно с областью (крайкомом, национальным ЦК)».

Подчеркнем специально: «Цель районирования – приблизить партийно-советский и хозяйственно-кооперативный аппарат к району и селу для того, чтобы получить возможность своевременно разрешать наболевшие вопросы».

4.

В тоталитарном государстве судьбы городов всецело определены властью. И, в частности, той системой расселения, которую создает власть и тем местом в ней, которое оказывается уготованным данному населенному пункту. Теория размещения социалистической промышленности и населения утверждала принципы «искусственно-технической» организации процессов функционирования поселений. «Труд», «быт», «отдых» должны быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы деятельности и жизни.

Социальные институты существуют благодаря их «носителям». Кардинально изменить или, еще более радикально, разрушить старые и создать новые социальные институты – это значит, прежде всего, ликвидировать целые поколения носителей культурных норм и изолировать потомство, чтобы привить ему новые образцы жизни, деятельности и отношений. Известно, как это сделали большевики. А какой способ следует избрать для кардинальной трансформации старых или революционного создания новых социальных институтов в посттоталитарном обществе?

Теория размещения социалистической промышленности и населения утверждала главенство целенаправленно организуемой производственной деятельности, а «жизнь» рассматривалась как обслуживающая, обеспечивающая производство.

Необходимо заметить, что в истоке этой прагматической концепции – жилье вокруг производства, – лежала общая интеллектуальная устремленность конца XIX – начала XX в. к «технократическим» средствам гуманизации среды обитания человека, то есть, убежденность в том, что техника есть средство решения всех проблем, в том числе и социальных и, например, новая современная фабрика должна являться центром общественной жизни населенного места.

В соответствии с ней, в СССР каждый отдельный населенный пункт возникал, прежде всего, как строительство производства, а уже во вторую очередь как размещение «жилища при нем». Это определяло многие процессы функционирования и развития «соцгородов» (в том числе и финансовые, и управленческие, и социально-демографические и проч.).

Вряд ли сегодня кто-либо будет отстаивать тезис о том, что современные города – это, прежде всего, поселение рабочих и членов их семей при промышленном предприятии или «организующие центры для коллективизации окружающего крестьянского хозяйства». Но какой тезис выдвинут взамен? Существует ли сегодня градостроительная концепция, в рамках которой могли бы эффективно существовать и развиваются постсоветские города?

Мы вынуждены констатировать тот факт, что в современном постсоветском обществе никакой альтернативы большевистской теории расселения не выдвинуто. Сегодня советская теория расселения функционирует в фактически не измененном виде.

Теория размещения социалистической промышленности и населения базировалась на идее принудительной трудовой повинности, тотального планового государственного распределения вещей, продуктов, социальных благ между социально-трудовыми коллективами. Она утверждала основной формой сосуществования людей социально-трудовые коллективы (так называемые «социальные машины» - структуры, где организационные и производственные отношения неотличимы от социальных, или, как у нас стали говорить, личных. Социальная машина идеологична, она создается и функционирует ради общественно значимых целей; она ориентирована на то, чтобы подменить собой внешние жизненные проявления. Она противостоит жизненной укорененности своих членов вне организации. Для этого она создает взамен внешних условий собственные условия жизни, причем жизни лучшей, нежели жизнь вне организации. В результате этого социальная машина становится:

- местом распределения средств к существованию;
- местом получения благ (детский сад, поликлиника, санаторий, турбаза и т.д.);
- местом организации досуга (празднование дней рождения, банкеты, «красные» дни календаря и т.п.);
- местом получения привилегий (жилище, продовольственные пайки, персональный автомобиль и проч.);
- местом формирования отношений между людьми на основе включенности в социальные группы внутри организации и проявлении людьми себя в составе этих групп в борьбе за лидерство, в борьбе за упрочение служебного положения, в борьбе за продвижение по службе и т.д.

/.../

В социальные машины и сегодня организовано почти все население страны (и оно не желает с ними расставаться, а сотрудники негосударственных фирм непроизвольно соорганизуются в те же самые социально-трудовые коллективы с теми же групповыми распределительными отношениями).

Теория размещения промышленности и населения в СССР рассматривала «соцгорода» как элементы в структуре централизованной власти. Через них власть должна была осуществлять руководство единой системой производства. В СССР и жилищная политика, и система подготовки рабочих и инженерных кадров, и формы распределения рабочей силы, и система жизнеобеспечения и др. – были направлены на обеспечение функционирования системы производства.

/.../

5.

Теория размещения социалистической промышленности и населения утверждала ценность строительства новых городов, как мест свободных от стереотипов прежнего образа жизни и, тем самым благоприятных для внедрения новых форм организации деятельности и жизни. Если сегодня

анализировать наши города с точки зрения разнообразия и качества жизни в них, то картина оказывается довольно безрадостной. /.../

Но нельзя не признать одного: /.../ какой бы ни была теория размещения социалистической промышленности, какой бы ни была концепция социалистического расселения, какой бы ни была идея «соцгорода», они были сначала придуманы, а потом неуклонно и последовательно реализованы! Как и задумывалась. И, что крайне важно, и теория размещения социалистической промышленности, и концепция социалистического расселения, и идея «соцгорода» существуют и сегодня. И сегодня они продолжают определять состояние нашего общества и качество среды наших городов и, возможно, будут определять еще долгое время, так как города существуют и сохраняют свою жизнеспособную энергетику в гораздо большем масштабе времени, нежели человеческая жизнь.

Знание о них, а также понимание механизмов их создания и функционирования позволит точнее определить программы действий по переустройству нашей жизни и деятельности. Идея историчности требует не начинать в очередной раз все переделывать заново и, тем самым, откатываться назад, а в том, чтобы использовать понимание и уникальный опыт общественного переустройства для осуществления следующего шага в развитии России.

1.5. Образовательные ресурсы к модулю «География технологических укладов»

Модели социально-экономического развития

- Бакун Л.А., Шумавер А. Что за «третьей волной»? (Встреча с О. Тоффлером) // Полис. – 1991. - № 5.
- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. – СПб. - 2001.
- Вернек Содре Н. Бразилия: анализ «модели развития». – М. - 1976.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВладДар - 1993.
- Глазьев С. О стратегии развития российской экономики
- Глазьев С. Глобальные тенденции экономического развития
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л. – 1990.
- Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. - М. - 1993.
- Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. – М. – 1989.
- Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы) // Полис. – 1999. - № 4.
- Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. – М.: «Экономика». – 2001.
- Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. - 1992. - № 10.
- Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. - М. – 2000.
- Пантин В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. - М. – 1997.
- Пахомов Ю. Украина и Россия на волнах глобализации (Экономический аспект) // Полис. - 1998. - № 3.
- Пашинский В.М. Цикличность в истории России (Взгляд с позиции социальной экологии) // Полис. – 1994. - № 4.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М. – 2000.
- Структуры истории. Альманах «Время мира». - Вып. 2. – 2001.
- Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М., СПб. – 1995.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М. – 1991.

Тоффлер О. Третья волна. – М. –

Умов В.И. (Пантин В.И.), Лапкин В.В. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. – 1992. - № 4.

Умов В.И. (Пантин В.И.) Послесловие к прогнозу: кондратьевские циклы и Россия // Полис. – 1994. - № 2.

Технологические уклады

Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней. – М.: Едиториал УРСС. – 2002.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. - М., 1987-1989. - Т. 1-3.

Бродель Ф. Что такое Франция?. - М., 1997.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - М. – 1990.

Глазьев С.Ю., Львов Д. С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М.: Наука, 1992.

Глазьев С. Ю. Экономическая теория технического развития. – М.: Наука, 1990.

Мегатренды мирового развития. М.: Экономика, 2001.

Административно-территориальное устройство России: прошлое, настоящее, будущее

Административно-территориальное устройство России. История и современность. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. - 320 с.

Административно-территориальное деление XVI—XX вв.//История отечества с древнейших времен до наших дней. Энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 1999, с. 559—565.

Административно-территориальное деление Союза ССР и список важнейших населенных пунктов. С хронологическим перечнем постановлений об изменении границ губерний, областей, республик с 1917 до 1929 г. 8-е изд. — М.: НКВД, 1929. — 320 с.

Административно-территориальное деление СССР. Справочники за 1927-1987 г.г.

Вачнадзе Г. Справочник областей, республик, краев и округов Российской Федерации. — М.-Марбург, 1995. — 598 с.

Галкин А.Л., Федосеев П.А., Валентей С.Д., Соловей В.Д. Федерализм и публичная сфера в России // Полис. – 2001. - № 4. С. 132-161.

Галкин А.Л., Федосеев П.А., Валентей С.Д., Соловей В.Д. Эволюция российского федерализма // Полис. – 2002. - № 3. С. 96-128.

География России. Энциклопедический словарь. — М.: БРЭ, 1998. — 800 с.

Горизонтов Л. Е. "Большая русская нация" в имперской и региональной стратегии самодержавия / Пространство Власти. Сб. статей. М., 2001. С. 129-150.

Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. — М., 1913. — Т. 1. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. — 1913. — 472 с. (глава «Областное деление 1727—1775 гг.», с. 102—125, 3 карты-приложения).

Григорьев В.А. Реформа местного управления при Екатерине II. — СПб., 1910. — 387 с. (глава «Введение в действие Учреждения о губерниях»). Губерния // Большая советская энциклопедия, 3-е издание. М., 1972, т. 7, с. 425.

Дерлугьян Г. Была ли Российская империя колониальной? //Международная жизнь. 1991. № 2. С. 88-98.

Ден В. Население России по пятой ревизии. Т. 1. — М., 1902, с. 129—228, 243—375 (приложение III «Изменения АТД России за 1775—1897 гг. по губерниям»).

- Добронравов А.А. Состав и территория РСФСР сравнительно с довоенным временем. Поуездное исчисление территории Европейской части РСФСР. — Л., 1926. — 76 с.
- Жигло А.Н. Реформы административно-территориального устройства России в XX в.: Историко-географический анализ. Автореферат диссертации к. г. н. — СПб. 1992.
- Зуев А. "Конквистадоры" империи: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // *Ab Imperio*. 2001. № 4. С. 81-108.
- Каппелер А. Россия - многонациональная империя. М., 2002. С. 7-309.
- Каппелер А. Россия - многонациональная империя: восемь лет спустя... // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 10-21.
- Кемпбелл (Воробьева) Е. И. "Единая и неделимая Россия" и "Инородческий вопрос" в имперской идеологии самодержавия / *Пространство Власти*. Сб. статей. М., 2001. С. 204-216.
- Коротков Ю.Н. Губерния // *Отечественная история*. Энциклопедия. — М., 1994. Т. 1, с. 649—650.
- Край // *Большая советская энциклопедия*, 3-е издание. М., 1973. Т. 13, с. 928—930.
- Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства (www.empires.ru).
- Махнова Г.П. Ход и результаты административно-территориальной реформы 1775—1785 гг. в России // *Вопросы географии*. — № 83. — М., 1970, с. 133—147.
- Миллер А. И. Русификации: классифицировать и понять (www.empires.ru)
- Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. — СПб., 1905. — 678 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 2000. С. 19-75.
- Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. / *Пространство Власти*. Сб. статей. М., 2001. С. 264-287.
- Область // *Большая советская энциклопедия*, 3-е изд. М., 1974, т. 18, с. 541—557.
- Полвинен Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков - генерал-губернатор Финляндии 1898-1904 гг. СПб., 1997. С. 7-15, 247-259.
- Попов С.В. Организация хозяйства в России. — Омск. «Курьер», 1999. — 288 с.
- Потанин Г. Областные тенденции в Сибири. Томск, 1907.
- Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России / *Имперский строй России в региональном измерении / Новая перспектива*. Сб. статей. М., 1997. С. 5-18.
- Ремнев А. Региональные параметры имперской "географии власти" // *Ab Imperio*. 2000. № 3-4. С. 343-358.
- Ремнев А. В. Рассуждения по поводу имперско-региональных понятий (www.empires.ru)
- Ремнев А. В. Имперское пространство России в региональном измерении: дальневосточный вариант XIX века (www.empires.ru).
- Регионы России. Справочник инвестора и коммерсанта. — 1-е изд. — М., 1998. — 1132 с.
- Родоман Б. Б. Основные типы географических границ // *Географические границы*. М., 1982.
- Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999
- Саломаткин А.С. Становление и развитие административно-территориального устройства Российской Федерации. — Челябинск, 1995. — 47 с.
- Саломаткин А.С. Административно-территориальное устройство Российской Федерации. Вопросы теории и практики. — М.: Манускрипт, 1995. — 204 с.

- Снегирев В. Административное деление и учреждения дореволюционной России по периодам // Энциклопедический словарь «Гранат» — 1938 — Т. 36, часть 6, приложение 1, с. 1—7.
- Список губерний и уездов РСФСР (с числом волостей). — М., 1921. — 20. с. Субъекты Российской Федерации // География России. — М.: БРЭ, 1998.
- Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, "национальное" самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. 1-2. С. 9-71.
- Схиммелпенник Ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // Ab Imperio, 1-2/2001. С. 211-225.
- Уортман Р. С. Сценарии власти. М., 2002. С. 31-121.
- Федосеев П.А., Валентей С.Д., Соловей В.Д., Любовный В.Я. Перспективы российского федерализма: федеральные округа: региональные политические режимы; муниципалитеты // Полис. – 2002. - № 4.
- Хоскинг Дж. Россия: народ и империя. Смоленск, 2000. С. 16-57.
- Хоскинг Дж. Может ли Россия стать национальным государством? // Ab Imperio, 2000. № 1. С. 23-36.
- Хоскинг Джефри. История Советского Союза 1917 – 1991 гг. «Вагриус», М., 1994, – 512 с.
- Энциклопедический словарь «Гранат», т. 40, с. 39—43.

МОДУЛЬ 2. «ГЕОГРАФИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ» (18 ЧАСОВ)

«Обыденный мир земной поверхности - не склад, свалка или смесь отдельных объектов на фоне безразличной среды, а сплошная многослойная ткань, ковер культурных ландшафтов. Объекты и тела - узелки на ткани, имеющей целостный рисунок; места осмыслены лишь как детали рисунка».

Владимир Каганский, теоретик географии

Модуль «Культурные ландшафты» является вторым модулем в элективном курсе «География человеческих перспектив». Его сложность и необычность заключается в том, в отличие от других модулей, в рамках которых изучается и анализируется один подход (одно определение) к рассматриваемому понятию, культурный ландшафт не имеет одного общепринятого определения. Учащиеся должны познакомиться с несколькими подходами и оперировать ими в ходе анализа пространственного развития территории.

2.1. Общая структура образовательного модуля «География культурных ландшафтов»

Блок понятийной работы:

1. Понятие «культурное освоение»
2. Концепция культурного ландшафта. Культурный ландшафт как объект географического анализа
3. Типология культурных ландшафтов
4. История культурных ландшафтов России

Блок выделения объектов анализа:

1. Критерии анализа современных культурных ландшафтов
2. Основные зоны культурного ландшафта: центр-провинция-периферия-граница

Блок моделирования карт:

1. Картография культурных ландшафтов современной России
2. Управление культурными ландшафтами
3. Сценарии развития региональных культурных ландшафтов

Образовательная форма	Игровая форма	Тема	Количество часов
Понятийный этап «Культурный ландшафт как современная характеристика региона» - 6 часов			
Установочная лекция	Проблемный доклад	«Значение карт культурных ландшафтов»	1 час 15 мин
Формирование рабочих групп	Создание отделов Комиссии по региональному развитию	«Типы культурного освоения пространства»	45 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Характеристики культурных ландшафтов»	1 час 30 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию	«Культурный ландшафт как системное понятие»	2 часа
Подведение итогов работы за день			30 мин
Аналитический этап «Региональная ситуация на карте культурных ландшафтов России» - 6 часов			
Тематические лекции	Аналитические сообщения	«Представление о регионе через призму культурных ландшафтов». «Культурные ландшафты и история освоения региона»	1 час 30 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по пространственному развитию	«Региональные культурные ландшафты»	2 часа 15 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Аналитический семинар Комиссии по пространственному развитию	«Карты культурных ландшафтов региона. Культурный ландшафт как показатель включенности региона в страновые процессы»	1 час 45 мин
Подведение итогов работы за день			30 мин

Сценарный этап «Управление культурными ландшафтами и возможные сценарии развития региона» - 6 часов			
Тематические лекции	Экспертные сообщения	«История управления культурными ландшафтами: США, Европа, страны Востока, Россия»	1 час 30 мин
Групповая работа	Заседания отделов Комиссии по пространственному развитию	«Культурные ландшафты региона-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»	2 часа
Выступления групп. Общая дискуссия	Футурологический семинар Комиссии по пространственному развитию	«Управление культурными ландшафтами и возможные сценарии развития региона»	2 часа
Итоговое обсуждение результатов работы в модуле			30 мин
Рефлексивный этап			
Домашнее задание по модулю в целом	Географическое эссе		

**2.2. Вариант образовательной программы
модуля «География культурных ландшафтов»**

«Каждая долина, каждая деревня, тем более, каждый край, каждый город, каждая область, каждая провинция обладают собственным лицом. Дело не только в явственном различии рукотворных и нерукотворных пейзажей; дело в образе жизни, в том, как люди живут и умирают, в сумме правил, определяющих характер отношений между родителями и детьми, между мужчинами и женщинами, между друзьями и соседями. <...> Каждый «край» порождает определенный тип человека и определенный образ жизни. Край неотделим от своей истории. Впрочем, верно и обратное: история каждой местности порождает определенный пейзаж, скрепляет «край», сообщая ему устойчивость»

Фернан Бродель

**День первый
«КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК СОВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА»**

10.00 – 11.15	Проблемный доклад «Значение карт культурных ландшафтов»
11.15 – 12.00	Создание отделов Комиссии по региональному развитию «Типы культурного

	освоения пространства»
12.00 – 13.30	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Типология и характеристики культурных ландшафтов»
13.30 – 14.00	Обед
14.00 – 16.00	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию «Культурный ландшафт как системное понятие»
16.00 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День второй

«РЕГИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА КАРТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ РОССИИ»

10.00 – 11.30	Аналитические сообщения: <ul style="list-style-type: none"> ○ «Представление о регионе через призму культурных ландшафтов» ○ «Культурные ландшафты и история освоения региона»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Выделение зон культурных ландшафтов региона»
	Возможные ресурсы для работы отделов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.) ▪ Интернет (региональные и федеральные сайты) ▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону) ▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	Обед
14.30 – 16.15	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию «Карты культурных ландшафтов региона. Культурный ландшафт как показатель включенности региона в страновые процессы»
16.15 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День третий

«УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫМИ ЛАНДШАФТАМИ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА»

10.00 – 11.30	Экспертные сообщения «История управления культурными ландшафтами: США, Европа, страны Востока, Россия»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Культурные ландшафты региона-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»
	Возможные ресурсы для работы отделов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.) ▪ Интернет (региональные и федеральные сайты) ▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону) ▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	Обед
14.30 – 16.15	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию «Управление культурными ландшафтами и возможные сценарии развития региона»
16.15 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Итоговое обсуждение результатов работы в модуле. Домашнее задание (написание эссе).

**1.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля
«География культурных ландшафтов»**

**Понятийный этап:
«Культурный ландшафт как современная характеристика региона»**

А) Введение в тему образовательного модуля происходит с помощью установочной беседы «Значение карт культурных ландшафтов».

Учитель предлагает старшеклассникам в рамках модуля попробовать ответить на вопрос: Какая возможна культурная география России-2020, какие объекты (какие типы обществ) должны, прежде всего, фигурировать на такой карте, с точки зрения старшеклассников?

По существу, базовая проблема модуля выглядит следующим образом: «С одной стороны, жизнь молодых людей зависит от природной среды (физическая география) и экономики (география технологических укладов), а с другой стороны мы понимаем, что для полноценной жизнедеятельности людей необходимы и другие – гуманитарные - пространства, объекты, смыслы. То есть, кроме физических и экономических карт необходимы дополнительные карты, описывающие образ жизни, историю людей, их происхождение.

Сложность ввода этой темы в актуальное пространство жизни десятиклассников во многом будет заключаться в том, что это поколение взрастет в так называемый постсоветский период, где, собственно, как и в советское время, гуманитарная география не является массово востребованной. Если темы экономической географии в массовом сознании, в том числе, и родителей, имеют значение для будущего юноши, то «культурная ландшафтность» в современной российской ментальности пока не актуальна, тогда как в современном цивилизованном мире этому посвящены глобальные программы (например, деятельность ЮНЕСКО). Необходимо показать (или даже доказать) старшеклассникам, что кроме исторической ценности культурные ландшафты являются современными средствами ориентировки и организации собственной жизни, ее ресурсом, ее смыслом, что культурные ландшафты сегодня возможно выбирать и что, по всей видимости, их поколению предстоит преодоление советизированного пространства культуры страны.

Проблема заключается в том, что культурные ландшафты не может увидеть неподготовленный человек, не может ими воспользоваться и уж тем более не может их создавать! А ведь в современном мире уже пройдены этапы природного освоения и актуальности физических карт, во многих территориях завершён процесс индустриализации, а значит, созданы экономические карты, а вот культурные ландшафты становятся все чаще и чаще объектом внимания и сознания человека. Умеем ли мы видеть культурные ландшафты, умеем ли мы жить в них, умеем ли мы их создавать?

В отличие от ландшафта культуры, понимаемого как природный, географический ареал существования какой-либо культурной общности, культурный ландшафт задается **культурной идеей, образом**, в соответствии с которым организуется и/или переорганизуется пространство. Культурный ландшафт невозможно просто «увидеть», как можно увидеть ландшафт культуры; его невозможно вычленил без реконструкции и полагания версии относительно той культурной идеи, культурного смысла в соответствии с которой организована та или иная территория. В данном случае культурная идея, формирующая культурный ландшафт, рассматривается нами как определенная стратегия освоения территории. В этом смысле культурный ландшафт не «существует», а реконструируется и конструируется в зависимости от той или иной **стратегии освоения территории**. Поэтому важным отличием работы с культурным ландшафтом является наличие версии относительно собственной стратегией освоения той или иной территории.

Б) Формирование рабочих групп (презентация гипотезы). Назначение этой образовательной формы заключается в том, чтобы правильным образом определить объект дальнейшего конструирования учениками. Но перед тем как ребята начнут презентацию собственных гипотез, необходимо организовать обсуждение и выделение актуальных для них типов культурных ландшафтов. Это обязательно должны быть смыслы, значимые для кого-то лично из данной группы старшеклассников. (На данном этапе важно организовать работу по обсуждению и выделению

ключевых смыслов, значимых для старшеклассников с точки зрения их жизненных планов и упований).

Задача может формулироваться следующим образом: Какой культурный ландшафт особенно необходим сегодня Вам с точки зрения Вашей стратегии освоения территории?

Далее учитель отвечает на вопросы в этой связи по лекции в целом и предлагает учащимся в режиме индивидуальной работы подготовить индивидуальные версии к презентации.

В ходе обсуждения предполагаемых версий, на фоне которых создаются группы «понятий по пространственному развитию». По существу школьники должны понять границы понятия «Культурный ландшафт». В ходе обсуждения тех или иных значимых культурных ландшафтов, учитель организует коммуникативную среду, где он (учитель) одновременно является и организатором коммуникаций и экспертом по понятию «Культурный ландшафт». Как правило, среди предложений учеников могут быть такие, которые близки и понятию культурный ландшафт, но не доведены до его требований.

Индивидуальные версии ребят должны быть зафиксированы, обсуждены и переведены в тематизмы групп. После того, как коллективно будет принято решение о существовании тех или иных групп, учитель выписывает на доске название групп и их лидеров, поздравляет последних с принятием их точек зрения.

Результатом этой образовательной формы должно стать создание 5-7 рабочих групп (от 5-9 человек в группе). Наверняка ряд версий имеет смысл соединить, а ряд «снять» через конструктивное обсуждение (если они действительно никак не вписываются в понятие культурного ландшафта). По нашему опыту, наиболее популярны версии при создании группы по типам культурных ландшафтов, следующие: хозяйственный ландшафт, политический ландшафт, этно-национальный ландшафт, природно-экологический, поселенческий (урбанистический).

Важно, чтобы у каждой группы был свой содержательный лидер из числа старшеклассников – тот, кто презентовал данный смысл – идею культурного освоения – как значимый для себя лично. Собственно, на движении относительно личностных смыслов во многом и удерживается энергетика образовательного модуля, переводя его из образовательного мероприятия в статус образовательного события.

Далее учитель сравнивает создание группы с комиссиями по пространственному развитию, объясняя, в чем их назначение в процессах организованного развития Страны, приводит примеры подобной деятельности.

В заключение лекции учитель делает презентацию имеющихся печатных, электронных, видео- и Интернет-ресурсов.

В) Во время групповой работы «**Типология и характеристики культурных ландшафтов**» ученики выделяют основные характеристик, по которым возможно описание культурных ландшафтов. Для хозяйственного культурного ландшафта это могут быть типовые изменения ландшафтов в результате хозяйственной деятельности человека, для политического ландшафта – это выделение символических пространств (памятников, сакральных мест) также возможны критерии, связанные с социальными характеристиками населения, для этно-национального – это характеристики этно-национального многообразия или наоборот мононациональности территории (язык, фольклор, культура, архитектура и т.д.), для природно-экологического ландшафта такими характеристиками могут являться типы природных ландшафтов, экологические особенности территории и т.д., для урбанистического ландшафта – это типы поселений, особенности поселенческой организации и среды.

Г) Общая дискуссия «**Культурный ландшафт как системное понятие**» предполагает вычленение принципов организации исторических прототипов культурного ландшафта и формирование аналитических критериев, необходимых для анализа современных культурных ландшафтов, являющихся средой жизнедеятельности старшеклассников.

Основная задача дискуссии состоит в отделении принципиальной схемы организации того или иного культурного ландшафта.

Исходя из представления об уровне проработанности темы, учитель предлагает сначала выступить тем группам, в которых обсуждались периферийные темы. В конце дискуссии выступают «ядерные группы», которые уже способны заявить собственные позиции – обсуждение идет как бы по «нарастающей». Обсуждение организуется следующим образом: вначале группа в лице

докладчиков презентует свою содержательную позицию, а затем предлагается задать вопросы по поводу не ясных мест и высказать отношения с позиции каждой группы.

Д) В заключении учитель организует дискуссию, результатом которой должно стать подведение итогов работы дня. Для этого каждая группа высказывает свое отношение к другим докладам. Так же необходимо предоставить старшеклассникам возможность (либо индивидуально, либо представителям Комиссии) сформулировать и высказать свои представления о культурном ландшафте, а также о различных типах культурных ландшафтов. Затем учитель обобщает основные результаты дня (это могут сделать и сами ученики в ходе дискуссии).

Аналитический этап:

«Региональная ситуация на карте культурных ландшафтов России»

А) Особая образовательная важность аналитических сообщений состоит в том, что у групп должны появиться аналитические образцы-принципы. Это своеобразные культурные «призмы», через которые старшеклассники начинают смотреть на окружающие их типы пространств не «натурально». То есть, относясь к ним не как к естественным и «нормальным», а как к исторически сформировавшимся, искусственным, и потому поддающимся изменению.

Затем учитель раздает каждой группе контурную карту региона проживания (субъекта федерации) и ставит задачу на работу отделов комиссии по анализу культурных ландшафтов. Здесь следует обратить внимание детей на то, что они сами могут придумать необходимые символы для нанесения на аналитическую карту. Так же особо следует обратить внимание на то, чтобы группы удерживали предмет анализа, который задается темой группы. Итоговым результатом работы групп должна быть подготовлена аналитическая карта по описанию состояния того или иного культурного ландшафта и подготовку сопровождающего выступления (конечно же, ученики не могут сделать профессиональный экспертный анализ, но в данном случае значение имеет сама попытка и опыт анализа в социально-гуманитарной сфере).

Б) Организация групповой работы по теме **«Выделение зон культурных ландшафтов»** является одной из самых сложных, поскольку требует привлечения достаточно большого количества аналитических материалов. Мы рекомендуем организовать данный этап через работу с различными информационными ресурсами, включая приглашение экспертов, выезд в библиотеки, музеи, проведение различных экспресс-исследований, организацию «фокус-групп», работу с Интернет-ресурсами и т.д.

Здесь также очень важно помочь группам выбрать правильный масштаб для пространственного анализа. С одной стороны, он должен быть достаточно локальным для того, чтобы быть прозрачным для аналитики и по набору ключевых, влияющих процессов и тенденций соответствовать возможности грамотного аналитического действия, соразмерного старшекласснику. Но с другой стороны, он должен быть достаточным для построения образовательного действия, соразмерного перспективному жизненному интересу старшеклассников и содержать ресурс для обсуждения возможных способов организации жизни.

Предлагаем использовать первую часть второй книги хрестоматии «Подходы к понятию культурного ландшафта».

В) Общее заседание **«Карты культурных ландшафтов региона»** должны довершить работу по оформлению понятия «Культурные ландшафты» в деятельностной форме заполнение карты с одной стороны, с другой стороны выработать в форме коллективного обсуждения мнения и позиции по поводу «культурно-ландшафтного состояния» Страны.

Важно, чтобы в ходе обсуждения у старшеклассников появлялось не бытовое, а аналитическое видение того, в каком типе культурного пространства (согласно заявленным критериям) они живут. Здесь мы хотим еще раз подчеркнуть, что «культурный ландшафт» вводится «средовое» понятие, то есть не как теоретическое, а как практическое понятие, которое должно презентировать для старшеклассников реальность возможностей/перспектив и выступать своеобразными «каркасами» их жизнедеятельностного самоопределения. Поэтому показателем успешности образовательного движения групп является наличие у них достаточно развернутых и

структурированных представлений о качестве того типа культурного пространства, который они анализировали.

Г) В конце этого этапа модуля учитель организует итоговую дискуссию, например на тему: «Выделение и типологизация культурных ландшафтов, в которых Я живу». В конце дискуссии подводится итог о спектре культурных ландшафтов учеников, производится их сравнение, выявляются причины примитивных наборов культурных ландшафтов или/и наоборот их разнообразия у различных людей.

**Сценарный этап:
«Управление культурными ландшафтами
и возможные сценарии развития региона»**

А) Экспертное сообщение «История управления культурными ландшафтами» может быть посвящена обсуждению оснований цивилизационных и социокультурных изменений в истории общества. Здесь вводятся возможные представления о Будущем через координаты геоэкономики, геополитики, геокультуры. Важно положить версию о динамике того социокультурного объекта (первоначально – смысла освоения территории), которым занимаются группы, выделяя этапы его развития (Прошлое, Настоящее и Будущее). Необходимо указать на существующие механизмы управления развитием культурных ландшафтов: программы ЮНЕСКО, опыт России и зарубежных стран.

После вопросов и обсуждения лекции ставится задача по прогнозированию и сценированию возможных культурных ландшафтов страны. Важно, чтобы лекция задавала региональный и (или) страновой масштаб анализа.

Рекомендуем в качестве иллюстраций использовать изображения или видеосюжеты как из предложенных образовательных ресурсов, так и тех, которые подберет учитель. Также важно подобрать материал проектов стратегического развития территорий, которые можно частично взять из хрестоматии, но лучше воспользоваться для поиска материала рекомендованными сайтами.

Б) В рамках групповой работы по теме «Культурные ландшафты региона-2020: разработка карт-сценариев» школьники выполняют два типа работ: 1) Предлагают различные версии динамики культурных ландшафтов (в рамках темы группы); 2) Оформляют карту территории (города, региона, страны) с точки зрения развития того или иного типа ландшафта. Необходимо помочь ребятам положить веер возможностей существования разных типов того объекта, которым занимается та или иная группа, обсудить, что может быть возможным (прогнозируемым) состоянием данного объекта, а потом попытаться сконструировать современные ландшафты.

Предлагаем использовать третью часть второй книги хрестоматии «Пространственное развитие и культурная политика». Также важно ориентировать старшеклассников на поиск Интернет-материалов из рекомендованных сайтов.

В) Футурологический семинар «Управление культурными ландшафтами и возможные сценарии развития региона» является итоговым смысловым действием. Необходимо сначала сделать стендовые доклады, где участники знакомятся с версиями групп, а затем в форме Круглого стола обосновывают свою точку зрения. Доклады групп могут представлять собой:

- Творческие прогностические работы (здесь оценивается способность «положить» небанальные для прогноза ситуации критерии, способность задать уровень, горизонт и границы обсуждения).
- Картографические работы (здесь оценивается способность оперировать гуманитарно-географическими понятиями, применять графические и схематические методы конструирования гуманитарных объектов).

Г) После окончания Круглого стола учитель организует итоговое обсуждение модуля, например, на тему «Значение культурных ландшафтов для страны и для меня». В ходе, которой старшеклассники должны высказаться относительно собственной перспективы спектра и масштабов культурных ландшафтов в соответствии с их жизненными целями.

2.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География культурных ландшафтов»

ЛАНДШАФТ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Владимир Каганский

(Опубликовано: «Наука о культуре», 1995, выпуск 3.)

Итак. Ландшафт — сплошное полиморфное пространство земной поверхности; полимасштабное и полиритмичное многообразие; живая среда мест, пронизанных смыслом живущих в них людей. Таково ядро понятия «культурный ландшафт»; возможно — миф ландшафта. Таким и так ландшафт явлен в традиционном, органическом обществе с доминантой смысловой вертикали и несводимостью универсума к личности. Ярче всего культурный ландшафт дан в культурах, еще не прошедших секуляризацию и массовизацию.

Современный массово-демократический социум, пройдя урбанизацию и индустриализацию, "заменяет" ландшафт пространством. Для него важны количественные свойства, расстояния, технологически осваиваемые ресурсы и т.п. В нем — существенный отрыв людей, ставших массами, от ландшафтов и формирование принципиально новой жизненной среды с резкими контрастами, высокими концентрациями активности, доминированием утилитарного подхода к местам и пр.

Это пространство рождает острую ностальгию, чувство безместности и потерянности. Однако обустройство «буржуазного пространства» позволяет группам с разными требованиями к среде избирательно размещаться в ней (что ярко проявляется в США, где есть региональные ландшафтно (экологически) ориентированные культурные общности). Кроме того, очевидна связь рамочных структур права и собственности с возможностью выживания ландшафта.

Советский ландшафт несет в себе все следы урбанизации, индустриализации и массовизации; они известны и заметны, поэтому обратим внимание на иные стороны советского пространства.

Конструкция «советское пространство»

Наше **советское пространство** — воплощенная в материале вещей, знаков, людей и пространства **схема**. Советское пространство — не территория СССР, а качественно и структурно особый тип пространства, состояние культурного ландшафта. Вначале — тезисно — дается ее концептуальный образ; далее — феноменология.

Доминанта советского пространства — универсальность и тотальность властно-силовых отношений. Существуют пространственные структуры **общества=государства**; иных (автономных) структур нет. Структура советского пространства едина и единственна. Вся дифференциация пространства — хозяйственная, культурная, даже размещение природного ландшафта — производна.

Вертикальные, иерархические, властные отношения в советском ландшафте доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и порождают их. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней. Всюду соседствуют чужие и чуждые, враждебные, случайные, безразличные элементы; высока повторяемость одних и тех же не мотивированных сочетаний элементов. Неизбежные территориальные отношения осложнены; пространство тотально конфликтно и перенасыщено проблемами.

Советское пространство порождено из внепространственной позиции, представляя собой множество внепространственных задач, упавших на территорию. Оно фрагментировано и сегрегировано. Огромна роль рубежей, границ. Значение территориальной ячейки задано ее положением в административной иерархии и выражается размером.

Образ советского пространства дают такие черты, как гиперцентрализованность всей среды и любого места, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности. Полноценных мест нет, жизнь в них асемантично фрагментирована. Внешне омассовленное, индустриально-урбанизированное, советское пространство несоизмеримо с пространством современного мира и своим прежним состоянием, специфично, почти уникально. Без

разворачивания картины этой специфики невозможны серьезные аналогии и сравнения, трансляция социального и культурного опыта.

Все пространство — места и позиции, отношения, связи, расстояния, направления — статусно дифференцировано. Место в пространстве есть статус в государстве. Территориальная феноменология производна от феноменологии общества=государства, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены повседневной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Пространство — источник ресурсов, место экспонирования внепространственных целей и ценностей. Пространство лишено смыслового единства; фрагментировано и маргинализировано. Общество=государство пространственно невменяемо. Пространственное самописание отсутствуют, заменяясь схемой-мифом, согласно которой действует общество=государство. Его собственные действия не сознаются, если они не могут быть отражены на этой схеме, порождающей массу фантомов. Реальность имеет статус почти бессознательного. Вменить "ответственность за пространство" некому. Осмысленные акции единичны и иррефлексивны.

Пространство рапортует

Советский ландшафт порожден и живет в семантике лозунга, его данность, визуальная и вещественная (тем более — отчетная) должна сама собою повествовать об успехах, преодолениях и свершениях. Строят ГЭС, рубят лес, собирают урожай ... Пространство устроено с простотой и убедительностью газетного рапорта. Оно само — рапорт, материализованный лозунг, смешивающий дескриптивное и нормативное, вещественное и символическое, сущее и должное. Советское пространство — не только овеществленный лозунг, но и указующий супержест; пространство тотально апеллятивно, даже перформативно, оно побуждает к действию и является им.

Презумпция лозунга/рапорта превращает материал этого лозунга в пространство простое, четкое и ясное. В каждом месте делается только то единственное, что поручено этому месту. Области ландшафта — тем самым задаваемые извне ячейки решения задач, о чем может быть лаконично доложено. В нашем ландшафте постоянно осуществляется все новая нарезка ячеек для задач; внешняя организация не только сильнее внутренней, но санкционируется как единственная. Самоорганизация ландшафта просто подавлена; пространство превращено в хаотическую интерференцию ячеек, "ничего не знающих" друг о друге.

Тезис о простом рапортующем пространстве объясняет многое. Но просто устроена должна быть и деятельность, если ей предписывается простой результат, особенно если материал этой деятельности ею игнорируется. Взятый как совокупность отдельных мест-для-задач, советский ландшафт устроен удивительно просто. Это композиция ячеек с однозначными функциями и абсолютными четкими границами. Коль скоро ландшафта как предмета управления нет, то при прочих равных это подвластное пространство еще и большее: однородной деятельностью тем проще управлять, чем больше ее объемы. Локальная простота порождает хаос на других масштабных уровнях.

Главная категория нашего ландшафта — **размер**; категория логики, даже эстетики советского ландшафта. Простота — мера успеха деятельности, величина — мера ее важности. Доминируют способы использования ландшафта, ведущие к упрощению и увеличению (например, забрасываются мелкие массивы сельскохозяйственных земель). Малые площадью участки ландшафта нежелательны уже в силу того, что за ними труднее обеспечить надзор. Тезис о простоте и величине имеет массу подтверждений. Это и огромные узко специализированные колхозы, и особенно совхозы, гигантские заводы и поселки (города) при них и пр. Но размер размеру рознь. Характерна не просто гигантомания, но превышение неких имманентных всякой системе размеров. Поле всегда больше такого, где еще возможно вести работы, а завод — больше таких размеров, где возможно эффективное управление. Все в ландшафте больше, чем нужно для осмысленного использования.

В идеолого-символической сфере все значимые концепты — **ценность, истинность, героичность, единство, новизна, (псевдо)сакральность** — выражались непременно и непосредственно размером. Огромное в ландшафте — предмет гордости, начиная с самой большой (топографической) площади нашего СССР (теперь — РФ). Простое и большое пространство — результат трансформации ландшафта. Отсюда примат новизны, ярче рапортующей и видимой.

Наш ландшафт не знает никаких собственных состояний, он содрогается от постоянных переделок. Ничто не существует само по себе, это все — продукт прошлой переделки или материал будущей. Но поскольку новизна — перманентная ценность, а не гарант законченности, наш ландшафт — обветшавшая стройка, **новостройка=руины**.

Новизна — результат замены прежнего состояния места ландшафта на иное. Отсюда популярность диалектики с ее переходом форм в свою противоположность. Всякое место теперь противоположно естественно сложившемуся состоянию: пустыни превращены избытком орошения в соленые болота, болота осушены до состояния пустынь, деревни заросли лесом, вырубленные леса застроены дачами и т.д. Большинство подобных проектов не реализованы ...

Советский ландшафт — не феномен, дан исключительно в ситуации овнешнения: он осматривается, упрощается, декларирует, управляется, переделывается, репрессируется. Если обычный ландшафт — всегда преимущественно завершённый, место жизни, то советский — лишь создаваемый, предмет (незавершённой) деятельности. Удел социалистического ландшафта — процессуальность. Временность — его вечный атрибут. Опираясь на образ культурного ландшафта, видно, что советский — это вовсе не ландшафт, а скорее антиландшафт.

Задачи и конфликты

Наш ландшафт — материал и место решения задач. Задачи овеществлены, изолированы друг от друга и отчуждены от ландшафта. (У всякой задачи — своя структура, учреждение, объект, место). Характерный элемент пространства — абсолютно изолированный, секретный и "невидимый", полностью отрезанный от окружения даже физически, связанный с Москвой и имеющий московский адрес какой-либо "закрытый" город. Главные, наиболее важные элементы советского пространства — внепространственны, экстерриториальны. Смысловые фокусы и реальные центры советского общества=государства — внепространственны.

Единица пространства — **зона**, т.е. область решения задачи, статусно и физически изолированная. Пространство задач сегрегировано в мере, с трудом поддающейся представлению. Осторожная оценка совокупной длины всех видов оград-преград на территории СССР — миллион (!) километров.

Внутри каждой зоны, подчиненной одной-единственной задаче может быть все, что угодно. Вместо взаимосвязанных соседних мест — самообеспечивающиеся ячейки, а соседство обязывает к забору. Он — не утилитарен, это материализация локального подкомандного пространства по принципу "подвластность — непроницаемость — изолированность". Советский ландшафт в принципе автаркичен, его ячейки самодостаточны. Но практически это удалось только сильным ведомствам, в своих ячейках имеющих почти все — от собственных вузов и бытового обслуживания до выращивания цветов.

Иллюзорное благополучие монопольных самодостаточных зон — и одновременно тотальная конфликтность. Все ячейки монофункциональны и мономасштабны, в силу отсутствия горизонтальных соседских связей невозможна их координация. Примеров масса. Город Гагарин (Гжатск) рос для увековечивания первого пассажира межконтинентальной баллистической ракеты, строя мощную химическую промышленность и загрязняя реку Вазузу — источник водоснабжения Москвы; вода в реке специально очищается. Пространство сепаратных задач. Конфликтам негде разрешиться, ведь не может быть создано особое ведомство для разрешения всякого такого конфликта. Тем самым успех одной ячейки заведомо ведет к большему ущербу других. Ущербны и убыточны вообще все отношения в пространстве. Монополизация пространства и жесткое ранжирование задач приводит к тому, что ячейки важных задач превращаются в выжженную землю. Упоминавшееся уничтожение оленьих пастбищ ненцев (всего их культурного ландшафта) при добыче нефти и газа — стандартная ситуация. Одна задача оказалась сильнее другой. Наш ландшафт — не захваченное злоумышленниками пространство, но скорее пространство энтузиастической воли. Не предписано уничтожать природу или деревню, но не предписано и обратного. Нормальный ландшафт устроен принципиально иначе — в любом месте решается много задач, реализуется масса функций, но нет таких, что вытесняли бы все прочие.

Специфика советского ландшафта — обилие неразрешимых конфликтов. Цена конфликтов — разрушаемый ландшафт, никому не принадлежащая, неведомая ценность. Сказать, что советский ландшафт "состоит из" конфликтов — значит упростить ситуацию. Нагромождение простых, но несвязных ячеек для задач превращает советское пространство в империю парадоксов. <...>

<...> Природным компонентам ландшафта удалось сохраниться там, куда не достигла хозяйственная деятельность: инверсия искусственного и естественного по местоположению. Центры ячеек — ядра безжизненной бурной активности, а периферия, где есть собственно жизнь (в разных смыслах) и выживает подлинная элита — смысловой центр.

<...> В обильной пространством стране пространственные отношения производны, вторичны; пространства так много, что его нет!

Никто нигде не живет

Жить в конкретном месте так просто... Но нет. В нашем пространстве никто нигде не живет. Реальные жизненные циклы людей разорваны в пространстве, их фрагменты разбросаны по многим разным местам, меж собою никак не связанным. В одном месте человек спит, в другом добывает средства существования и социальный статус, в третьем — проводит свободное время и т. д. Обычно он родился, живет и мечтает жить в разных местах. Человек нигде не укоренен, не он живет в ландшафте, но по разным местам пространства разбросаны его социальные роли и фрагменты поведения-выживания. Все области "личного пространства" — тоже ячейки-для-задачи, жить в большинстве их в точном смысле слова — нельзя. Ландшафт переполнен ролями и следами жизни. Маргинализованность связана отнюдь не с тем, что в городах не до конца укоренились недавние переселенцы; в советском пространстве почти невозможно укорениться. **Переходные зоны=состояния тотальны.**

На всех уровнях, во всех масштабах разведены и разорваны районы добычи средств, статуса, его реализации, траты денег, отдыха и пр. Специализация тотальна. Из всякого места извлекаются разного рода ресурсы, расходимые (используемые) в иных местах. Так, за счет варварской добычи полезных ископаемых создавались привилегированные условия жизни в Москве и немногих городах; потоки отдыхающих из них разрушали уклад жизни "курортизируемых" мест и т.д. Дальние связи были вредны вовлеченным в них местам; выигрывало только внетерриториальное место — центр распределения, Центр. Вопреки расхожему мнению, что республики развивались, якобы, за счет Центра, анализ особенностей советского ландшафта свидетельствует: нахождение в подвластном СССР пространстве было даже экономически невыгодно для всех республик. **Дисфункциональны все пространственные отношения.**

<...> Размещая свою деятельность по разным не связанным местам, человек тем самым в какой-то степени выскальзывает из под контроля, но цена такой бесконтрольности — потеря контроля человека над местами. Наши ячейки пространства контролируют структуры, безразличные к местам. Распространенные суждения о хищнически-варварском отношении людей к природе, земле и т.п. искажают суть дела; люди ведут себя согласно практике тотальной временности. Укорениться даже опасно, человек выживает в щелях и зонах стыка ячеек, где контроль ослаблен. При этом главный формальный признак ландшафта — соответствие структур и характера деятельности — сохраняется; но эти структуры сами чужды ландшафту.

Пространство, где блуждают социальные роли — анонимно, безлично. Оно, в сущности, потеряно и пусто — коль нет укорененных жителей, поддерживающих смысловую освоенность (симптом и гарант эффективного использования всего комплекса ресурсов). Утрачено именование, знание и понимание ландшафта; размыто живое переживание разнообразия ландшафта и различий в нем, утрачена сложность как обилие форм. Местные жители, сколько сохранились, все чаще демонстрируют шокирующее незнание даже ближайших окрестностей своего жилья. Даже объемные знания людей об окружающем пространстве — частичны, разорваны и внутренне противоречивы. Это скорее знания стандартизованных утилитарных маршрутов перемещений и/или отдельных мест. Разорвана целостная семантика территории, ландшафт распался и утилитарно, и когнитивно, и ценностно-символически.

Сплошность ландшафта сохранна у его природной основы (но не дана переживанию), а собственно культурный ландшафт, бессвязный, фрагментированный, зияющий пустотами, сжимается как шагреновая кожа. Нагрузка на его сохранившиеся фрагменты, приобретающие особый семиотический статус «памятник» столь велика, что они тем самым — очередной парадокс — перестают быть ландшафтами. Культурная мода лишь усугубляет ситуацию.

Тотальный каркас

Связность ландшафта социализма вовсе утратилась бы, как и его минимальная способность поддерживать физическую жизнь, если б не компартия. Мы видели, что контролирующее пространство ячейки решают свои задачи, и выживание населения к таковым не относится. Одна лишь структура была заинтересована в выживании людей, отвечая за общий контроль над пространством, выращивание пушечного мяса и сохранение людей как ресурса. Для решения этих задач нужно было обеспечить хоть какие-то условия, чтоб люди не мерли, не бежали и могли работать. Это — не лагеря, а всего лишь территориальные структуры компартии — райкомы, обкомы и пр. Именно в них как-то согласовывались интересы всех других структур (особо важные структуры

имели свои территории, выведенные из административно-территориального деления) и определялся минимум условий жизни.

Мы пришли к **административно-территориальному делению** (АТД) — главному, универсальному, всемасштабному каркасу советского пространства. Его функции многообразны, основная часть обыденной жизни организована в точном соответствии со структурами АТД. Торговля и здравоохранение, местный транспорт и сельское хозяйство, образование, связь и так почти до бесконечности — все это уложено по ярусам (рангам) системы АТД, а внутри каждого яруса — четко привязано к конкретным единицам. АТД — универсальная система жизнеобеспечения и система статусов территорий и/или людей. Основная часть пространственной дифференциации — различия между единицами АТД, в том числе — в способе и уровне жизни.

Хотя эти различия создавали некоторый противовес жестким отраслевым ячейкам, каркас АТД вдавился в территорию и оестествился. Средство управления территорией стало ее структурой. Рамки стали содержанием. Организация власти — организацией жизни. Мы продолжаем жить в пространстве сконструированных и насильственно внедренных районов АТД, но никак не в пространстве самосложившихся районов, естественных мест. Все знают, что жизнь централизована в пространстве и все дороги ведут в вышестоящие центры. Чем выше статус центра, тем он больше, тем лучше жизненные условия, тем красивее люди. Система административного деления — как бы одновременно система надзорных вышек и насосов, вытягивающих всех активных, здоровых и красивых людей в центры. **Централизация тотальна.** Система центров — универсальна и единственна. Каждый центр "от Москвы до самых до окраин" является абсолютным — и промышленным, и культурным, и строительным, и так до бесконечности. Единственная всепроникающая иерархия...

Замкнутость всех связей на центры — от районных до Москвы — приводит к интересной инверсии. Ячейки связаны друг с другом лишь через центры, но поскольку соседние области ландшафта связаны границами, то в советском пространстве приняли на себя функции границ (стали границами). Эта инверсия очень важна.

Различия в советском ландшафте порождены расстоянием от административного центра. Освоенность, насыщенность хозяйством и "цивилизацией", уровень и способ жизни — все это производно от статуса территории, места, а он выражен и порожден расстоянием, иерархическим и физическим. И если равностатусные зоны всех регионов очень сходны — до тошнотворного уныния, то различия между разными зонами вокруг центра огромны. В центре — обычная жизнь, некое средовое многообразие; на периферии — глушь и запустение; нет дорог и иногда электричества. Сплошные руины, страшный мир дебилов и деградантов.

Гиперцентрализация — доминирование везде и всюду, во всех масштабах, одного единственного направления "центр — периферия". Многое может быть описано чрез префикс моно-: **моноцентризм, мономасштабность** всякого места, монофункциональность каждой ячейки и мн. др. (Мономасштабность советского пространства и СССР предопределили его распад).

Если в ландшафте его единство обеспечено соседскими связями, то единство советского пространства — материальное и политико-символическое — обеспечивается его связью с Центром. Москва=Центр — источник животворных повелений. Центр как бы представляет и правит в настоящем от имени будущего.

Безвольное пространство

В нашем ландшафте жить трудно, перемещаться сложно. Советское пространство не то чтобы негостеприимно; ландшафт — ксенофобен, не рассчитан на посторонних, из него постоянно вычищается "чужое". Наш ландшафт сочетает полную открытость, даже раскрытость взору с явной непрозрачностью, полным отсутствием возможности видеть/знать что-то конкретное. Ландшафт прозрачен — видеть нечего.

Советское пространство **агорафобно**. Во властной онтологии ландшафт не существовал, и потому его не предписывалось видеть. Предписывалось видеть пространство своей ячейки. Видеть и знать советское пространство — особая привилегия; неуполномоченное стремление видеть и знать — странно и опасно. <...> Карта иногда приобретает государственно-семиотический статус. И неосознанная причина скрывать ее двойственна: карта нечто сообщает о реальности как таковой, то есть об административно несуществующем, и одновременно она должна быть засекречена, дабы не выявлялось ее серьезное несоответствие обыденной действительности. Отсюда, в частности, совершенное недоверие местных жителей к картам, не допускающим мысли, что они что-то изображают верно.

Стремление "закрывать" карты выдает установку "закрывать" реальность; отсюда регламентация перемещения и жесткие статусные системы для жителей. Логика советского пространства требует временного ослепления людей на выезде из "своей" ячейки. Это ослепление уже произошло — ослепление семантическое. Телесная непроницаемость ячеек пространства перешла в семантическую. Знание своей ячейки почти сакрализуется (ср. с языческими культами местных божеств); ситуация видения чужаком даже простых существенных структур вызывает почти шок. Навыка видеть нечто вне своего жизненного горизонта — нет. Люди верят: вся внешняя пространственно далекая реальность — совсем иная, устроена по другим законам, может содержать очевидные противоречия и т.п.

<...> Жизнь в ландшафте требует не только знаний и труда, но огромной культурной и социальной воли. Национализировав волю, государство растратило большую ее часть, а людям осталось очень мало и они используют ее экономно. Известен вопиющий контраст между чудовищной грязью, хаосом и беспорядком на улицах — и чрезмерным, самоценным, маниакальным порядком в жилищах. За порогом квартир сразу начинается чужое и чуждое пространство; где уж здесь полный спектр идентификации? За порогом квартиры сразу начинался советский союз ...

Именно так ведет себя и власть. **Полюса регламентации** административного пространства — его (псевдо)сакрализованные центр и границы; организация/регламентация пространства здесь тотальна и почти лишена функциональности. Между центром и границами, физически, репрессивно и символически сжимающими и скрепляющими пространство — менее регламентированная среда, замусоренная, но пригодная для жизни. Обыденная жизнь в основном и протекает в этой огромной переходной зоне, что и не-государственная, и не-частная.

Ландшафт обделен всем — трудами, знаниями, вниманием — но прежде всего волей. Царит ландшафтная апатия, равнодушие, аноμία. Отсюда и **пространственная неменяемость**. Общество=государство игнорирует то, что оно существует и неизбежно действует в пространстве — и потому, в сущности, никак себя и не ведет по отношению к этому пространству. Совокупный субъект фиктивен и иллюзорен, вместо него — множество размытых структур. Чудовищное незнание собственного пространства — феномен не в сфере просвещенности, отсутствия или неадекватности знаний. Само устройство феномена, называемого вполне противоречиво советским ландшафтом и предполагает, что он не является предметом заботы, воли, внимания, знания, рефлексии. Советский ландшафт — это реконструкция специалиста, а люди живут в реальности, которая не-для-них-ландшафт и для-них-не-ландшафт.

Противоречия нет. Ландшафта по определению не может не быть; но, мысля культурный ландшафт согласно его понятию, надо признать: на территории бывшего СССР **культурного ландшафта не существует**. «Общество» даже не ощущает, не сознает потери. Не подозревает, что живет в устроенной особым образом среде. Общество наше таково, что оно сильнее всего самовыражается в ландшафте — а не в смысле, богатстве, личности, знании, вере, — не отдавая себе в том отчета.

Советский ландшафт: произведение неведомого искусства?

Наше пространство фрагментарно, мест нет, смыслополагание и власть внеландшафты, господствуют доминанты размера, новизны, видимости, простоты. Жесткий такт переходит в хаос, хаос рожден гипертсимметрией проектов властной воли. И, тем не менее, особый советский псевдоландшафт — есть! (6) Мы в нем живем и будем жить; он будет нас возвращать, как возвращает повседневная среда. Эта среда — особое, невиданное нигде и никогда пространство.

Однако диагноз, идентификация этого пространства проблематичен. Много меньше — и неизмеримо больше, чем ландшафт. Что это? Может быть, особый синкретический текст? невиданное семиотическое диво? особое произведение неведомого искусства? Много подтверждает это...

Пространство тотально символично и сплошно знаково (в нем масса лакун, но все для-него-существующее — значимо); супертекст из вещей, людей и мест; вещественное и знаково-символическое нерасчленимо. Советское пространство своей событийностью реализует все языковые функции, представляя "текстом"-средой (картой), где живут интерпретаторы — компоненты текста; правильность интерпретации эквивалентна выживанию. Вся жизнь советского человека — балансирование на грани предписанная/осмысленная интерпретации. Каждое место (регион) — особый контекст со своими правилами интерпретации; покидая свое физическое место, человек семантически слепнет. Перемещение (смена позиции) эквивалентно смене языка восприятия, реальности; переводу.

Все существенные детали, позиции, направления, расстояния обладают значениями; Эстетика-этика-экономика-власть нераздельны и тотальны. Реально наблюдаемое "пространство" мыслимо как особый план выражения, материал которого неслучаен. Все существующее как пространственно-телесное — лишь слабый отблеск своего подлинного значения, "высокого" смысла. Вдумаемся в радикальность сказанного: в советском пространстве вещи, места, города, регионы — лишь знаки. Вещное и знаковое инвертировано.

Реакции, от которых я с трудом старался удерживаться в тексте, — шок, нонсенс, абсурд, ужас, бред, ложное величие... — реакции острого эстетического переживания, точнее говоря — реакция на собственное выживание как предмет внешнего настойчивого эстетического эксперимента... Общее с эстетикой абсурда; особая коллажированность всего на свете — от устремленности к сакральным высотам до мелкой функциональности, орнаментальности, поэтика сочетания несочетаемого; напор, мощь, пафос и сила устремленности, переделки всего естества лика планеты, стремление самовыразиться всем пространством ландшафта. В принципе везде возможно все — примат искусственности, сделанности, спроектированности, поставленности над естественностью (давняя традиция потемкинских деревень — как оживших макетов, декораций — и повсюду!). <...>

Вся событийность театрализована (например, новые и старые митинговые действия), однако общие для пространства события не локализованы в пространстве и времени, "происходят в нигде и никогда" (общее равнодушие масс к "распаду СССР"). Пространство — арена для событий, смысл которых истекает из надпространственно-вневременного центра.

<...> При всей "странности" наше советское пространство интерпретируемо как целое. Тем более, что в начале советской эпохи доминантой было слить жизнь и искусство, пронизав то и другое идеологическими эманациями. Нам стоит задумываться над такими — и более очевидными — вопросами; наш ландшафт никуда не денется, он с нами, а мы поддерживаем его своим способом жить.

Выживание в неменяемом пространстве

Подведем итоги. Наше социалистическое пространство: внешнее доминирует над внутренним, соседствующие элементы разделены и враждебны друг другу; физические (ландшафтные) расстояния имеют мало значения, подменяясь расстояниями во властном пространстве; главный признак всякого места — размер, величина; условие выживания — простота и новизна. Стиль отношений: приказ-подчинение, конфликт, нелегальщина. Требование к пространству — подвластность и прозрачность. Требование к человеку — свободная перемещаемость, повсеместность, избирательное зрение. Возможность собственных требований отдельных людей и групп к использованию ландшафта, властным структурам — запрет и подавление. Возможность существованию самостоятельной ландшафтной феноменологии — невозможность. Антиландшафт. Неменяемое, самоуничтожающееся пространство. СССР был, да и остается, величайшей областью, где само устройство общества, государства приводит к уничтожению ландшафта; вопрос стоит так: ландшафт — или социализм.

Однако мы как-то выжили в этом пространстве, и даже кое-что от ландшафта сохранилось; это озадачивает. Но мы выжили в ландшафте, потому что обживали разные ячейки. Властно-проектирующие силы не пребывали в ландшафте. Жизненный мир "властей" состоял из отдельных изолированных фрагментов, связанных между собою схемами-документами подвластного пространства. В этом смысле наше общество было предельно сегрегированным; каждая группа жила в том кусочке и слое пространства, что для других групп был аморфно-безразличным неведомым пространством.

Мы использовали промежутки между большими ячейками и проскальзывали между разными регламентирующими структурами, мы ютились в щелях, для надпространственной власти слишком малых и далеких, создавали свои системы коммуникаций в ландшафте и знаний по этому поводу. Обживали свое пространство, не отказываясь от использования лакун государственного пространства, пристраивались к ним и иногда оживляли и оестествляли их. Бесперывно нарушали писанные регламентации; жизнь в советском ландшафте — перманентное нарушение закона, вернее, нарушение закона в пространстве — необходимое условие выживания. Советский ландшафт жив собственным беззаконием. В частности, тот самый черный рынок, без которого экономика не могла бы быть — это особая нерегламентированная система взаимодействий в пространстве, как и наши личные дружеские связи, туристские походы и поездки за грибами-ягодами.

Люди выжили в ландшафте только потому, что проявляли немалую активность, нередко во многом нелегальную, и эта активность была ориентирована именно на ландшафт. Мы ведь — все вместе взятые — могли относиться к ландшафту гораздо более разнообразно и сложно, чем "агенты властей". Для нас он был — насколько уж был — полимасштабным и сплошным.

Если бы мы жили в пространстве утопии, где ландшафта ни в каком смысле нет (что и служит предметом гордости) — мы бы не выжили; пространство утопии не ландшафт хотя бы потому, что не знает ни внутренней сложности, ни внешнего мира.

2.5. Образовательные ресурсы к модулю «География культурных ландшафтов»

Представление о культурном ландшафте в антропогенном ландшафтоведении

Арманд Д.Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975. – 239 с.

Арманд Д.Л. Ландшафт как конструкция // Изв. ВГО, 1983. – Вып. 2.

Арманд Д.Л. географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. – М.: Наука, 1983. – 238 с.

Беручашвили Н.Л. Четыре измерения ландшафта. – М.: Мысль, 1986. – 180 с.

Викторов А.С. Рисунок ландшафта. – М.: Мысль, 1986. – 177 с.

Владимиров В.В., Микулина Е.М., Яргина З.Н. Город и ландшафт: (Проблемы конструирования – задачи и решения). – М.: Мысль, 1986 – 236 с.

Грищенко Н.С., Желобаева А.А., Махров А.А. Классификация антропогенных ландшафтов по уровню технического обустройства (технизированности). – М.: Мелиорация и водное хозяйство, 1999

Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900-1950-е годы). – М.: Геос, 1999. – 232 с.

Забелин И.М. Физическая география в современном естествознании. – М.: Наука, 1978. – 335 с.

Забелин И.М. Очерки истории географической мысли в СССР. 1917-1945. – М.: Наука, 1989. – 340 с.

Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1953. - 391 с.

Исаченко А.Г. Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. – М.: Высшая школа, 1991. - 327 с.

Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды. – М.: Мысль, 1980. - 264 с.

Исаченко А.Г. О двух трактовках понятия «культурный ландшафт» // Изв. РГО. – 2003. – Вып. 1. – С. 5-16.

Марцинкевич Г.И., Клещунова Н.К., Мотузко А.Н. Основы ландшафтоведения: [уч. пособие по геогр. спец. вузов]. – Минск: Выш. шк., 1986. – 206 с.

Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. – М.: Мысль, 1973. - 224 с.

Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. – 1946. - № 1. – С. 97-106.

Саушкин Ю.Г. К изучению ландшафтов СССР, измененных в процессе производства // Вопросы географии. – 1951. - № 24. – С. 276-299.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. – М.-Л.: ГИЗ, 1928. 312 с.

Чупахин В.М. Основы ландшафтоведения. – М.: Агропромиздат, 1990. – 168 с.

Специфика концепции культурного ландшафта в этнокультурном ландшафтоведении

- Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1984. – 235 с.
- Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. – М.: Изд-во МГУ, 2000.- 94 с.
- Калуцков В.Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестн. Моск. Ун-та. - Сер. 5. - География. - № 4. – С. 16-20.
- Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера. Семинар «Культурный ландшафт: первый тематический выпуск докладов. – М.: Изд-во ФБМК, 1998. – 136 с.
- Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт вопросы теории и методологии. – Смоленск, - 1998.
- Калуцков В.Н., Красовская Т.М. Представление о культурном ландшафте: от профессионального до мировоззренческого // Вестн. МГУ. – Сер. 5. - География. – 2000. - № 4.
- Караваев В.А. Культурный ландшафт Бронниц, Серпухова и Коломны // Вестн. МГУ. – Сер. 5. география. – 2001. - № 2.
- Красовская Т.М. Культурный ландшафт районов Крайнего Севера России как основа устойчивого развития региона // Культурный ландшафт вопросы теории и методологии. – Смоленск, 1998.
- Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований / Семинар «Культурный ландшафт»: второй тематический выпуск докладов. – Москва-Смоленск: Изд-во СГУ., 1998. - С. 104.
- Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. М., 1993.
- Пуляев В.Т. Культура и гуманитарные исследования в России // Материальная культура народов России. – Т. 1. – Новосибирск, 1995.
- Симонов Ю.Г. Культурный ландшафт как объект географического анализа // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. – Смоленск, - 1998.

Культурный ландшафт как категория всемирного наследия

- Веденин Ю.А. Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения // Изв. АН СССР. Сер. Геогр. - 1990. - № 1.- С. 5-17.
- Веденин Ю. А. Культурно-ландшафтное районирование России — ориентир культурной политики // Ориентиры культ. политики. — М. , 1997. - Вып. 2. - С. 3 - 99.
- Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. АН. - Сер. геогр. - 2001. - № 1. - С. 7-14.
- Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Современное законодательство об охране и использовании наследия // Наследие и современность. — М., 1997. — Вып. 5. — С. 3—14.
- Максаковский В.П. Всемирное культурное наследие. - М.: Агентство "Издательский сервис", 2001. - 416 с.
- Винкельбрандт А., Шиллер И. Концепция и опыт ландшафтного планирования в Германии как модель сложившейся системы // Руководство по ландшафтному планированию / Под ред. А. В. Дроздова. — М., 2000. — Т. 1. — С. 39—65.
- Гаукстад Э., Кулешова М., Моен Э., Столяров В. Сравнительный анализ практики управления культурными ландшафтами. — М: Изд-во Ин-та Наследия, 1999. — 96с.
- Горохов В.А., Вишневская С.С. По национальным паркам мира: Книга для учащихся. – М.: Просвещение, 1993.- 222 с.

- Европейская конвенция по ландшафтам (Серия Европейских договоров, № 176) // Сб. правовых актов Совета Европы о сохранении культ. наследия. — Екатеринбург, 2001. — С. 150—160.
- Европейская ландшафтная конвенция (<http://conventions.coe.int/treaty/EN/cadreprojets.htm>)
- Зарубежное законодательство в области сохранения культурного и природного наследия / Под ред. Ю. А. Веденина. — М.: Изд-во Ин-та Наследия, 1999. — 96 с.
- Кулешова М. Е. Культурные ландшафты: общие представления, понятия, подходы к оценке // Экол. пробл. сохранения ист. и культ. наследия. — М., 2000. — С. 37—52.
- Основные направления развития национального парка “Кенозерский” на 2001—2005 гг. / Сост. М. Е. Кулешова. — Архангельск: Изд. нац. парка “Кенозерский”, 2001. — 40 с.
- Музей будущего <http://www.future.museum.ru>
- Положение об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации (*Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 30.11.97 г. № 1487*). — Собр. актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1997. — № 23. — С. 2096—2097.
- ЮНЕСКО <http://www.unesco.ru>

Гуманитарный подход к культурному ландшафту

- Бродель Ф. Что такое Франция? / Перевод Зенкин С.Н., Мильчина В.А. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. — 406 с.
- Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: между истиной и схемой // Изв. РГО. — 2001. — Т. 133. — вып. 6.
- Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Человек. — 2001. — № 3. — С. 18-35.
- Замятин Д.Н. Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Человек в зеркале географии. Смоленск, 1996.
- Замятин Д.Н. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Политические исследования, 1998. № 6.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — М., 2001.- 574 с.
- Каганский В.Л. Мир культурного ландшафта // Наука о культуре: итоги и перспективы. — Вып. 3. М., - 1995.
- Каганский В.Л., Родоман Б.Б. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре. Наука о культуре: итоги и перспективы (информационно-аналитический сборник). — М.: РГБ (Информкультура), - 1995. — Вып. 3. — 88 с.
- Каганский В.Л. Граница как позиция и предмет понимания (www.inme.ru)
- Каганский В.Л. Основания регионального анализа в гуманитарной географии (www.inme.ru)
- Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа как культурной практики (www.inme.ru)
- Каганский В.Л. Россия как ситуация исследования и понимания (www.inme.ru)
- Каганский В.Л. Российское пространство. Территориально-институциональная структура как проблема (www.inme.ru)
- Кафедра экономической и социальной географии МГУ http://www.ecoross.ru/alfaukaz/r_t.htm
- Ковалев Е.М Гуманитарная география России. — М.: ЛА «Варяг», 1995. — 448 с.
- Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М., 1995.
- Родоман Б.Б. География и судьба России//Знание-сила, 1993. - № 3.

- Родоман Б.Б. География: методологический портрет / Кентравр. Методологический и игротехнический альманах. 1996. № 1. С.23-28.
- Родоман Б.Б. Деятельность людей и социально-географические районы. // Вестник МГУ. – Сер. «География». - 1969 - № 2. - С.8.
- Родоман Б.Б. Основные процессы пространственной дифференциации // Вестник МГУ. - Сер. «География». - 1970 - № 5.
- Родоман Б.Б. Основные типы географических районов // Вестник МГУ. - Сер. «География». - 1972 - № 1.
- Родоман Б.Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник МГУ. - Сер. «География». - 1979 - № 4.
- Родоман Б.Б., Каганский В.Л. Уроки географии // Вопросы философии. 1990. - № 4.
- «Русский Архипелаг» (www.archipelag.ru).
- Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. – М., 1998. – 209 с.

Политический ландшафт

- Волны и циклы политического развития: Круглый стол // Полис. – 2002. - № 4.
- Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. – 2001. - № 1.
- Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешкина Е.Ю. Первый электоральный цикл в России (1993-1996). – М. – 2000.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. - М. – 1995.
- Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. – 2001. - № 4.
- Культурная география. Науч. ред. Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский. - М.: Институт наследия, 2001. - 192 с.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России (К обсуждению гипотезы) // Полис. – 1998. - № 2.
- Петров Н.В. Электоральный ландшафт: географический и политический // ПОЛИС. – 2002. - № 2. – С. 107-110.
- Ильин М.В. Политическое самоопределение России. – Pro et contra. – 1999. - №1.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. – М. – 2001.
- Иноземцев В.Л., Кузнецова Е.Р. Глобальный конфликт XXI в. // Полис. – 2001. - № 6.
- Россия в избирательном цикле 1999-2000 годов / Под ред. М. Макфола и др. – Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2000. – 615 с.
- Салмин А.М. Выборы 1995 – 1996 г.г. и трансформация политического режима в Российской Федерации // Полис. – 1997. - № 1.
- Туровский Р.Ф. Политическая география // Вестник МГУ. - Сер. 12. - Политические науки. – 1995. - № 3. – С. 33-45.
- Структура и динамика российского электорального пространства: Круглый стол // Полис. – 2000. - № 2.
- Туровский Р.Ф. Территориальное распространение этносоциального конфликта. 1992. — Вестник Московского университета, сер. 5. География, № 2.
- Туровский Р.Ф. 1998а. Культурные ландшафты России. М.
- Туровский Р.Ф. 1998б. Отношения “центр-регионы” в 1997-1998 гг.: между конфликтом и консенсусом. — Полития. - № 1.
- Туровский Р.Ф. Политическая география. М.-Смоленск, 1999.
- Туровский Р.Ф. Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины. — Полис. – 1999. - № 6.
- Туровский Р.Ф. 1999в. Региональная идентичность в современной России. — Российское общество: становление демократических ценностей? М.

МОДУЛЬ 3. «ГЕОГРАФИЯ МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ» (18 ЧАСОВ)

«Территории классической географии являются не реальностью, а конструктами, принадлежащими скорее области идеологии, чем эмпирики»

Х.-Д. Шульц, современный немецкий географ

«Географический образ региона – это воображаемый географический рубеж и генетический виток регионального развития».

Третий образовательный модуль курса «География человеческих перспектив» является, пожалуй, если не самым интересным, то, во всяком случае, самым необычным для большинства старшеклассников. В нем речь пойдет о различных географических образах, которые складываются в ходе освоения и развития территории и «упаковываются» в компактные, устойчивые модели и представления о ней.

Как и любое обжитое, освоенное пространство, пространство российских регионов многослойно; оно не тождественно их физико-географическим и политико-административным границам. В данном модуле речь пойдет о российских регионах как ментальных конструкциях, о ментальных границах российских регионах.

Через призму каких географических образов регион осмысляет себя в пространстве страны и мира? С какими географическими образами, прежде всего, себя идентифицирует и соотносит? Какие географические образы наиболее значимы для самоопределения региона относительно его прошлого, настоящего и будущего? Вот вопросы, на которые нужно найти ответы в данном модуле.

**3.1. Общая структура образовательного модуля
«География ментальных моделей»**

Блок понятийной работы:

1. Понятие «ментальная модель»
2. Понятие «географический образ»
3. Понятие «ментальная карта»

Блок выделения объектов анализа:

1. Историко-географические образы региона
2. Экономико-географические образы региона
3. Политико-географические образы региона
4. Культурно-географические образы региона
5. Социально-географические образы региона

Блок моделирования карт:

1. Ментальные представления о возможных территориях
2. Новая ментальность пространственной организации страны
3. «Продуктивная ментальность» пространственная организация

Образовательная форма	Игровая форма	Тема	Количество часов
Понятийный этап «Ментальная модель как современная характеристика региона» - 6 часов			
Установочная лекция	Проблемный доклад	«Географическое пространство и ментальность»	1 час 15 мин
Формирование тематических групп	Создание отделов Комиссии по региональному развитию	«Типы географических образов»	45 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Основания появления и содержание географических образов: выдвижение версий»	1 час 30 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию	«Ментальная модель как система географических образов»	2 часа
Подведение итогов работы за день			30 мин
Аналитический этап «Региональная ситуация на ментальной карте России» - 6 часов			
Тематические лекции	Аналитические сообщения	«Представление о регионе через призму географических образов». «Основные географические образы региона и история его освоения»	1 час 30 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Выделение процессов, по отношению к которым сложились ключевые (ведущие) географические образы региона»	2 часа 15 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию	«Ментальные карты региона. Географический образ региона как показатель его включенности в страновые процессы»	1 час 45 мин
Подведение итогов работы за день			30 мин
Сценарный этап «Конструирование перспективных образов региона и возможные сценарии его развития» - 6 часов			

Тематические лекции	Экспертные сообщения	«История формирования географических образов: США, Европа, страны Востока, Россия»	1 час 30 мин
Групповая работа	Заседания отделов Комиссии по региональному развитию	«Ментальные модели региона-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»	2 часа
Выступления групп. Общая дискуссия	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию	«Конструирование перспективных образов региона и возможные сценарии его развития»	2 часа
Итоговое обсуждение результатов работы в модуле			30 мин
Рефлексивный этап			
Домашнее задание по модулю в целом	Географическое эссе		

3.2. Вариант образовательной программы модуля «География ментальных моделей»

«Пространство, в котором возник сгусток современного города, обладает непосредственной реальностью, между тем как пространство его образа (взятого отдельно от вещественного воплощения) переливчато мерцает в другом пространстве – воображаемом, а моста, который поможет нам перейти из одного в другое, не существует».

Владимир Набоков

День первый «МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ КАК СОВРЕМЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНА»

10.00 – 11.15	Проблемный доклад «Географическое пространство и ментальность: символические ресурсы регионального развития»
11.15 – 12.00	Создание отделов Комиссии по региональному развитию «Типы географических образов»
12.00 – 13.30	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Основания появления и содержание географических образов: выдвижение версий»
13.30 – 14.00	Обед
14.00 – 16.00	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию «Ментальная модель как система географических образов»
16.00 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День второй

«РЕГИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТЕ РОССИИ»

10.00 – 11.30	Аналитические сообщения: <ul style="list-style-type: none"> ○ «Представление о регионе через призму географических образов» ○ «Основные географические образы региона и история его освоения»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Выделение процессов, по отношению к которым сложились ключевые (ведущие) географические образы региона»
	Возможные ресурсы для работы отделов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.) ▪ Интернет (региональные и федеральные сайты) ▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону) ▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	Обед
14.30 – 16.15	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию «Ментальные карты региона. Географический образ региона как показатель включенности региона в страновые процессы»
16.15 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День третий

«КОНСТРУИРОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ОБРАЗОВ РЕГИОНА И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ЕГО РАЗВИТИЯ»

10.00 – 11.30	Экспертные сообщения «История формирования географических образов: США, Европа, страны Востока, Россия»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Ментальные модели региона-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»
	Возможные ресурсы для работы отделов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.) ▪ Интернет (региональные и федеральные сайты) ▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону) ▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	Обед
14.30 – 16.15	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию «Конструирование перспективных образов региона и возможные сценарии его развития»
16.15 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Итоговое обсуждение результатов работы в модуле. Домашнее задание (написание эссе).

3.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля «География ментальных моделей»

Понятийный этап:

«Ментальная модель как современная характеристика региона»

А) Задача установочной лекции «**Географическое пространство и ментальность**» заключается в том, чтобы продемонстрировать актуальность и необходимость обращения учеников к теме ментальных моделей в контексте основной задачи, стоящей перед ними в курсе – исследованием перспектив развития российских регионов.

Стартовый тезис данного модуля может быть сформулирован следующим образом: в современном мире одним из важнейших факторов регионального развития являются **ментальные модели** региона.

В самом общем виде ментальные модели (от англ. «mental» – «мысленный») – это те образы и представления, которые существуют в сознании людей, и на которые они опираются при выборе своих жизненных целей, планов и перспектив. Петер Зенге назвал такие образы и представления «глубоко укоренившимися оценками, генерализированными ценностями, картинками, которые влияют на то, как мы понимаем мир и как действуем».

Поскольку мы изучаем географию, объектом нашего внимания будут **ментальные модели территории**, или **ментальные карты**. Как отмечает российский географ Д.Н. Замятин, ментальные карты есть способ представления пространства в сознании человека, они наглядно демонстрируют особенности географического воображения людей и выражают те реальные смыслы, которые связываются ими с данной территорией.

Как правило, географические представления не являются однозначными или статичными; они могут меняться под воздействием новой информации, смены идеологических установок, в связи с наступлением каких-либо политических событий и т.д. Кроме того, у различных групп населения, в зависимости от особенностей их национальных традиций, профессии, возраста, образования, социального положения, идеологических предпочтений, образа жизни складываются свои мысленные географические представления. На уровне отдельного региона, небольшой местности это приводит к сосуществованию, а иногда и к конкуренции принципиально различных ментальных моделей одной и той же территории.

Наибольший интерес в данном модуле для нас представляют ментальные модели территории, сформировавшиеся в сознании административных и деловых кругов - властей, политических и экономических элит (*военных, политических и государственных деятелей*). Дело в том, что на принятие управленческих решений по поводу развития той или иной территории, как правило, влияет не столько объективная оценка реальной ситуации, сколько сложившиеся представления об имидже территории, ее символическом «весе» и значимости в процессах социально-экономического и социально-культурного развития. Однако следует при этом отметить, что в современной России, стремящейся к партнерству между демократическим государством, бизнесом и гражданским обществом, особую значимость при подготовке и принятии стратегических решений приобретают также географические представления широких групп населения.

Впервые понятие «ментальная карта» было введено в 1948 году американским психологом Э.С. Толмаком. Однако наибольшего развития оно достигло в 70-е годы XX века в связи с разработкой геополитических стратегий.

В России интерес к ментальным картам значительно возрос в 1990-х годах в связи с начавшимися в России процессами регионализации. Изучение образов российских регионов оказалось важным и с точки зрения прикладных географических исследований по электоральной географии, географии малого бизнеса, местного самоуправления, современной культурной индустрии. Все это способствовало осознанию важности не только изучения, но и целенаправленного конструирования и даже специальной презентации наиболее выгодных географических образов тех или иных мест.

Географический образ можно определить как «...пространство процессов, взятых **вместе с мыслью** о них, с практикой» (Д.Н. Замятин). Географические образы – это уникальное сочетание различных процессов (исторических, экономических, политических, культурных, социальных), вобравших в себя черты географического пространства и ставших **динамичным местом мысли о нем**. Неслучайно, географические пространства, которые стали предметом интенсивной историко-

политико-, экономико-, социально- и культурной рефлексии, имеют богатый и разнообразный набор собственных образов.

Ответ на вопрос о том, каков набор ключевых (ведущих) географических образов той или иной территории, как правило, не является однозначным и имеет вероятностный характер. Это, скорее, проблема исторического, культурного, политического, экономического и социального самоопределения. Поэтому с точки зрения анализа и прогнозирования перспектив развития российских регионов очень важно понять, с какими географическими образами регион себя осмысляет и идентифицирует.

В данном модуле участникам предстоит ответить на главный вопрос: с какими ключевыми географическими образами необходимо соотносить себя Вашему региону для того, чтобы он успешно развивался, а не находился в состоянии застоя или деградации?

Для того чтобы построить версию ответа на этот вопрос, необходимо последовательно разобраться и ответить на следующие вопросы:

1. Что понимается под «географическими образами»? По каким параметрам (характеристикам) их можно охарактеризовать?
2. Какова сегодня картина (ситуация) состояния человеческого потенциала в Вашем регионе и в России в целом? Каков базовый образ-архетип
3. Какие сегодня существуют тенденции к изменению этой картины (ситуации) в Вашем регионе и в России в целом? Каковы темпы динамики ситуации, и какие факторы на это влияют?
4. Что нужно делать для того, чтобы человеческий потенциал Вашего региона и России в целом качественно и количественно повышался?
5. Какие управленческие действия должны быть приняты в первую очередь?

На 1 вопрос участники будут отвечать в первый (понятийный) день модуля, на 2 и 3 – во второй (аналитический) день, а на 4 и 5 – в третий (сценарный) день модуля.

Б) В данном модуле мы предлагаем сформировать рабочие (тематические) группы по различным **типам географических образов региона**:

- историко-географические образы
- экономико-географические образы
- политико-географические образы
- культурно-географические образы
- социально-географические образы

Основными источниками появления этих географических образов являются процессы активного освоения территории, включение ее в исторические, экономические, политические, культурные, социальные изменения и трансформации. Географические образы выполняют функцию знаково-символической консолидации и мобилизации людей, необходимой для реализации тех или иных коллективных задач. На физико-географическое пространство как бы накладываются многочисленные слои его образов, как правило, с ним не совпадающих.

Эти географические образы являются различными по происхождению, структуре и способам репрезентации (от английского слова «representation» - представление, изображение). Репрезентация – это представление географического образа с помощью адекватных его содержанию средств - символов и знаков, включающее в себя процедуры поиска и идентификации соответствий между образом и некими символами и знаками. Репрезентация географических образов опирается на использование различного рода текстов – научных и художественных произведений, газетных статей и информационных заметок, приватной переписки, дневников, официальных документов, стенограмм переговоров и даже рекламных слоганов. Графика, живопись, музыка, кино и видео, Интернет – тоже важные средства представления географических образов.

Историко-географические образы. Историко-географические образы представляют собой образы территории как историко-географического (или геоисторического) пространства; пространства, которое обрело свою индивидуальность, самостоятельность и символическую

целостность (общность) в процессах исторического развития. В отличие от исторических образов, в историко-географических образах пространство выступает «на равных» с историческим временем, оно играет самостоятельную роль, являясь активным участником, а не просто фоном для исторических событий. По отношению к родовому понятию географического образа историко-географический образ есть переходное явление, он как бы «растягивает» реальное географическое пространство одновременно в различные исторические эпохи.

При подготовке материалов работы этой группы помогут труды известного современного французского геоисторика Фернана Броделя. Для знакомства с его методологией прочтения и создания историко-географических образов мы рекомендуем два труда – «Что такое Франция?» и «Средиземноморский мир». Главная мысль Ф. Броделя заключается в акцентировании важности исследования того историко-географического контекста, в котором существует тот или иной регион, страна, континент.

Соединив образность мышления с документально-архивной дотошностью, в своих работах Фернан Бродель «нарисовал» геоисторию двух историко-географических регионов мира. В книге «Что такое Франция» он выделил целую серию сменяющих друг друга ключевых историко-географических образов Франции, которые формировались на пересечении важнейших для этой страны понятий и событий (Галлия, Средиземноморье, кельтская и римская цивилизации, экономическая периферия Европы и т.д.). Как считает сам Ф. Бродель, динамика этих образов способствовала взаимопроникновению различных, разновременных характеристик территории (ядро / периферия, ведущий регион / депрессивный регион и т.д.) и таким образом помогала накапливать ресурсы для возможных изменений в будущем.

В работе «Средиземноморский мир» Ф. Бродель проследил, как влияли сменяющиеся образы Средиземноморья на становление базовых, опорных образов Европы. Роль Средиземноморья в становлении образа Европы увеличивалось медленно, но неуклонно. Так, Средиземное море античности и раннего средневековья было, скорее, восточным, афро-азиатским, языческим и исламским. Европа по-настоящему "узнала" Средиземноморье, как это ни странно, в эпоху Великих географических открытий. Расширившиеся в эту эпоху образы Атлантики, которые первоначально были совершенно различными, например, у испанцев и португальцев (в XVI веке уже сформировался единый образ «Севильской Атлантики» - великого океанического коридора иберийцев), способствовали сосредоточению, уплотнению историко-географического образа Средиземноморья, хотя и уменьшавшегося в физическом отношении, но приобретающего все больший историко-культурный и политико-экономический «вес».

Политико-географические образы. Политико-географические образы вбирают в себя главные особенности и закономерности политического развития на той или иной географической территории. Они представляют собой уплотнение, концентрацию ведущих знаков, символов и черт отдельных стран, регионов в определенном политическом отношении.

Специфика политического мышления, определенный схематизм этого типа мышления и сравнительно высокая нацеленность на достижение политического компромисса ведут, как правило, к формированию довольно простых, четких и в то же время очень рельефных политико-географических образов. При этом любые новые формы политической организации, как правило, создают новые *пространственно-временные размерности* для окружающего мира, которые **консолидировали** бы его политически и создавали соответствующие политико-географические представления.

Любая власть или властные структуры по своей природе ориентированы как бы на формирование своего собственного пространства – **пространства власти**, которое может отнюдь не ограничиваться реальными государственными рубежами. Подобное отношение к географическому пространству было очень характерным для России: «...власть осмысливала пространство своего производства как лишенное пределов, *бесконечное*». Российские власти всегда стремились как бы опередить, хотя бы на шаг, ход реального расширения территории, поглотить еще не завоеванное или еще не присоединенное пространство, путем строительства системы кордонов и крепостей.

Культурно-географические образы. Культурно-географические образы представляют собой систему ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающих особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в территориальном контексте. Культурно-географические образы отражают устойчивые культурные реалии, сформировавшиеся в процессе освоения территории в результате сосуществования,

переплетения, взаимодействия, столкновения различных этнических, языковых, вероисповедательных факторов, а также традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира.

Часто наиболее значимые в образно-символическом смысле культурные ареалы какой-либо территории часто может выступать и в качестве образа всей территории, акцентируя внимание на наиболее ярких и существенных чертах ее образа. Так, в русской поэзии Урал рассматривался как символ мощи Российской державы, а Сибирь - как символ неосвоенности и дикости России (как правило, при взгляде на нашу страну извне).

Формирование и содержательное насыщение культурно-географических образов связано с их размещением в пространстве наиболее общих культурных символов и образов, в первую очередь, ключевых историко-мифологических символов, локализованных в данном регионе. При этом культурно-географические образы приобретают в сравнении с традиционными географическими координатами экстерриториальные характеристики.

Например, в русской поэзии XVIII века образ Индии в большей степени ассоциировался с экзотикой и богатством, нежели с какой-либо реальной территорией. Или образ Ватикана, который в русской поэзии XIX века существовал как бы отдельно от образа Италии, не был никак с ним связан и имел негативную эмоциональную окраску.

Культурно-географические образы носят по преимуществу экзогенный (внешний) характер, то есть в их формировании большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в создании культурно-географического образа России «принимали участие» географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа.

Часто функцию источников культурных образов того или иного пространства, выполняют крупные и/или мировые религии, обладающие цивилизационнообразующим потенциалом - ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К источникам культурно-географических образов следует также отнести и большинство империй. Поскольку «за спиной» империй, как правило, стояла какая-либо крупная цивилизация, империи активно формировали вокруг себя своего рода геокультурные «периферии». Например, в средние века очень отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей (север Балканского полуострова, часть Италии, Русь, часть Восточной и Центральной Европы) и арабским Халифатом (Кавказ, Центральная Азия).

Можно выделить два наиболее важных типа культурно-географических образа – «ядерный», принадлежащий центру какой-либо мощной цивилизации, проецирующей свои образы вовне, и «пограничный», или «фронтирный», формирующийся в неустойчивых, зонах межкультурного и межцивилизационного взаимодействия.

Культурно-географические образы можно назвать «ядерными» по своей мощи, так как именно они часто являются определяющими глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных субъектов.

Экономико-географические образы. Экономико-географические образы являются проекцией той или иной экономической структуры на область сознательно принимаемых управленческих решений, имеющих отношение к какому-либо региону. Необходимость создания и культивирования экономико-географических образов связана с особенностями развития и функционирования экономических пространств, которые, как правило, всегда шире (и с географической, и с экономической точки зрения), чем те территории, на которых они возникают и базируются.

Современная экономика основана на понимании относительности существующих государственных и политических границ. В частности, это связано с проблемой «финансового имиджа» того или иного региона: «...нельзя воздействовать на выбор мировым рынком портфеля инвестиций, но можно проводить политику «финансового имиджа», убедительную для крупных рейтинговых фирм». Экономико-географические образы способствуют выделению или оконтуриванию нечетких и размытых границ экономико-географических пространств, выступая их устойчивыми ядрами.

Формирование экономико-географических образов – длительный историко-географический процесс. Сама специфика освоения пространств России привела к слабой структурированности ее регионов и неоднозначности различного рода экономических границ: "Развитие "вширь" и связанные с этим переселения, при которых часто не соблюдался принцип соседства (во вновь основанный город переселялись из городов соседей 2-3, но не 1 порядка), способствовали "размытости" и "рыхлости" российских регионов, резко контрастирующих с европейской феодальной

структурированностью регионов". Мощностъ и структурированность конкретного геоэкономического образа, по существу, зависит от его историко-географического фундамента. Возраст территории и ее место в генеалогическом древе территорий практически автоматически демаркируют ряд родовых признаков соответствующего геоэкономического образа позволяют наметить в первом приближении контуры и самого территориального паттерна (который может быть общим для ряда геоэкономических образов).

Современная региональная динамика России и ее основные черты – поляризация пространства, рост столичной ренты, усиление внутренней связанности экономики регионов, разнонаправленность региональной динамики основных секторов экономики – по сути дела, есть не что иное, как процесс постепенного обнажения и в то же время явного структурирования ключевых геоэкономических образов России. Кризис экономики и, в известном смысле, государственного управления привел к формированию достаточно широкого поля разнородных геоэкономических образов, которые, как бы отталкиваясь друг от друга, одновременно и взаимодействуют, обнаруживая в этом процессе структурную неоднородность геоисторического пространства страны. Традиционная типология регионов по отношению к инновациям (креативные, инновативные, адаптивные, консервативные) в этой ситуации фактически тождественна типологии основных геоэкономических образов, и, в то же время, является генетической, поскольку вполне очевидно связана с историко-географическим контекстом освоения определенных регионов.

Социально-географические образы. Социально-географические образы регионов отражают социально-общественную ситуацию, социальную структуру и базовую систему социальных отношений. Социально-географические образы представляют собой символическую модель общественного взаимодействия. Эти образы определяются и как стратегия позиционирования официальной власти, так и историческими, культурными предпосылками, и неформальными социальными институтами. Некоторые примеры таких образов: «Закрытый регион», «Криминальный регион», «Контрастный регион», «Шахтерский регион», «Амбициозный регион» и др.

На социально-географические образы сегодня также влияет существующая в регионах структурна социального расслоения населения и во многом происхождение региональных элит. Социально-географические образы, как правило, ярко характеризуют сложившиеся общности людей на территориях, ценности и систему взаимоотношения людей друг с другом и внешним пространством. Для России, считающейся в советский период монолитной, единообразной страной, подобные характеристики официально считаются инновационными, однако почти каждый регион имел и имеет свой определенный имидж, своеобразный образ на карте Страны.

В) В ходе групповой работы участникам предлагается ввести характеристики того или иного географического образа. Выделить основное содержание географического образа своего региона.

Г) На общем совещании группы презентуют результаты своей работы через обобщение примеров, характеризующих тот или иной тип географического образа, и в дискуссии с помощью учителя пытаются выделить их базовые объекты.

Как правило, в этот список должны войти представление о границах и их иерархии, об «основной» истории (мифе, легенде места проживания); о географической отнесенности («Сибирь», «Север», «Европа») по отношению к значимому месту (с выделением самого значимого места): окраина, провинция, «вторая столица», возможно другое.

Д) В конце учебного дня учитель организует дискуссию, в которой ученики должны высказать сформировавшиеся у них представления о специфике выбранного типа географического образа.

Аналитический этап: «Региональная ситуация на ментальной карте России»

Данный этап является аналитическим, т.е. таким, где ученики должны уже использовать полученное ранее знание – инструменты при необходимости расширять его.

А) Аналитическое сообщение посвящено вопросу обозначения специфики и статуса тех или иных регионов страны. Можно заметить, что «карты являются языками власти» (Дж. Б. Харли) и никогда не являются нейтральными. Фритъоф Бенъямин Шенк отмечал, что «искусство картографии находилось в руках немногих специалистов. Картографы никогда не были независимыми художниками или мастерами. На составление карт всегда оказывали влияние политические силы, рынок или бюрократия». Здесь возможно сослаться на знакомое уже ученикам понятие «районирования» и «регион», указать на то, что представления о районах и использование образов регионов можно рассматривать как управленческую функцию.

Так, исследования имперских картографических образов в периоды активных колониальных захватов, демонстрируют в основном версию метрополии. Например: «господствующие географические образы колоний Британской империи – таких, как Ирландия или Индия – создавались как некие содержательно «пустые места», «пустые пространства», культурно заполняемые метрополией, ее ведущими образами.

В подобном имперском картографическом дискурсе мир представлялся как абсолютный центр, периферия фактически исчезала» (Д.Н. Замятин).

При этом следует заметить, что образы играют не только роль экспансий, но и могут приписывать как основные, так и дополнительные знания, например: «сырьевой придаток» или «Петербург – Северная Пальмира». Также можно отметить, что существуют и ассоциативные образы: Красноярск – «Столбы» (горы); Томск – Университеты; Петербург – «культурная столица».

В современном мире они играют очень большую роль, поскольку это первичные, обыденные образы, с которыми сталкиваются люди и на которые прежде всего реагируют.

В заключении следует заметить, что конструирование географических образов (городов, районов, краев, областей, стран) сегодня является одной из главных задач нашей страны. И это комплексная задача: и архитектурная, и экономическая, и политическая, и морально-нравственная «Страна и ее регионы должны иметь образ-лик, она должна узнаваться и узнаваться притягательным образом» - такими словами можно закончить лекцию.

Б) Работа тематических групп посвящена выделению процессов, по отношению к которым сложились ключевые (ведущие) географические образы региона. В группах участниками строятся ментальные карты региона как аналитический инструмент описания. Карты могут быть построены через следующие характеристики:

- политико-географический образ – плотность политических событий, значимых для страны, влияние на федеральную политику центра, электоральные предпочтения населения;
- экономико-географический образ - экономическая самостоятельность территорий, уровень жизни населения, индекс развития человеческого потенциала, отраслевая направленность региона.
- культурно-географический образ – базовые идентификационные отличия: этнические, религиозные, региональная ментальная специфика, базовые культурные способы организации людей: профессиональные, диаспоральные, религиозные.
- историко-географический образ – миссии исторического происхождения (военные форпост, промышленный центр, научный центр и т.д.), современные страновые интересы, связанные с данным регионом.
- социально-географический образ – ведущая социально-профессиональная группа – элита региона, ведущие социальные проблемы, уровень социальной дифференциации.

После ответов на вопросы, необходимо сформулировать рабочую задачу для Комиссий по пространственному развитию: «Необходимо исходя из темы группы восстановить существующий региональный портрет страны, т.е. описать доступные вам образы регионов и попробовать пояснить их».

В) Общая дискуссия посвящена теме «**Географический образ региона как показатель его включенности в страновые процессы**».

Ценностью этой дискуссии кроме учебной, может быть еще и срез ситуации отношения старшеклассников к возможностям Страны, так сказать к ее «разрешающей способности». В ходе презентации работы каждой группы можно прямо на контуре карты РФ подписывать обозначения-образы, в результате должна возникнуть своеобразная ментальная карта, построенная 15-летним

гражданином. В ходе дискуссии следует обсудить вопросы, связанные с принципами выделения регионов и принципами того или иного образно-географического представления.

Г) В конце учебного дня учитель может предложить дискуссию, в ходе которой могли бы проявиться аналитические навыки учащихся. Например, это может быть сравнительное обсуждение представлений о пространстве различных профессиональных групп или представителей разных поколений. Ребята могут высказывать мнения относительно специфики их поколенческой ментальности, связанной с образами пространства, а также обсудить известные и наиболее значимые для них географические образы России и региона их проживания.

**Сценарный этап:
«Конструирование перспективных образов региона
и возможные сценарии его развития»**

А) Третий этап уже носит иной характер. Основной вид исследовательской деятельности здесь – прогнозирование. Поэтому в начале дня учитель в своем экспертном сообщении выдвигает гипотезу о возможности смены ментальных представлений об организации страны. Дело в том, что (и на это необходимо обратить внимание учеников) переход от имперской политики всегда связан с демифологизацией и реструктуризацией, имеющих у населения представлений об организации территории Страны. Как правило, начинают усиливаться представления о «силе» региональных центров; появляется смысл о существовании провинций; появляются «свой» символы и географические образы. По существу, меняются образно-географические интерпретации.

«В известном смысле образно-географические интерпретации продуцируют наиболее мощные и эффективные образы реальности; при этом любая реальность воспринимается в пределе как географический образ» (Д.Н. Замятин).

По существу, возможно, сделать гипотезу, что в Стране начинает формироваться новая ментальность пространственной организации Страны и связана она, прежде всего, с федерализмом и федеральной организацией.

Направления ментальной организации следующие:

- смена представлений о территориально-властной иерархии;
- смена представлений о монокультурном укладе страны;
- смена представлений о территориально-национальной организации страны;
- смена представлений о центре и периферии;
- смена представлений о географической организации власти;
- смена самих образов и символов территориальных организованностей;
- смена типических образов людей, проживающих на той или иной территории.

Б) После такого доклада учитель предлагает ученикам в своих тематических группах-лабораториях попытаться по этим и другим пунктам спрогнозировать изменения в пространственной организации Страны в сознании населения (например, на рубеже 2020 года). Задача, конечно же, неординарная, поскольку необходимо будет совершить два шага прогнозирования:

- предположить основные федеральные изменения;
- ответить на вопрос: к каким пространственным представлениям людей это приведет;

На основе построенных карт ученикам необходимо смоделировать карты сценариев с помощью обоснованных прогнозов.

В) На футурологическом семинаре группы презентуют существующие с их точки зрения, ментальные карты граждан России о своей Стране в будущем, карты, которые отражают территорию Страны и отношение к ней (кстати, при этом могут «поплыть» и сами границы страны, например, на карте «Русского Мира»). То есть, ученики пробуют представить в картографическом виде обобщенные внутренние представления людей о пространственной организации Страны (по срезам тематических групп). Конечно, не следует ожидать профессиональных прогнозов, однако ценно то, что старшеклассники поучаствуют в таком типе картографирования.

Г) В заключение учитель вывешивает все карты и организует итоговое обсуждение этого модуля: «**Мое представление об основных географических образах страны**». Также необходимо дать установку на выполнение домашнего задания – географического эссе.

**3.4. Материалы к установочной лекции модуля
«География ментальных моделей»**

**ФРАГМЕНТЫ ИЗ ГЛАВЫ «СТРАНА И РЕГИОНЫ:
ДИНАМИКА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ»**

Д.Н. Замятин

(Опубликовано: Замятин Д.Н. Географические образы. - М.: Б.и., 2000. - 166 с.)

<...> Образное понимание географического пространства заложено в основе гуманитарной географии, ориентированной, прежде всего, на структурирование и четкое оформление наиболее ярких географических образов. Географические образы есть не что иное, как особый язык — язык пространственной культуры, которая как бы модифицирует сама себя в зависимости от места, страны или региона. Естественная пластичность и рельеф географического пространства выявляются посредством реконструкции, деконструкции или же конструирования соответствующих конкретных географических образов. <...>

Географическое моделирование образа страны — это одно из наиболее интересных и перспективных направлений развития как географической науки в целом, так и отдельных ее областей — культурной, социально-экономической, исторической географии. Концепция географических образов относит образ страны к категории фундаментальных, или концептуальных географических образов.

Образ страны в первом приближении можно определить как устойчивый и диверсифицированный географический образ, основной чертой или особенностью которого является стремление к усложнению структуры и усилению степеней взаимосвязанности его основных элементов. Географическое пространство в образе страны предстает как максимально структурированное и осмысленное в рамках определенной исторической эпохи. Культурно-историческая и природная когнитивная насыщенность образа страны позволяют отнести его к географическим образам высшего уровня образно-географической иерархии.

Структура образа страны представляет собой своеобразную «матрешку»: стержневой образ как бы спрятан внутри нескольких «упаковок», которые обеспечивают его элиминирование и, в известном смысле, репрезентацию. Так, в качестве стержневого образа для Германии можно рассматривать немецкую философию, германский милитаризм, культурно-историческую обособленность немецких земель, центральное географическое положение в Европе. Всякий раз, однако, как только выбран стержневой образ, он предполагает свое определенное «ветвление» и продуцирование вторичных и «поддерживающих» образов. Следовательно, эффективное географическое моделирование образа страны связано с разработкой альтернативных вариантов, сравнение которых и конечная оценка их рациональности должны проводиться с точки зрения конкретной цели исследования (фундаментально-научной, прикладной научной, практической).

Методы исследования образа страны можно разделить на две группы. В первую группу входят традиционные научные методы, которые связаны с параметризацией и измерением изучаемого явления: статистические методы, методы математического и компьютерного моделирования, различные методы картографирования. Вторая группа методов включает специфические приемы и способы, которые используются для «сгущения» стержневого образа и дальнейшего его «ветвления». Здесь можно выделить методы наращивания образно-географического поля, оконтуривания «ядерных» образов, зонирования и районирования образно-географического поля. Например, первичное исследование образа Франции связано, в первую очередь, с оконтуриванием таких «ядерных» образов, как Париж, революция, мода, литература, Средиземноморье. В целом, географическое моделирование образа страны предполагает известное балансирование, уравновешенность традиционных и нетрадиционных методов исследования.

Методика исследования образа страны тесно связана с его динамикой. Наиболее компактные и насыщенные, «плотные» страновые образы, как правило, отличаются наибольшей динамичностью. Карты подобных страновых образов удобнее представлять как n—мерные структуры, в которых

увеличение количества координат есть не что иное, как непосредственное повышение качественной сложности образа. Истинность какого-либо образа страны, тем самым, напрямую зависит от степени и качества учета его динамических свойств.

Традиционное страноведение и формирование образа страны

Современное научно-географическое страноведение в России испытало в 1990-х годах своеобразный «ренессанс». Обилие публикаций было связано с оживлением научного интереса к наиболее фундаментальной и в то же время наиболее «географичной» проблеме, довольно сильно «притушенной» и потускневшей в советское время. <...>

Современные исследователи страноведения сделали попытку опереться на наследие классической географии и одновременно актуализировать значимость сравнительно-географического и образного метода в страноведении. Так, Я.Г. Машбиц указал на значимость классических работ В.П. Семенова-Тян-Шанского, рассматривавшего страноведение как один из высших этажей географии, и на необходимость использования в страноведческих характеристиках ярких компаративистских образов — например, Ливан как «Швейцария Ближнего Востока» или Чехия как «Сингапур Восточной Европы». Проблематика образа страны оказалась явно на «передовых рубежах» современного страноведения. Это связано в первую очередь с тем, что понятие страны с трудом укладывается в точные географические границы; оно по своему генезису уже является образным. Так, В.А. Пуляркин считает, что страноведение явно нуждается в герменевтическом обосновании и ни в коей мере не сводимо к территории. Определение страноведения как синтетического этапа географического познания переводит образное страноведение в центр географического интереса. Следует сразу же отметить, что этот интерес не является только географическим, так как внешние потребители страноведческой продукции могут быть заинтересованы в моделировании прикладных, специфически ориентированных образов каких-либо стран.

Классическая хорологическая концепция в географии, представленная, прежде всего, трудами немецкого географа Альфреда Геттнера, по своей сути является страноведческой, причем понимание страноведения в ней достаточно жестко связано с проблемой чувственного и теоретического познания географического пространства. Выделяемые А. Геттнером ограничения для чувственно-образного восприятия пространства в значительной степени важны для формирования образа страны. Так, временные границы, весьма раздвинутые при восприятии и изучении страны, определяют известную абстрактность, обобщенность и в то же время синтетический характер образа страны: «Кто внимательно наблюдает природу какой-нибудь страны, тот носит у себя в голове большое количество образов, составляющих в своей совокупности некоторое единство; только это единство и может интересовать географию». Страноведение фактически решает, в интерпретации А. Геттнера, хорологические задачи в рамках всей географии и, следовательно, работа по формированию образов различных стран оказывается ядром содержательных географических исследований.

С точки зрения современной теоретической географии, исследования образа страны вполне могут рассматриваться и как исследования виртуальных объектов, существующих, очевидно, в некоем специфическом пространстве, в данном случае — анаморфированном географическом пространстве. Идея виртуального мира, определяемая как своего рода методологическая метафора, позволяет осознать автономность существования и развития образов стран, конструирование которых предстает как целенаправленная методологическая и теоретическая деятельность. Другими словами, детально разработанный и хорошо структурированный образ страны, в конечном счете, фактически есть упорядоченное представление страны — он как бы являет страну; изначальная «виртуальность» образа становится самой реальностью.

В рамках традиционного научно-географического страноведения изучение и формирование образа страны имеет четко обозначенную «ячейку», однако сам этот образ представляет собой лишь дополнительную «упаковку» для обстоятельной физико-, экономико- и социально-географической характеристики страны.

Географические образы и региональная политика

Региональная политика в настоящее время сталкивается с проблемой выделения своего объекта. Традиционные административно-политические (области, края, республики и т. д.) и экономические (экономические районы и зоны) единицы теряют статус единственно правильных и

наиболее эффективных объектов региональной политики и управления. В свою очередь, понятие региональной политики должно быть, безусловно, расширено – прежде всего, содержательно. На наш взгляд, региональная политика должна быть не только совокупностью политических принципов, методов, подходов, применяемых по отношению к регионам различных типов и классов, но и быть в целостном, системном понимании политикой регионов, политически мыслить регионами. Это возможно только при условии сознательного когнитивного конструирования образов регионов, или, в случае региональной экономической политики – целенаправленных, функциональных геоэкономических образов.

Так, геоэкономический образ Сибири в течение XIX-XX вв. трансформировался неоднократно, воздействуя своими изменениями на государственное управление и региональную политику. Процессы экономического развития юго-западной и юго-восточной частей Сибири, которая охватывала до начала XX века фактически всю Азиатскую часть России, привели к выделению новых самостоятельных административно-территориальных единиц – Степного и Приамурского генерал-губернаторств. Перекройка административных границ в данном случае была основана на реальных изменениях в экономико-географических представлениях о Сибири: "Если в конце XIX в. Сибирь на всем протяжении от Урала до Тихого океана однозначно воспринималась как единая территория, то уже в начале XX в. некоторые авторы экономических обзоров о Сибири начинают сужать ее первоначальные географические границы, исключая из состава сибирских территорий степные и дальневосточные области».

Формирование геоэкономического образа может происходить в результате конкретных экономических мер, направленных против региональных производителей. Покажем это опять на примере Сибири.

Введение в начале XX в. Челябинского тарифного перелома с целью ограничения поставок дешевого сибирского хлеба в Европейскую Россию привело к появлению жесткого внутреннего экономического барьера. Он оказался невыгоден России с точки зрения ее внешней экономической политики и был отменен в несколько приемов к 1913 году. Однако достаточно длительная борьба на региональных хлебных рынках привела к консолидации и окончательному оформлению важных составляющих геоэкономического образа Сибири – хлебного богатства, значительного сельскохозяйственного района. Челябинский тарифный перелом стал фактически переходным геоэкономическим образом Сибири на промежуточном рубеже ее развития.

<...>

Формирование геоэкономического образа региона на первоначальной стадии связано с внутренними подвижками в экономико-географических представлениях о данной территории. Население региона, мобилизуемое энергичными экономическими мерами правительства, расширяет, условно говоря, свою территорию. Оживление экономического обмена и торговли приводит к появлению ценностных суждений местного населения о смежных территориях. Например, освоение Приамурья в 1860-х гг. повлекло за собой расширение кругозора и территории экономической деятельности для населения Забайкалья. Развитие извозничества коренным образом изменило геоэкономическую структуру этого района и переориентировало ее вовне, в сторону Приамурья. Характерна в этой связи запись, сделанная в дневнике П. А. Кропоткина в 1863 г. (Кропоткин принимал деятельное участие в первоначальном освоении Приамурья): "Особенно же извозничают крестьяне кабанские, по своему удобному положению между Байкалом, Кяхтою и Читой. При этом, ворча на Амур за те тягости, которые он на них взваливает, особенно же за проходящие команды, они признаются, что Амур принес также громадную пользу; прежде Чита была чем-то совершенно неизвестным в Ильинской волости; чтобы съездить туда, нужно было поднимать образа, служить молебны; теперь Чита сделалась близко, говорят они. Наконец, и сбыт хлеба должен был до некоторой степени обогатить их. Но главная заслуга Амура в том, что он расшевелил их". Однако на этой первоначальной стадии сам формирующийся геоэкономический образ региона представляет собой, скорее всего, лишь мозаику слабо связанных суждений и оценок, и жители пока еще "фантомного" региона не мыслят себя чем-то целым, географическим единством. Так, слово "сибиряк" практически ничего не значило в 1860-х гг. для жителей Забайкалья: "Слово это само по себе слишком неопределенно и ничего не означает именно по своей неопределенности. Можно говорить: крестьянин Верхнеудинского округа и то означая, какой волости, или можно говорить: казак такой-то бригады или батальона и т. п., но не сибиряк, даже не забайкалец. Местные различия слишком велики".

Структурирование первоначального, еще расплывчатого геоэкономического образа может быть ускорено за счет геополитических усилий центра в осваиваемом регионе. Речь идет в первую

очередь о т. н. доминантных линиях. Строительство Транссиба и КВЖД фактически структурировало Дальний Восток, а дальнейшие таможенные и тарифные меры правительства фактически выделили этот район как самостоятельное геоэкономическое пространство. "Геополитическое происхождение" Дальнего Востока способствовало быстрому формированию достаточно простого геоэкономического образа уже к 1910-м гг.

Таким образом, можно сказать, что российское правительство к началу XX в. имело четко выраженную региональную дальневосточную политику. Подобного рода сибирской региональной политики к этому времени практически еще не было, хотя уничтожение Челябинского тарифного перелома означало возможность ее быстрого формирования. Геоэкономический образ Сибири, активно складывавшийся во второй половине XIX – начале XX вв., повлиял, очевидно, на региональную политику уже Советского правительства 1920-1930-х гг.

Подводя итоги первичному исследованию особенностей формирования геоэкономических образов в рамках региональной политики и управления, можно сделать следующие обобщающие выводы:

1) общегосударственная региональная политика по отношению к какому-либо региону должна заключаться, на наш взгляд, в выявлении, в первую очередь, устойчивого геоэкономического образа региона и его структуры;

2) определение самой региональной политики, по-видимому, нуждается в серьезном совершенствовании — иначе говоря, она должна быть по-настоящему "регионализирована", но не "политизирована";

3) развитие эффективной региональной политики в рамках Российского государства возможно в случае разработки достаточно детальной и четко иерархизированной системы ("карты") геоэкономических образов различных территорий и районов России;

4) создание подобной "карты" геоэкономических образов страны должно опираться на мощный историко-географический исследовательский фундамент — здесь очень важным аспектом представляется развитие такой научной области, как историческая геоэкономика.

Конструирование, реконструкция и распознавание географических образов регионов — это ядро концепции географических образов, которая предполагает развитие целенаправленной деятельности по когнитивному оформлению наиболее устойчивых и продуктивных геопространственных представлений общества (обществ). В рамках концепции географических образов можно дать следующее специфическое определение понятию географического образа региона: это достаточно устойчивые, стратифицированные и динамичные геопространственные представления, которые соотносятся с какими-либо политико-, историко- или культурно-географически выделенными территориями. Наличие географического образа фактически "маркирует" регион, его отсутствие или слабая выраженность "сигнализирует" о слабой "проработанности" региона или его неустойчивости. Развитие регионального самосознания есть, очевидно, необходимое условие создания эффективного географического образа региона; однако оно не является достаточным из-за важности внешних геопространственных представлений для формирования самого образа. По сути дела, продуктивный и устойчивый географический образ региона может сформироваться в результате взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов, в условиях постоянного роста регионального самосознания, которое активно воспринимает внешние импульсы, реагирует на инородные ему геопространственные представления о регионе и своевременно модифицирует или переструктурирует собственные представления. Географический образ региона в этом случае может вполне адекватно восприниматься как наиболее объективные и сбалансированные представления о регионе.

Географические образы регионов должны занимать в политической культуре общества особую, специально культивируемую область, так или иначе связанную с геополитическими представлениями определенного общества. Речь идет о внутренней геополитике, которая как раз и продуцирует в весьма сильной степени политически заряженные пространственные образы (данная трактовка геополитики вообще принадлежит В. Л. Цымбурскому) отдельных территорий государства или территорий, когда-либо входивших в определенный культурно-географический ареал. С этой точки зрения, наличие разработанной и глубоко дифференцированной системы географических образов регионов является, безусловно, индикатором высокого уровня развития политической культуры общества. Если рассматривать политическую культуру общества как систему устойчивых представлений о механизмах формирования политий в конкретных исторических условиях (например, в масштабе исторической эпохи), то географические образы регионов могут представлять собой наглядные результаты наращивания подобных представлений на микро- и мезоуровнях.

Иными словами, политическая культура общества в определенную историческую эпоху может быть понята как некий синтез географических образов регионов, воспринятых через геополитические "очки", в геополитическом ракурсе.

Динамика географических образов регионов, в известной степени, "завязана" на динамику политической культуры общества. Географический образ конкретного региона органически включает в себя и элементы региональной политической культуры, которая эволюционирует, "дрейфует" вместе с самим образом. Географический образ региона можно рассматривать в связи с этим как факт и достижение региональной политической культуры, но одновременно этот же образ является элементом всей политической культуры общества, в рамках которой региональная политическая культура может быть воспринята как своего рода "подстилка", "политическая плазма", фон самого, ушедшего "наверх" образа. В свою очередь, политическая культура может менять в ходе своего развития координаты и место в ней определенных географических образов регионов, как бы тасуя их в зависимости от общеполитической ситуации данного общества. Одни образы могут "выплывать на поверхность", другие, наоборот, "тонуть". Однако динамика политической культуры общества влияет не только на конкретную конфигурацию, "размещение" географических образов регионов. В ходе ее развития, очевидно, меняются и основные характеристики самого политического и геополитического пространства, в котором она функционирует; изменяется как бы химический состав среды, которая воссоздается посредством географических образов регионов. Следовательно, могут "размываться" понятия определенных регионов, "коагулироваться" сгустки новых устойчивых географических образов регионов, что будет означать, по-видимому, переход самой политической культуры общества на новый этап развития.

Актуализация проблемы конструирования и адекватного политического использования географических образов регионов связана с трансформацией структуры и, возможно, образа политической культуры общества. Географические образы регионов могут эффективно использоваться в политической культуре общества, которое организовано как бы по фасеточному принципу: каждый его элемент зафиксирован в определенной "ячейке" геопространства, а его свойства воспринимаются или анализируются непосредственно через его пространственную локализацию. Говоря по-другому, пространственно "укорененное" общество формирует такую политическую культуру, которая воспринимает сама себя посредством географических образов регионов. Образ политической культуры общества неизбежно, на наш взгляд, должен трансформироваться в сторону "опространствления" (как ни коряво это бы не звучало), спатиализации. Сам "обзор" и возможности подобной, спатиализированной политической культуры общества с точки зрения стабилизации, устойчивого развития общества и его способности к саморазвитию должны, по нашему мнению, очень сильно расширяться.

<...>

Федерализм и структурирование географических образов регионов

Попытка широкого внедрения федералистских представлений и установок в российские политические практики в 1990-х годах показала, на наш взгляд, некоторое несоответствие между изначальными представлениями федерализма о территории (регионе) и теми географическими образами регионов, которые были уже наработаны веками российской культуры и государственности. Своего рода "чешуйчатое" приращение территории Российского государства (термин С. В. Лурье) привел как бы к "мелкотипажности", "мелкотравчатости" современных российских регионов-субъектов Российской Федерации. Популярны ныне проекты укрупнения субъектов Федерации (с 89 до 10—12) на базе, например, межрегиональных экономических ассоциаций типа "Сибирского соглашения" вполне в духе времени, хотя зиждятся, скорее, на чисто регионально-управленческих основаниях. Речь идет не о физических размерах тех или иных регионов России, но, скорее, о "крупности", масштабности их географических образов, соразмерности задачам, ставящимся в классическом федерализме. Отсюда, возможно, своеобразное обезличение отдельных регионов, представление их единой безликой массой, противостоящей в экономическом и политическом отношении Центру, нарабатывание зловещей метафоры "регионы", за которой теряется само образно-географическое пространство России. Поэтому, как нам представляется, успехи федералистского "дела" в России не в последнюю очередь могут быть связаны именно с целенаправленным конструированием или структурированием нескольких достаточно крупных целостных географических образов ее регионов, которые необязательно, по крайней мере, на первых порах, должны менять свои границы как субъекты федерации. В этой связи федерализм можно

определить как геоидеологию крупных или масштабных пространств, стремящихся к своей самоорганизации или самоструктурированию; географические образы регионов в данном случае есть лишь инструмент федералистского «пространствоустройства».

<...>

3.5. Образовательные ресурсы к модулю «География ментальных моделей»

- Бродель Фернан. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М.А. Юсима. - М.: Языки славянской культуры, 2002. - 496 с.
- Бродель Фернан. Что такое Франция? Кн. первая: Пространство и история / Перевод Зенкин С.Н., Мильчина В.А. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. - 406 с.
- Бусыгина И.М.. Регионы Германии. - М.: РОССПЭН, 1999.
- Вернадский Г. В. История России. - Тверь: ЛЕАН, М.: Аграф, 1996-1997.
- Всероссийский центр изучения общественного мнения (<http://www.wciom.ru>)
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. - М.: Раритет, 1997.
- Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В. А. Колосова. - М.: Арт-курьер, 2000.
- Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. - М., 1990.
- Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность / В кн. Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. - М.: Прометей, 1997.
- Замятин Д.Н. Арт и российская северо-восточная Азия: Проблемы формирования географических образов трансграничных регионов в XXI веке // Свободная мысль - XXI. - 2003. - N 2.
- Замятин Д.Н. Власть пространства // Вопросы философии. - 2001. - № 9.
- Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы и геополитика // Независимая газета. 10.06.2001. № 104 (2414).
- Замятин Д.Н. Географические образы. - М.: Б.и., 2000. - 166 с.; См. также интернет-публикацию книги (<http://www.auditorium.ru/books/332/>)
- Замятин Д.Н. Географические образы: что это такое? // Вестник МГУ. Серия 5. География. - 2002. - № 4.
- Замятин Д.Н. Географические образы в гуманитарных науках // Человек. - 2000. - № 5.
- Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. - 2001. - № 1.
- Замятин Д.Н. Географические образы регионов и политическая культура общества // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. - М.: МОНФ, 1999. - С. 116—125.
- Замятин Д.Н. Геокультура: образ и его интерпретация (<http://www.archipelag.ru/text/215.htm>)
- Замятин Д.Н. Геополитика в XX веке // Политические исследования. - 2001. - № 6.
- Замятин Д.Н. Геополитические образы современного мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. - 2001. - № 11.
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. - СПб.: Алетейя, 2003. - 331 с.
- Замятин Д.Н. Динамика геополитических образов современной России // Человек. - 2002. - № 6.
- Замятин Д.Н. Историко-географические аспекты региональной политики и государственного управления в России // Регионоведение. - 1999. - № 1.
- Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. - М.: Аграф, 2004.

- Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. - Смоленск: «Ойкумена», 1999.
- Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. - 1998. - № 2, 3.
- Замятин Д.Н. Многоликость современного мира / В кн. Мегатренды мирового развития. - М.: Экономика, 2001.
- Замятин Д.Н. Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность, 2000, № 1.
- Замятин Д.Н. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов // Политические исследования.- 2000. - №1. - С.78-81.
- Замятин Д.Н. Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления / В кн. Человек в зеркале географии. - Смоленск, 1996.
- Замятин Д.Н. Политико-географические образы и геополитические картины мира (Представление географических знаний в моделях политического мышления) // Политические исследования. - 1998. - № 6.
- Замятин Д.Н. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Полис. – С. 80-91.
- Замятин Д.Н. Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. – 2002. - № 1.
- Замятин Д.Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Отечественные записки. – 2002. - № 6.
- Замятин Д.Н. Стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Вестник исторической географии. - 2001. - № 2.
- Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. - 2001. - № 8.
- Замятин Д.Н. Формирование географических образов трансграничных территорий в Азиатско-Тихоокеанском регионе (<http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/5/5.html>)
- Замятин Д.Н. Что можно прочесть по ментальным картам? // География. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». №33, - 1999.
- Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Образы регионов России в Internet (http://schools.keldysh.ru/sch1204/geo/sem_ob.htm)
- Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Пространство российского федерализма // Политические исследования. - 2000. - № 5.
- Замятина Н.Ю. Когнитивно-географическое изучение региональных политических процессов / В кн. Образы власти в политической культуре России. - М., 2000.
- Замятина Н.Ю. Когнитивно-географическое положение региона как фактор регионального развития: методологические аспекты // Новые факторы регионального развития. - М., 1999. С. 86-97.
- Замятина Н.Ю. Образ региона как «память» об историко-географическом контексте его возникновения (на примере крупных регионов США) // Вестник исторической географии. - М., 2001. - № 2.
- Замятина Н.Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. - 1998. - № 6.
- Замятина Н.Ю. Структура представлений о пространстве в разных странах: постановка проблемы (<http://spkurdyumov.narod.ru/NikZamiyatin.htm>)
- Звоновский В.Б. Российская провинция: массовое сознание и социальные институты // ОНС. - 2003. - № 1.
- Зимин А. И. Европоцентризм и русское культурно-историческое самосознание. - М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2000.
- Зорин Ю. В. Создание географического образа территории / География. – 2000. – № 25.

- Ильин М.В. Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. - 1995. - № 1.
- Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1997.
- Империя пространства. Геополитика и геокультура России. Хрестоматия / Авт.-сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. - М.: РОСПЭН, 2003.
- Иное: антология современного российского самосознания. - М., 1995.
- Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. - М.: НЛЮ, серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный запас», 2001. - 576 с.
- Каганский В. Л. Россия и Миф России // Неприкосновенный запас. 1999. № 3.
- Каганский ВЛ. Приключения семиотического тела карты Родины // Новое литературное обозрение. 2001. № 39.
- Каганский В.Л. Идеологемы российского несоветского пространства // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. II. М, 1995.
- Каганский В. Евразийские регионы и евразийские образы регионов (<http://www.archipelag.ru/text/492.htm>)
- Каганский В.Л. Современное российское пространство: попытка диагноза (www.inme.ru)
- Кантор В.К. Феномен «русского европейца» // Человек. - 1999. - № 4.
- «Карты разума, ума, памяти и мышления» (<http://www.mindmap.ru/index.htm>)
- Коваленко И.М. Ментальные карты административного устройства Украины и Крыма (по пространственным знаниям жителей г. Симферополя). (<http://msjeserge.narod.ru/leto/kovalenko/map.htm>)
- Колосов В.А. «Низкая» и «высокая» геополитика (<http://bd.fom.ru/report/cat/societas/nation/oz02061904>)
- Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М.: ИФ РАН, 1997.
- Королев С. Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // Дружба народов. 1997. № 12.
- Королев С. А. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. - 2002. - № 2 (35).
- Костинский Г.Д. Географическая матрица пространственности // Известия РАН. Серия географическая. - 1997. - № 5.
- Крутько В.Н. Семантические модели и проблема представления географической информации // Вопросы географии. Сб. 127. М.: Мысль, 1986.
- Крылов М.П. Понятие «регион» в культурном и историческом пространстве России // География и региональная политика. - Ч. I. - Смоленск, СПб., М., 1997.
- Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Аспект Пресс, 1996.
- Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 224 с.
- Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII - начала XX вв. (геокультурный аспект) / Под ред. Ю.А. Веденина. - М., 1998.
- Лавренова О.А. Географическое пространство в произведениях американских писателей // Вестник МГУ. Сер. 5. География. - 1993. - № 3.
- Лебедев Г.С. «Скандовизантия» и «Славотюркика» как культурно-географические факторы становления Руси // Русская литература. - 1995. № 3.
- Линч К. Образ города. - М., 1982.
- Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства (www.empires.ru).

- Мельникова Е.А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V-XIV века. - М., 1998.
- Менасе Р. Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании. Пер. с нем. - СПб.: «Петербург - XXI век», «Симпозиум», 1999.
- Методика страноведческих исследований. Экономическая и социальная география / Под ред. Н.С. Мироненко. - М., 1993.
- Миллер А.И. Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности (www.empires.ru).
- Миллер А. И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России. - Новое литературное обозрение. - 2001. - № 54.
- Миллер А.И. Центральная Европа, Восточная Европа: понятия, дефиниции, «ментальные карты» // Новое литературное обозрение. – 2001 (6). - № 52.
- Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994-1997. М, 1997.
- Найссер У. Познание и реальность. - М., 1981.
- Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. - 1997. - № 2.
- Неклесса А.И. Ordo quardo – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира // Полис. – 2000. - № 6.
- Новиков А.В. Культурная география как интерпретация территории // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13. Проблемы общественной географии. - М., 1993.
- Новые факторы регионального развития. - М., 1999.
- Образ России (Россия и русские в восприятии Запада и Востока). - СПб., 1998.
- Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. - М., 2000.
- Орешкин Д.Б. География электоральной культуры и цельность России // Полис. - 2001. - № 1.
- «Открытая Россия», раздел «Образы России» (<http://www.ru-open.ru/poll.html>)
- Пацион М. Информативность и морфология когнитивных («ментальных») карт // Картография. Вып. 1 Зарубежные концепции и направления исследований. Сборник переводных статей. – М.: Прогресс, 1983.
- Пермская земля: где она? Ментальные карты в работе пермских учителей. // География. Ежедневное приложение к газете «Первое сентября». № 33. - 1999.
- Петров Н.В., Титков А.С. Образы регионов в общественном сознании: мифы и стереотипы. – Политический альманах России 1997. Т.1: Выборы и политическое развитие. - М., 1998.
- Петровская Е.В. Часть света. - М., 1995.
- Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. - М.: МОНФ, 1999. Серия «Научные доклады», вып. № 90.
- Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX - начало XX в.) (http://zaimka.ru/08_2002/remnev_border/)
- Ремнев А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // AbImperio. - 2000. - № 3–4.
- Ремнев А.В. Символическое присоединение Сибири и Дальнего Востока (<http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=461>)
- Российское городское пространство: попытка осмысления. Сборник статей. - М.: Московский общественный научный фонд, 2000.
- Савицкий П. Н. Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
- Страда Витторио. Хронотоп России // Новая Юность. - 1997. - № 5, 6.
- Сухова Н.Г. Карл Риттер и географическая наука в России. - Л., 1990.
- Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Полис. – 1999. - № 3.

- Фонда «Общественное мнение», раздел «База данных / Каталог» (<http://bd.fom.ru>)
- Фуше М. Европейская республика. Исторические и географические контуры. Пер. с фр. В.П. Серебренникова и Т.Н. Серебренниковой. - М.: Международные отношения, 1999.
- Хрестоматия по географии России. Образ страны: Пространства России / Авт.-сост. Д.Н. Замятин, А.Н. Замятин; Под общ. ред. Д.Н. Замятина. М., 1994.
- Цымбурский В. Л. «От великого острова Русии...» (К прасимволу российской цивилизации) // Политические исследования. - 1997. - № 6.
- Цымбурский В. Л. Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Политические исследования. - 1993. - № 5.
- Цымбурский В.Л. Россия - Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. - М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Чернышов А. Г. Политическое самоопределение регионов: типы и тенденции // Политические исследования. - 1998. - № 2.
- Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. – 2001 (6). - № 52.
- Шупер В.А. Мир виртуальных объектов в географии // Географическое пространство: соотношение знания и незнания. - М.: Изд-во РОУ, 1993.

МОДУЛЬ 4. «ГЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННЫХ АНТРОПОТОКОВ» (18 ЧАСОВ)

«Дискуссия об антропотоках дает возможность отнестись к народам Российской Федерации не как к абстрактному до пренебрежительности «населению» или не менее абстрактному «электорату», а как к сложно организованной совокупности антропологических единиц. При условии, что эта сложноорганизованная совокупность должна исследоваться не столько с помощью количественных, сколько с помощью качественных методов, сформировавшихся в социальных и гуманитарных науках, само возникновение данной дискуссии может открыть возможность антропологического поворота в современной политике».

Андрей Ашкеров

«География современных антропотоков» - это четвертый, итоговый модуль в элективном курсе «География человеческих перспектив». Он знакомит учеников с новым понятием региональной аналитики – понятием «антропоток».

Конечно же, ученикам более знакомо понятие «миграция», однако в современном мире это понятие уже не может объяснить целый ряд современных типов человеческой динамики, влияющих на ситуацию в регионах. По существу, данный модуль подводит итог всему курсу «География человеческих перспектив», закрепляя освоение принципов гуманитарно-аналитической картографии.

Необходимо отметить, что понятие «антропоток» - это становящееся понятие, находящееся в стадии разработки. Исследования антропотоков и управлении антропотоками был в 2002 году группой экспертов по заказу Полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе в связи с разработкой современной федеральной миграционной политики.

**4.1. Общая структура образовательного модуля
«География современных антропопоков»**

Блок понятийной работы:

1. Понятие «человеческая динамика», или «антропопоков»
2. Понятие «региональный антропопоков»
3. Понятие социокультурного освоения
4. Понятие «человеческий потенциал региона»
5. Понятие «управление антропопоками»
6. Понятие «политика развития человеческого потенциала»

Блок выделения объектов анализа:

1. Миграционный антропопоков
2. Демографический (поколенческий) антропопоков
3. Социальный антропопоков
4. Функционально-деятельностный (профессиональный) антропопоков
5. Идентификационный антропопоков

Блок моделирования карт:

1. Карты российских антропопоков
2. Карты региональных антропопоков
3. Карты антропопоков-2020 (возможные сценарии развития ситуации («белый», «серый», «черный»))

Образовательная форма	Игровая форма	Тема	Количество часов
Понятийный этап «Человеческая динамика как современная характеристика региона» - 6 часов			
Установочная лекция	Проблемный доклад	«Россия и мир перед лицом антропопоков, или новые вызовы со стороны человеческой динамики»	1 час 15 мин
Формирование рабочих групп	Создание отделов Комиссии по региональному развитию	«Типы современной человеческой динамики»	45 мин
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Причины (источники) человеческой динамики в современном мире: выдвижение версий»	1 час 30 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию	«Антропопоков как системное понятие»	2 часа
Подведение итогов работы за день			30 мин
Аналитический этап «Региональная ситуация на карте антропопоков России» - 6 часов			
Тематические лекции	Аналитические сообщения	«Представление о регионе через призму человеческой динамики».	1 час 30 мин

		«Антропоток и история освоения региона»	
Работа тематических групп	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию	«Выделение тенденций и векторов регионального антропотока»	2 часа 15 мин
Выступления групп. Общая дискуссия	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию	«Карта региональных антропотоков. Антропоток как показатель включенности региона в страновые процессы»	1 час 45 мин
Подведение итогов работы за день			30 мин
Сценарный этап «Управление антропотокими и возможные сценарии развития региона» - 6 часов			
Тематические лекции	Экспертные сообщения	«История управления антропотокими: США, Европа, страны Востока, Россия»	1 час 30 мин
Групповая работа	Заседания отделов Комиссии по региональному развитию	«Региональный антропоток-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»	2 часа
Выступления групп. Общая дискуссия	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию	«Управление антропотокими и возможные сценарии развития региона»	2 часа
Итоговое обсуждение результатов работы в модуле			30 мин
Рефлексивный этап			
Домашнее задание по модулю в целом	Географическое эссе		

4.2. Вариант образовательной программы модуля «География современных антропотоков»

«В рассмотрении миграции как перемещения, являющегося историческим событием, становится очевидной феноменологическая ограниченность и недостаточность миграции как исходного понятия. Ведь не только в известном нам историческом прошлом, но и в современности перемещение людей имеет столь латентный характер, а сроки и географические рамки этого перемещения оказываются столь неявными и, так сказать, «размазанными», что сознание не может или не успевает фиксировать эти перемещения как события.»

«Антропоток — это не категория, синтезирующая или нейтрализующая понятия миграции и диффузии, а та позиция, с точки зрения которой миграция и диффузия могут наблюдаться и рассматриваться другим, нетривиальным образом, позиция, с точки зрения которой будет возможно переосмысление и таких фундаментальных исторических и антропологических понятий как «население», «этнос», «культура» и так далее».

**Александр Пятигорский,
современный русский философ, востоковед**

**День первый
«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»**

10.00 – 11.15	Проблемный доклад «Россия и мир перед лицом антропоток, или новые вызовы со стороны человеческой динамики»
11.15 – 12.00	Создание отделов Комиссии по региональному развитию «Типы современной человеческой динамики»
12.00 – 13.30	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Причины (источники) человеческой динамики: выдвижение версий»
13.30 – 14.00	Обед
14.00 – 16.00	Теоретический семинар Комиссии по региональному развитию «Антропоток как системное понятие»
16.00 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

**День второй
«РЕГИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ НА КАРТЕ АНТРОПОТОКОВ РОССИИ»**

10.00 – 11.30	Аналитические сообщения: <ul style="list-style-type: none"> ○ «Представление о регионе через призму человеческой динамики» ○ «Антропоток и история освоения региона»
11.30 – 11.45	Перерыв
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Выделение тенденций и векторов регионального антропотока»
	Возможные ресурсы для работы отделов: <ul style="list-style-type: none"> ▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.) ▪ Интернет (региональные и федеральные сайты) ▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону) ▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
	Обед
	Аналитический семинар Комиссии по региональному развитию «Карты регионального антропотока. Антропоток как показатель включенности региона в страновые процессы»
16.15 – 16.30	Перерыв
16.30 – 17.00	Подведение итогов работы. Домашнее задание.

День третий
«УПРАВЛЕНИЕ АНТРОПОТОКАМИ
И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА»

10.00 – 11.30	Экспертные сообщения «История управления антропотокками: США, Европа, страны Востока, Россия»
11.30 – 11.45	<i>Перерыв</i>
11.45 – 14.00	Рабочие совещания отделов Комиссии по региональному развитию «Региональный антропоток-2020: разработка карт-сценариев («белый», «серый», «черный»)»
	Возможные ресурсы для работы отделов:
	▪ Электронный / CD-архив (аналитические тексты, статистики, пр.)
	▪ Интернет (региональные и федеральные сайты)
	▪ Библиотека (Программа регионального развития, федеральные документы, статистики по России и региону)
	▪ Видеотека (документальное и учебное кино, видеохроники и пр.)
14.00 – 14.30	<i>Обед</i>
14.30 – 16.15	Футурологический семинар Комиссии по региональному развитию «Управление антропотокками и возможные сценарии развития региона»
16.15 – 16.30	<i>Перерыв</i>
16.30 – 17.00	Итоговое обсуждение результатов работы в модуле. Домашнее задание (написание эссе).

4.3. Рекомендации к проектированию образовательного модуля
«География современных антропотокков»

Понятийный этап:
«Человеческая динамика в современном мире»

А) Задача установочной лекции **«Россия и мир перед лицом антропотокков, или новые вызовы со стороны человеческой динамики»** состоит в том, чтобы дать возможность ученикам почувствовать актуальность данного ракурса аналитики для современного мира и России,

Б) Для создания рабочих групп учитель делает сообщение на тему **«Типы современной человеческой динамики»**. В нем он вводит представление о пяти составляющих современного антропотока: миграционной, демографической (или поколенческой), социальной, деятельностной (или профессиональной), идентификационной (или ценностной) и дает их характеристики.

После ответов на вопросы учитель предлагает ученикам объединиться в группы, названия которых соответствуют пяти выделенным составляющим антропотока:

- группа «Миграционный антропоток»
- группа «Демографический (или поколенческий) антропоток»
- группа «Социальный антропоток»
- группа «Профессиональный (или деятельностный) антропоток»
- группа «Идентификационный (или ценностный) антропоток».

Выбор группы может проходить как по индивидуальному желанию ребят, так и по рекомендации учителя.

Учитель может предложить ученикам дополнить список рабочих групп, если появятся ученики, желающие самостоятельно сформулировать тему группы и обосновать ее уместность в данном модуле. Например, кто-то из учеников захочет создать группу «Образовательные миграции» в дополнение к группе «Миграционный антропоток» или группу «Национальная идентичность» в дополнение к группе «Идентификационный антропоток».

В принципе, каждый учитель по своему усмотрению может предложить ограничиться для создания групп только одним или некоторыми из пяти выделенных составляющих антропотока, например, теми, которые с его точки зрения являются наиболее характерными, массовыми или проблемными для региона проживания. В этом случае нужно подумать, каким образом можно

типологизировать представление о выбранной составляющей антропотока и ввести основание для объединения учеников в группы.

Например, если учитель решит взять для групповой работы один миграционный антропоток, то понятийное различие можно произвести: а) по возможным целям миграции (трудовая, этнонациональная, образовательная, рекреационная и пр.); б) по ее направленности относительно региона (входящая, исходящая, циклическая, локальная и пр.) и т.д.

Однако в этом случае для создания полноты представления об антропоток во второй и третий дни модуля необходимо дать задание, направленное на выявление взаимосвязей и взаимовлияний выбранной для групповой работы составляющей антропотока (в данном примере, миграционной) с другими четырьмя его составляющими. Это можно сделать как на уровне группового задания, так и на уровне общего обсуждения.

В) Во время групповой работы ученики размышляют над общей для всех темой «**Причины человеческой динамики: история и современность**», в результате которой каждая группа должна подготовить и предложить на общее обсуждение свою версию ответа на вопрос: «В чем состоят возможные причины возникновения антропотока и что может стать его источником?».

Для помощи в организации работы желательно дать ребятам несколько опорных вопросов, например, таких:

- какие формы организации территории экономического, политического, административного, правового и пр. характера могут увеличить или, наоборот, уменьшить протекающий по ней антропоток?
- какие события из истории и современной жизни могли привести к усилению, а какие – к ослаблению человеческой динамики?

Кроме того, учитель может предложить группам ознакомиться с соответствующими разделами учебного пособия и практикума, а также подобрать другие ориентирующие учеников материалы. Например, очень удачным методическим приемом будет подбор для каждой группы соответствующего перечня исторических ситуаций, которые ученики смогли бы проинтерпретировать. Это могут быть документальные, художественные, научные и прочие материалы на различных носителях.

На этапе групповой работы особенно важной является консультационная роль учителя. Во-первых, необходимо помочь ребятам удержать специфику (тематизм) своей группы, а во-вторых, сориентировать их в том, что из уже освоенного ими материала по истории, географии, экономике, правоведению, литературе и пр. они могли бы привлечь для аргументации.

Г) Во время общего обсуждения «**Антропоток как системное понятие**» группы последовательно высказывают свои версии по поводу возможных причин и источников появления, усиления или ослабления различных составляющих антропотока, поясняют их, демонстрируя примерами из истории и современности.

По ходу обсуждения учитель должен фиксировать на доске все высказываемые версии, а также за счет уточняющих вопросов помогать ученикам доформлять их в том случае, если они не смогли сделать этого в полной мере самостоятельно.

Очень важно следить за тем, чтобы каждая из высказываемых версий была достаточно аргументированной и доказательной. Из сообщений должно быть понятно, какие материалы ученики привлекали в процессе индивидуальной подготовки и групповой работы.

В ходе общего обсуждения у участников должна складываться хотя и вероятностная, но, тем не менее, целостная и обоснованная картина причин и источников антропотока, их изменения в историческом пространстве и времени. Хорошо, если в результате общего обсуждения появится таблица, систематизирующая эти представления по различным основаниям.

Д) Для подведения итогов работы на первом (понятийном) этапе модуля учитель вместе с учащимися может:

- выделить мысли, оказавшиеся с их точки зрения особенно важными для понимания такого явления, как антропоток;
- отметить наиболее оригинальные и продуктивные версии, предложенные учениками в ходе групповой работы и общего обсуждения;
- выделить основания для различения типов, видов, характеристик, параметров и т.д. антропотока;

- оформить таблицу, систематизирующую представления об антропоходе как о сложном, многофакторном явлении;
- сделать обобщающие суждения по теме дня;
- обсудить трудности, возникшие у учеников в процессе работы и то, как можно их преодолеть.

В завершении учитель кратко формулирует задачу следующего этапа работы и дает домашнее задание, которое должно помочь ученикам к нему подготовиться. Это может быть знакомство с соответствующими разделами учебного пособия и практикума, другими материалами и документами; подбор необходимых статистических и фактологических данных; анализ информации в средствах массовой информации; проведение анкетного опроса и организация фокус-групп и пр.

При этом одно или несколько заданий могут быть даны одновременно для всех учащихся, либо распределены между учениками внутри каждой группы.

Аналитический этап: «Региональная ситуация на карте антропоходов России»

Задача второго, аналитического этапа состоит в моделировании представлений о региональном антропоходе, в выделении его характеристик на фоне общестрановых тенденций.

А) Аналитические сообщения **«Представление о регионе через призму человеческой динамики», «Антропоходы и история социокультурного освоения региона»,** а также другие возможные сообщения должны содержать в себе материал, позволяющий ученикам понять принципы аналитики и картографии антропоходов, помочь им в дальнейшей групповой работе.

Б) После ответов на вопросы учитель формулирует общую задачу, которую каждая группа должна выполнять через призму собственной тематики. Задача состоит из нескольких пунктов:

1. Сделать обоснованное предположение о том, какие региональные показатели и параметры можно привлечь для моделирования представления о региональном антропоходе.
2. Предложить средства картографии этих параметров и показателей и нанести их на карту России и региона.
3. Составить аналитическое заключение о состоянии и основных векторах регионального антропохода.

Аналитическими характеристиками для группы «Миграционный антропоход» могут являться количество прибывших и уехавших с территории людей, а также преобладающие причины такой ситуации, в группе «демографического антропохода» - это могут быть возрастная, половая динамика населения, также причины сложившейся ситуации. Ребята, работающие с социальным антропоходом могут анализировать динамику социальных классов, группа профессионального антропохода может работать с изменением профессиональных страт и выявлением причин таких изменений. Пожалуй самым большим спектром аналитических критериев будет обладать группа «идентификационного антропохода» здесь ребята могут анализировать любые идентификационные характеристики (этнос, религия, гражданство, социальный статус), в том числе и вышеперечисленные.

В процессе групповой работы учащимся должны быть доступны различные документальные, статистические, аналитические материалы как федерального, так и регионального уровней. Они могут быть как на текстовых, так и на электронных либо видеоносителях. В качестве основных документов федерального уровня в данном модуле мы предлагаем использовать следующие:

- Правительственная Концепция действий на рынках труда на 2003-2005 годы
- Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года
- Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации
- Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию
- Закон Российской Федерации о гражданстве

Что касается документов регионального и муниципального уровней, то это, прежде всего, региональные и муниципальные программы развития, региональный и муниципальный бюджеты, Генеральный план застройки и пр.

В) На общем обсуждении по теме «**Карты регионального антропотока. Антропоток как показатель включенности региона в страновые процессы**» группы представляют результаты своей работы по всем обозначенным выше пунктам, демонстрируют и комментируют разработанные ими карты. Группы сравнивают и сопоставляют получившиеся карты, высказывают предположения относительно взаимодействия различных составляющих регионального антропотока и их влияния на формирование региональной ситуации.

На этом этапе очень важно, чтобы учитель помог ученикам развернуть дискуссию, задавал уточняющие вопросы, предлагал ребятам и делал сам суждения по докладам групп.

Важным результатом общей дискуссии должно стать развернутое с помощью средств картографии представление о региональном антропотоке и его основных векторных характеристиках.

Г) Подведение итогов по форме представляет собой круглый стол, на котором представители групп делают итоговые фиксации по результатам работы, высказываются относительно специфики регионального антропотока на фоне общероссийской ситуации.

Сценарный этап:

«Управление антропотоками и возможные сценарии развития региона»

Третий, сценарный этап, является заключительным не только в данном модуле, но и в курсе в целом.

современный человек попадает в ситуацию многих выборов и антропопопки, понимание их природы - это дополнительные возможности для человеческого самоопределения.

А) В экспертном докладе учитель должен обозначить важность регулирования антропопопок, поскольку это не только российский процесс, а общемировой и Россия как самая большая по площади страна втянута в мировые антропопопки.

При подготовке доклада можно еще раз обратиться к разработчикам понятия и доклада «Государство. Антропопок» С. Градиловскому и Б. Межуеву. Последняя часть доклада посвящена политике государства по управлению антропопоками (сайт Российское Экспертное Обозрение <http://www.rusrev.org>). Авторы выделяют 8 принципов, на которых должна строиться политика по управлению антропопоками:

1. Поощрение подвижности населения — территориальной, образовательной, квалификационной, социальной
2. Реабилитация СК-ядра, публичное обсуждение его параметров
3. Реабилитация и «настройка» исторического института СК-переработки
4. Составление комплементарной карты мира как предмет геокультурного картографирования
5. Активное формирование хоритики — создание мира, «облучаемого» российской культурой
6. Новая институционализация политики пространственного развития
7. Синхронизация политик, схватывающих различные аспекты антропопоки
8. Институционализация принципа субсидиарности

Б) В групповом режиме ученики выполняют два вида работ:

1. На основе анализа федеральных документов, документов регионального развития, материалов СМИ и пр., разрабатывают и оформляют в виде карт сценарии регионального антропопоки к 2020 году («белый», «серый» и «черный»).
2. Формулируют необходимые принципы региональной политики в области управления региональным антропопоком и развития человеческого потенциала региона.

В) Футурологический семинар «**Возможные сценарии управления региональным антропопоком и перспективы конкурентоспособности региона**» проходит в форме своеобразной «презентации будущего». Необходимо, чтобы «слушающие группы» попробовали войти в экспертную позицию и отнеслись к выступлениям своих товарищей.

Г) Организация итогового обсуждения в модуле представляет собой предложения к документам регионального развития в области социальной политики и управления региональным антропопоком. В ходе обсуждения старшеклассники должны высказаться относительно перспективы

собственной стратегии мобильности в соответствии с их профессиональным выбором и жизненными целями.

4.4. Материалы к проблемному докладу модуля «География современных антропополюсов»

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ВЫБОР РОССИИ Государство и Антропополюс: изложение политической позиции

Сергей Градировский, Борис Межуев

(Опубликовано на сайте «Русский архипелаг» (www.archipelag.ru))

Существует популярная точка зрения, что Российская Федерация в состоянии закрыться от массовой иммиграции и дело лишь в приложении политической воли. Осталось только решить: необходимы ли России чужаки, и в каких объемах, и после этого ужесточить миграционное законодательство (что по сути уже произошло в ноябре 2002 г., наряду с передачей миграционного ведомства в ведение Министерства внутренних дел).

Однако закономерно возникают два вопроса:

- 1) Каким образом можно исчислить потребность России в "человеческих заимствованиях"?
- 2) И если принять точку зрения, что России иммигранты не нужны: каким образом от них действительно можно закрыться?

Ответы на первый вопрос принято давать из геополитической, геоэкономической и политико-избирательной позиций.

Геополитический подход предполагает мышление территориями, границами, их протяженностью и типом, численным составом населения. Все это обычно, хотя, разумеется, и не всегда, рассматривается сквозь призму противостояния Суши и Моря. Трудно оспаривать геополитическую уязвимость России на фоне многомиллионного Китая, удаленности Дальнего Востока, исхода русского населения из районов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, понижения уровня широтной связности Федерации, уязвимости границ со стороны "подбрюшья" (перед центрально-азиатскими человеческими массивами и политическим исламом). Но геополитический подход предполагает также заселение (посредством чего и достигается укрепление) уязвимых территорий. Желательно это делать с помощью своего народа или хотя бы культурно-комплементарного по отношению к нему и, соответственно, культурно-чуждого по отношению к геополитическому противнику населения (пример тому — удачная политика Екатерины II по заселению вновь приобретенных земель немцами-меннонитами). Сегодня готовности руководства России проводить такую политику, так же как и оснащенные соразмерными такой задаче ресурсами, мы не наблюдаем. Поэтому куда большей популярностью у отечественной элиты пользуется распространенный на Западе геоэкономический подход к оценке ситуации.

Геоэкономический подход предполагает решение вопроса, какого качества, объема и подвижности человеческий капитал необходим производственному комплексу страны как части мировой производственной системы. Если элиты обладают культурой стратегирования, то в первую очередь такой запрос формируется со стороны инновационной национальной системы, а уже во вторую — рассматриваются потребности унаследованного от Советов индустриального комплекса, а также сферы услуг, ремонтно-строительного и сельского хозяйств. Сюда же нужно отнести проблему воспроизводства, привлечения, пестования и утечки "умов".

У сторонников геоэкономического подхода единого мнения и тем более четко сформулированного заказа к иммиграционным службам страны — нет. Зато общеизвестно, что число населения для развития *экономики трубы* — в чем успехи, безусловно, налицо — в настоящее время в России чрезмерно. Для продовольственной безопасности остающегося населения достаточно будет развития высокопроизводительных комплексов в благоприятной для сельского хозяйства южных регионах — это тоже согласуется с трендом сокращения населения России. Сфера услуг никогда не была развита в России и, судя по всему, развиваться умопомрачительными темпами также не будет, что опять же не потребует много человеческих ресурсов. С утверждением, что страна вступила в постиндустриальную фазу и индустриальная проектность в России окончательно свернута — так или

иначе согласны многие. Остается призрачная *когнитивная фаза* (в терминологии Сергея Переслегина), слабо уловимым компонентом которой является национальная инновационная система. Однако что потребует последняя от демографической национальной системы — никто не ведает. Запросы субъектов Федерации в отношении трудовых заимствований из-за рубежа, которые ежегодно сообщаются Минтруда РФ, представляют собой на настоящий момент фикцию — как в силу утраты региональными управленцами навыков планирования, так и по причине сложности такового без рамочного странового планирования (следует добавить к этому еще и незнание того, какая доля трудовых потребностей закрывается внутренней миграцией, а какая внешней, а также отсутствие четкого представления о доле нелегального труда и степени зависимости ряда бизнесов, особенно мелкого и среднего, от дешевого нелегального труда).

Таким образом, геоэкономический подход у большинства его адептов так и не стал деятельностным, оставаясь чисто умозрительным. Следовательно, как и геополитический, к реальному политическому управлению страной не имеющим никакого отношения.

Еще реже — но именно эта позиция может казаться самой влиятельной при принятии политических решений — используется подход, который можно назвать политико-избирательным прагматизмом. Его кредо до безобразия банально: человек оценивает ситуацию в стране кругозором своего подъезда, двора, улицы. Если он, выводя своих *дорогих и единственных* (в буквальном смысле слова) чад на детскую площадку, встречает все те же белые (на которых так хорошо видны синяки и ссадины) лица — у него на сердце спокойно и светло. Обыватель знает, что ничего страшного в стране не происходит. Все как раньше. А значит... предсказуемо голосует (т.е. "безальтернативно"). Если же обыватель видит "желтые" или "подозрительно загорелые" лица, раскосые или углеподобные глаза и их с каждым днем все больше, и вот уже дети чужаков лупцуют твоих детей, значит, в стране творится что-то неладное. И избиратель начинает поиск тех политиков, которые смогут защитить его от "черных" (см. европейские избирательные скандалы последнего десятилетия). Что в этой ситуации советует прагматичный политтехнолог, задача которого — обеспечение победы в конкретной выборной ситуации конкретного персонажа? Ответ ясен.

Но есть еще одна позиция, которая не может быть обойдена вниманием. Ее пафос консервативный, охранительный. Сторонники этой позиции утверждают, что нам на время просто необходимо закрыться, ровно на столько, чтобы сформировать, переупаковать и укрепить национальное социокультурное ядро. Что на это можно сказать? — данная позиция достойна внимания и обсуждения. Если бы не два "но". Во-первых, всякое ядро формируется в ситуации столкновения с чужими идентичностями. Напор не должен быть шквальным, разрушительным, но затхлая атмосфера культурного и идентификационного протекционизма не приведет к результатам, чаемым сторонниками консервативного подхода. Во-вторых, нужно не заблуждаться относительно человеческой психологии: закрывшись и оказавшись в атмосфере безопасности и комфорта — никто ничего делать не будет и время для развития страны (и в том числе для сохранения ее идентичности) будет навсегда потеряно.

О возможностях России

Таким образом, мы наблюдаем пока еще не солидарное, но уже угадываемое желание закрыться (кстати, не единожды повторяемый в истории России ход, как правило, вызванный причинами, связанными с личными или сословными /вариант — классовыми/ проблемами элит, а не потребностями страны и населяющих ее сообществ).

Перейдем ко второму вопросу: если закрываться, то каким образом?!

В наследство от Советского Союза нам достались фактически только две сухопутные границы — с Китаем-Монголией-Северной Кореей и с Финляндией-Норвегией. Все остальные кордоны располагаются на новых, не обустроенных бывших + административных, и, по существу номинально-формальных границах некогда единого государства. Превратить их в "полноценную" государственную границу, наполнить служивыми людьми, переломить психологию приграничного населения, явно не желающего видеть в соседней деревне (где разбросаны твои собственные огороды или проживают твои нелюбимые, но такие необходимые родственники) чужую территорию — за короткий, политически определенный срок — невероятно.

Поэтому закрыть доступ в страну людей по границе невозможно. Даже если было бы возможно по-советски обустроить государственную границу, снять фактор "давления" и "капиллярного просачивания" (Петр Щедровицкий), фактор общемировой и при господстве демократических институтов мало управляемый, явно невозможно.

Если не с помощью пограничного, тогда, быть может, внутреннего режима? То есть посредством введения разного рода регистраций, издевательских и противоречивых нормативов, обеспечиваемых узаконенной выдачей прав на все что угодно. Практика и нашей страны, и других стран свидетельствует, что эффективное вытеснение чужаков из страны невозможно без формирования негативного отношения к ним — от холодной брезгливости к сидящим в уличной пыли таджикам, равнодушия к томящимся у окошка регистрации русским с Украины до ничем не скрываемой ксенофобии к китайцам, азербайджанцам, арабам. Заметим на полях, надеяться на то что, создав жесткий и закрытый режим в отношении внешних потоков, мы сможем стимулировать внутреннюю миграцию (через ее либерализацию, а не воскрешение института вынужденных и репрессивных переселений) было бы крайне наивно.

Вполне предсказуемые последствия такого выбора:

- повышение ставок при массовых поборах, особенно учитывая тот факт, что права контроля и выдачи разрешений перешли к органу, за которым закрепилась устойчивая слава самого коррумпированного — МВД. Мы можем быть уверены, что поборы будут касаться всех лиц — и миллионов нелегалов, и работодателей, заинтересованных (часто кровно нуждающихся) в дешевом нелегальном труде, и людей, готовых бороться за российское гражданство и старающихся соблюдать все предписанные процедуры (тем дороже — как шутят скептики — это им обойдется);

- сокращение доли легальной и, соответственно, повышение доли нелегальной миграции; ведь давления геокультурной периферии избежать никому не удавалось;

- ухудшение качества иммиграционного антропотока: приличные, честные, образованные иностранцы не захотят терпеть "системного" унижения и предпочтут для эмиграции другие страны, и только те, кому податься более некуда, а на родине совсем невыносимо, — будут готовы терпеть и поборы, и унижения в недружелюбной России, выбирая из двух зол наименьшее;

- возрастание в стране ксенофобии: наши люди очень чутки к тому, что поощряет власть (вспомним массовое поругание Церквей и Святынь в годы воинствующего атеизма);

- ухудшение имиджа страны и что особенно больно — в глазах русских за рубежом и близких нам народов.

О выборе России

Что в связи с вышесказанным мы предлагаем? — **Геокультурную парадигму**, которая прочитывается и инсталлируется одновременно с введением пакета новых и старых переопределенных понятий — антропотока (базового и сущностного антропотока), идентичностей (базового набора идентичностей), социокультурной переработки, социокультурного-ядра, хоритики, геокультурного шлейфа и др.

Мы имеем несколько базовых определений феномена "геокультуры". Напомним, что термин этот был введен в оборот политической науки американским социологом Иммануилом Валлерстайном, который использовал понятие геокультуры в качестве синонима культурного давления индустриального Центра капиталистической мир-системы на ее аграрную периферию — в частности, давления, обеспечивавшего легитимность мирового глобального порядка посредством внедрения в глобальном масштабе модернизационной установки на национальное развитие. Геокультура в понимании Валлерстайна и его последователей может быть таким образом интерпретирована как сохраняющееся культурное влияние бывших метрополий колониальных систем на их экс-колонии.

Понятие "геокультуры" активно используется в настоящее время и некоторыми отечественными экспертами — причем, как правило, в трактовке, совершенно отличной от той, которую предложил Валлерстайн. Так, например, с точки зрения Ефима Островского, геокультурный подход представляет собой альтернативу подходу геополитическому. Согласно последнему, нация определена в первую очередь географическим фактором, т.е. единой территорией, оформленной пространственными рубежами. "Геокультурный взгляд", разделяемый самим Островским, предполагает, что современные нации представляют собой сообщества людей, объединенные культурой и языком, а не общей территорией.

Вадим Цымбурский предлагает трактовать геокультуру как способ "политического проектирования и политического оперирования, основанного на мобилизации тех или иных культурных признаков, позволяющих субъекту по-разному выделять в мире "свое" и "чужое".

Наконец, Дмитрий Замятин интерпретирует геокультуру как форму репрезентации политических реалий посредством "пространственных образов". Современная геокультура, согласно

Замятину, "представляет собой серии культурно-географических образов, интерпретирующих локальные пространства".

Поэтому, используя данный термин, еще не вполне устоявшийся в отечественной науке, мы учитываем все его коннотации. Для нас существенны следующие смысловые компоненты геокультуры:

- Геокультура обозначает сохраняющуюся социокультурную связь бывших колониальных метрополий с территориями, находившимися ранее в их владении.
- Геокультурная общность, как правило (хотя и не исключительно), основывается на сохранении языка метрополии в их бывших владениях (доминионах, колониях и т.д.) в качестве официального государственного (второго государственного), языка образования или языка культурной и/или деловой элиты.
- Геокультурные связи, "сшивающие" индустриальный (а в настоящее время — эволюционирующий в постиндустриальный) мир с так наз. "третьим миром", являются важным фактором в политике натурализации "развитых стран", одним из критерием, позволяющим им различать во внешнем мире "своих", "почти-что-своих" и "чужих".
- Наконец, геокультура оказывается одной из форм "культурной репрезентации пространства", в чем-то дополняющей так наз. "цивилизационный" (Тойнби-Хантингтон) подход, а в чем-то представляющей ему альтернативу.

До того как изложить развернуто нашу позицию в отношении геокультурного будущего России, попытаемся объяснить, какие обстоятельства обуславливают актуальность на сегодняшний момент геокультурного выбора России.

Впервые за всю истории нашей страны, российская деревня (и в первую очередь русская деревня) перестала демографически воспроизводить даже саму себя. Это означает, что без внешнего притока людей, т.е. миграции, жизнь, не говоря уже о конкурентоспособном хозяйстве, на данной территории просто невысказима. Причем в первую очередь это касается Центрального района РФ. Весь прирост, который демонстрирует этот район, связан исключительно с миграционной составляющей, причем путем достаточно высокой цены — за счет остальных российских территорий (70% внутренней миграции потребляет московская агломерация). Россия буквально сворачивается с Дальнего Востока и Севера к историческому центру, к месту исхода, к эпицентру первичного государствообразующего импульса. Данный процесс настолько тотален, что даже Волго-уральский регион превращен в зону транзита. Причем, чем ниже внешний (зарубежный) приток в Волго-уральский регион, тем выше его транзитный характер.

Никакими социально-политическими, протекционистскими мерами эта демографическая тенденция переломлена быть не может. Постиндустриальный тип хозяйствования и бытования не позволяет рассчитывать на "возрождение деревни" (в смысле мечтаний аграрного лобби и коммунистической оппозиции). Репродуктивная система России, в традиционном составе населения (т.е. за вычетом репродуктивных способностей новых, в смысле прибывших, народов), — подорвана окончательно. Она, конечно же, может быть отчасти восстановлена: уровень детности немного поднят, а продолжительность жизни, особенно мужского населения, увеличена. Но возврата к стандартам традиционной фазы воспроизводства, при которой избытки населения использовались для колонизации новых пространств, по-видимому, ожидать не следует.

Это не исключительная российская беда, а сложная дилемма стран Севера, ожидающая их в период так наз. "демографического перехода". Последний феномен представляет собой всего лишь элемент *Большого фазового Перехода*, который в свою очередь есть лишь полустанок при неизбежной смене индустриальной фазы исторического развития на когнитивную.

Здесь мы вынуждены специально остановиться на важном, с нашей точки зрения, различии: на "фазу перехода" и "фазу господства". Вторая — означает период господства определенной исторической модели воспроизводства (традиционной, индустриальной, когнитивной). Первая — период смены одной модели на другую. Постиндустриализм, вероятно, представляет собой наименование перехода от одной фазы исторического развития к другой, подобно тому как "демографический переход" являет собой лишь период смены одной демографической модели на другую. Что же касается таких понятий как "постиндустриальное общество" по Дэвиду Беллу или "Третья Волна" по Олвину Тоффлеру, то, на наш взгляд, эти и другие распространенные термины, используемые для обозначения Будущего, могут относиться как к фазе перехода, так и к фазе господства.

Сергей Переслегин высказывает предположение, что в процессе именно перехода в силу "прогрессирующей" потери связности между физическими и гуманитарными технологиями" возникает серьезный системный кризис, наиболее ярко проявляющийся в области демографии в виде падения рождаемости. Поскольку в ряде стран и регионов, подвергнутых в свое время индустриализации, отрицательный естественный прирост полностью не компенсируется миграцией, возникает феномен так наз. антропопустынь (примерами такого рода феноменов могут служить Северо-Запад России, районы Дальнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана).

Возникает вопрос, имеет ли человечество какой-либо вариант решения данной проблемы, снимающий остроту кризиса? По-видимому, определенные варианты есть, точнее, должны быть — если не исходить из предположения о предопределенной тупиковости самого процесса человеческого развития. И лежат они, скорее, в сфере гуманитарных, а не физических технологий.

Если принять гипотезу Сергея Капицы, то ближайшие 100-200 лет человечество будет находиться в процессе всеобщего (планетарного) демографического перехода, по окончании которого численность населения планеты перестанет расти, остановившись на цифре в 12 млрд. человек. Но пик обострения отношений между странами, вступившими в фазу понижения демографического потенциала и странами, переживающими демографический взрыв — видимо еще впереди. Это будет, возможно, наиболее страшный период в эволюции человечества — своеобразный исторический тоннель, "мясорубка" (см. "Сталкер" Тарковского), при проходе сквозь который развитому миру будет очень сложно удержаться от того, чтобы окончательно не отпасть от традиционных для демократического общества ценностей в какое-то подобие расизма или тоталитаризма. Мы имеем в виду, разумеется, не буквальное повторение ужасов гитлеризма или сталинизма, а весьма вероятную перспективу радикального вмешательства в человеческую природу с целью сохранения превосходства некоей "избранной" расы или цивилизации. Такого рода воздействие может быть нацелено либо на форсированное снижение численности населения планеты, не входящего в так наз. "золотой миллиард", либо на искусственное увеличение рождаемости последнего с последующей новой колонизацией им территории планеты. Накопленный в конце прошлого века массив знаний в области биотехнологий и геномной инженерии — то, что современный французский философ Поль Вирилио называет "демографической бомбой", — делает последний вариант не столь фантастичным, как представляется на первый взгляд.

Вернемся к России. Здесь мы вынуждены констатировать следующее: русский народ закончил свою колонизационную политику, проводившуюся им на протяжении многих веков (вспомним Ключевского: вся история русского народа — это история колонизации) и рассыпался в виде *архипелага* анклавов, диаспор и отдельных сообществ; срединное положение среди которого занял Остров России (Вадим Цымбурский). В силу того, что новое, провозгласившее себя демократическим, государство на это никак не отреагировало, начался русский исход: не катастрофическое, но устойчивое возвращение, не только с пространств бывших советских, а теперь новообразованных республик, но и удаленных территорий самой России. Это абсолютно новое явление, дополнившее старую форму исхода — эмиграцию в сторону Запада. Тем самым российская государственническая мысль оказалась перед выбором: отождествить себя с частью — как может на первый взгляд показаться, наиболее легитимной — русского народа и начать процесс масштабного сворачивания в некое подобие "европейского национального государства" в соответствующих (в смысле сомасштабных такому замыслу) границах, или переоформить свой исторический — всегда ранее универсалистский — проект.

Этот выбор, каким бы колоссальным он не казался, для России не нов. Так, справившись с татаро-монгольским нашествием (или как сегодня корректно говорят — ордынским), Россия породила новый тип государственности и государствообразующей нации, это были уже не возглавляемые варягами славяне Киевской Руси, это был другой народ. Второй раз она сделала это, расширяя свои границы: включив волжские народы и "переварив" приобретенные тем самым идентичности, Россия выкатилась в Сибирь, благодаря чему, собственно, из Руси и превратилась в Россию. В третий раз она с этой задачей справилась после небезопасной — и до сих пор оспариваемой — "прививки" Петра, в результате чего преобразовалась в империю: тогда были приняты и переработаны западные культурные нормы. "Прививка" марксизмом была последней в этом ряду. Организм трясло как никогда, но Россия, признаем это, оставалась сама собой. Так или иначе, если Россия хочет сохранить за собой право на участие в Большой Истории, ей придется опять пройти через лихорадку и лихолетье, вызванные включением в себя новых типов идентичностей, и последующую социокультурную их переработку.

Наконец, все мы, представители постиндустриальной культуры, столкнулись с новым сильным страхом белого человека: страхом малолетних перед многодетными (А. Левинсон). В Европе, Северной Америке и России, таким образом, происходит критическое схождение двух антропотокков — *базового* (по определению Егора Холмогорова), основанного на деторождении, и *миграционного*, основанного на экспансии путем переноса тел в пространстве. Это критическое схождение вызывает третий антропоток — *сущностный*, несущий смену функционального, а за ним базового набора идентичностей. Последнее, собственно, и порождает экзистенциальный страх коренного, культурно ослабленного и потому осознающего свою историческую обреченность населения. Не сам факт наносимых Великой рекой Переселения сообществ и народов страшит людей Севера, а соотнесение «наших» и «не-наших» экзистенциальных качеств — мы имеем дело с глубоко запрятанным страхом массового секуляризированного сознания перед религиозным. И так, Западу, России, Японии и всему человечеству придется как-то преодолевать эти 100-200 лет, пытаясь сохранить себя и свои ценности — то, что мы называем социокультурным ядром. Что для этого нужно?

В первую очередь — новые рамочные идентичности, позволяющие сцепить новыми же типами солидарности народы, культуры и страны Севера и Юга. Однако поиск такого рода идентичностей требует от нас критически отнестись к "цивилизационной парадигме". Хантингтон предложил решить проблему противостояния Запада со всем остальным миром посредством разделения последнего на множество равноправных (относительно, конечно) цивилизаций с "ядровым государством" во главе каждой из них. Из этого предложения закономерно вытекал проект заключения своего рода пакта между государствами — цивилизационными гегемонами. Этот вариант решения, однако, натолкнулся на серьезнейшее препятствие, коим оказался феномен ислама — цивилизации, не имеющей своего "ядрового государства", и, что более важно, посредством миграционного тока все более проникающей внутрь Запада (аналогично ведут себя и остальные цивилизации Юга). Тем самым, цивилизационная теория Хантингтона оказалась оправданием — возможно, помимо намерений ее создателя — крайнего антииммигрантского ожесточения. Действительно, мир "сталкивающихся цивилизаций" — это мир более-менее управляемых конфликтов, поскольку конфликтные поля здесь четко обозначены и, стало быть, локализованы. Но проблема заключается в том, что значительная часть существующих на сегодняшний день цивилизаций уже давно стала, по Тойнби, "внешним пролетариатом" пресловутого "золотого миллиарда", устремленным не столько к собственному государственному строительству, сколько к внедрению в инфраструктуру западного мира с целью ее эксплуатации или же постепенного разрушения. Ведь линия столкновения прошла через города Запада, а не Востока. Но перенос «военных действий» на собственную территорию никак в планы Севера не входит. Отсюда и дилемма: либо мучительный поиск другой неконфликтной модели сосуществования (левый политический пафос), либо жесткая антииммиграционная политика (на чем собственно и настаивают правые).

Поэтому цивилизационный подход для решения проблемы десинхронизации демографического перехода, о которой мы говорим, бесполезен. И, действительно, мышление в рамках цивилизационных идентичностей не ведет ни к чему иному, как только к защите границ (территориальных, средовых, культурных, наконец, расовых) и поддержанию режима внутренней безопасности. Соответствующие меры, конечно, необходимы, но все же недостаточны, поскольку мир Третьей, постиндустриальной, волны вряд ли сможет полностью отделить себя от миров двух предыдущих волн.

Конечно, тенденция к изоляции на Западе просматривается, свидетельством чему может служить начавшийся еще в 1970-е годы процесс ужесточения иммиграционного законодательства в странах Европы. В европейской политике все в большей мере дают о себе знать противники широкого приема иностранцев в европейские государства и облегчения им процесса интеграции в культурную и экономическую жизнь страны. Не следует в этой тенденции видеть исключительно рецидив прошлого, обусловленный стремлением сохранить уклад традиционного (или индустриального) обществ.

С точки зрения Владислава Иноземцева, мир постиндустриального общества чреват "расколом" — в силу чего можно назвать нынешнюю фазу социальной эволюции "*расколотой цивилизацией*". Иноземцев утверждает, что сегодня наиболее эффективным "оказывается взаимодействие стран, составляющих постиндустриальную цивилизацию, друг с другом, а не с государствами, находящимися на более низкой ступени хозяйственного развития"; таким образом, постиндустриальный мир начинает замыкаться в собственных границах (18). С другой стороны, как

отмечает тот же автор, "диссонанс между неуклонным снижением значения развивающихся стран для функционирования постиндустриальных экономик и нарастающим притоком иммигрантов из этих стран на Запад не может быть беспредельным". В этих условиях Иноземцев не предлагает западным обществам никакой иной программы на будущее, кроме отказа от излишнего гуманизма по отношению к выходцам из третьего мира, пытающимся в новых условиях воспроизвести традиционный для них образ жизни. Итак, тенденция к ужесточению миграционной политики, наблюдаемая в странах Европы в конце последнего столетия, в определенной мере вытекает из нового хозяйственного уклада, по крайней мере, согласно популярным версиям его описания.

Однако не следует забывать, что в одном и том же обществе сосуществуют (разумеется, не бесконфликтно) хозяйства, восходящие, по Тоффлеру, к Первой и Второй волнам, причем благодаря институту нации-государства вовлеченные в них люди оказываются соединены рамкой общей солидарности. Едва ли будет ошибочным заключение, что национальная (точнее, национально-государственная или гражданская) идентичность и явилась той "новой идентичностью", которая позволила в ситуации предыдущего "цивилизационного перехода" — от аграрно-сословного общества к индустриальному — снять противоречие между индустриальным и аграрным укладами, проще говоря, между городом и деревней.

Итак, страх перед миграцией — один из наиболее сильных страхов Запада на протяжении всего XX столетия — обусловлен не только демографическим переходом, но и его, Запада, цивилизационным самоопределением. Почему Европа или в целом западный мир, начиная с Гизо и Бокля и вплоть до Хантингтона и Эйзенштадта, предпочли мыслить себя именно как отдельную цивилизацию? Отдельную, кстати, не только от коренных народов Азии или Африки, сохранивших свою особую религиозную традицию, но и от народов, исповедующих христианство. Цивилизационное отличие Европы от Индии или Египта еще фиксируется критерием религиозной идентичности, но цивилизационная разнородность европейских государств, например, со странами Латинской Америки, посредством данного критерия уже необъяснима (страны православной и монофизитской традиции мы здесь опускаем). Неужели несходство среднего испанца и среднего аргентинца настолько велико, что их следует относить к разным цивилизационным мирам?

Да, если следовать мыслям Цымбурского, указывающего на опыт, как ключевой градиент единокультурия. Поэтому необходимо серьезно отнестись к прогнозируемой Хантингтоном и многими другими экспертами смене национальных идентичностей на цивилизационные. Следовательно, масштаб управления не может быть ограничен национальными рамками. Но, что означает этот "цивилизационный" подход? Ведь он может носить как геополитический, так и геокультурный формат.

Выскажем гипотезу, что "цивилизационно-геополитическое самоопределение" Запада представляет собой своеобразную изнанку процесса постколониального сжатия ядра мир-системы и вызвано оно вовсе не пробуждением религиозного самосознания, а задачей сплочения "богатых и сильных" в ситуации утраты ими духовного и политического контроля над взбунтовавшимся "внешним пролетариатом".

Но возможен и другой, в контексте проблем, порождаемых планетарным демографическим переходом, более продуктивный подход — его мы назвали "*геокультурным*". Он связан с формой постколониальной трансформации, альтернативной "цивилизационно-геополитическому" сплочению "золотого миллиарда" против всего остального человечества.

Геокультурная политика предполагает, как мы уже говорили, сохранение определенных культурных связей между бывшими метрополиями и бывшими колониями (а также лимесом), позволяющее, разумеется, не бесконфликтно, двигаться в сторону геоэкономической и геополитической интеграции Севера и Юга. Для актуализации таковых идентичностей придется, увы, кое чем пожертвовать — например, ложно трактуемыми европейским единством или "русскостью" (в этническом смысле этого слова). Если геокультурная общность — пока довольно эфемерная — обретет свои политические рамки (то есть будет, в соответствии с определением Цымбурского, являться важнейшим критерием для выделения "своих" и "чужих") человечество сможет справиться с проблемой перехода к новому экономическому укладу, не выпав из традиционной культуры "осевого времени" — сохранив фундаментальные для нее идеи свободы и индивидуальной этической ответственности человека, а также онтологического равенства людей независимо от их положения в социуме — подобно тому, как оно смогло справиться с кризисом аграрно-сословного общества, вызванным урбанизацией и подъемом индустриализма. А противоположность между Севером и Югом предстанет тогда как воспроизведение на новом витке истории социального разрыва между "городом" и "деревней" — и в этом случае антропоток из мировой периферии в центр будет казаться

столь же естественным явлением, как в настоящий момент — аккреция деревни городом. И хотя политическое самоопределение геокультурных миров следует отнести к весьма отдаленной перспективе, следует уже сейчас видеть в них не пережиток колониального прошлого, а ростки будущего.

* * *

Теперь вернемся к упомянутым геоэкономическому и геополитическому подходам, которые на самом деле вовсе не исключают геокультурный.

а) Нам не известны случаи, когда экономический рост происходил бы на фоне сжатия демографической базы. Более того, экономический рост после Первой и Второй мировых войн в странах Европы потребовал даже на фоне тогда еще благоприятного естественного прироста дополнительной рабочей силы. После чего началась активная политика по привлечению гастарбайтеров. В тот период безопасность европейской державы напрямую зависела от способности Берлина, Парижа, Лондона, Рима своевременно обеспечить себя дешевым и дополнительным трудом. Причем отстать от аналогичных процессов, развернутых в странах-конкурентах означало подойти к началу войны в заведомом качестве сателлита или жертвы.

Высказанное утверждение кажется аксиоматичным, если не апеллировать к туманному постиндустриализму, для которого якобы не нужна дешевая рабочая сила, а нужна сила квалифицированная (и даже, в первую очередь, высоко квалификационная). Но, во-первых, в отношении квалификационной силы все равно приходится определяться: какую часть мы можем (нам выгодно) подготовить сами, а какую следует импортировать, а, во-вторых, в постиндустриальном обществе сохраняются остатки индустриального уклада, поэтому различные потребности в рабочей силе, в ее качестве и квалификации, еще долгое время будут налагаться друг на друга.

б) Постепенное формирование антропопустыни на российском Дальнем Востоке, Крайнем Севере и в Сибири рисует один малопривлекательный сценарий. Если мы, не воспользовавшись предоставленным временем (а оно уже на исходе), не сформируем на территориях риска *демографического буфера* — состоящего из тех, кто, постепенно принимая базовые ценности русской политической и языковой культуры, и сохраняя при этом этнокультурные — корейские, китайские, уйгурские и иные — особенности, превращался в новых россиян, тех, кто затем, смог бы принять на себя основной приток из собственных стран исхода — мы будем с неизбежностью наказаны за непрозорливость. Территория ненадолго "остынет" от присутствия русскокультурного человека, а затем, с постоянством океанического прилива, на нее придет новый народ.

Наша позиция

Мы не можем избежать последствий демографического перехода и не можем отказаться от ответственности за унаследованную территорию. Мы также не можем оградить Россию от мировых человеческих течений и не без серьезных нравственных последствий снять с себя ответственность за собственный "внешний пролетариат". Следовательно, отложить «на потом» задачу формирования политики управления антропопотокми мы не имеем права. Причем страновой масштаб управления явно несоизмерим вызовам современности. Несоразмерен и цивилизационный. Включение в управление планетарными и макрорегиональными антропопотокми есть способ включения в системы международного разделения труда, международных стандартов и глобальной ответственности. Без этого Россия не сможет обрести никакого уважения и влияния в мировых центрах принятия решений.

Более того, если события на мировой сцене будут развиваться не по катастрофическому сценарию — нарастания неуправляемости антропопотокми и реактивной фашизации ядра мир-системы, — каждому государству Севера, рано или поздно, придется взять на себя миссию геокультурного Переводчика, т.е. миссию деятельностного сложения форм солидарности народов и культур Севера и Юга. И, кто знает, может быть, именно "разобранная" Россия окажется способна первой пройти через вышеупомянутую демографическую "мясорубку"?

Несомненно и другое: в долгосрочной перспективе демографические показатели будут оказывать существенное воздействие на самосознание всех стран и народов и в первую очередь тех из них, кто ощущает свою историческую сверхценность. И здесь Россия в числе "избранных".

Поэтому придется — несмотря на сопротивление уходящих элит — развивать наступательную политику управления антропопотокми. А это означает: улучшение качества управления «естественными процессами», определение его параметров, формирование системы

институтов СК-переработки, активное формирование российской хоритики, запуск новых и поддержание части старых антропотоксов и т.д. и т.п.

В связи с вышесказанным мы отметим шесть ключевых аспектов рекомендуемой политики:

1. Поощрение подвижности населения. Населения — своего и пришлого (но по отечественным правилам). Подвижности — горизонтальной (миграции) и вертикальной (образование, карьера и т.п.), как и ряда других (например, ускорение в заданном темпе процесса смены поколений). Безусловно, политика поощрения подвижности, как создания предпосылок к появлению инфраструктуры развития, несет в себе риски. Для того чтобы при этом сохраниться, необходимо выполнение двух следующих положений — серьезно отнестись к наличию т.н. социокультурного-ядра и реабилитировать институт СК-переработки.

2. Реабилитация социокультурного-ядра, публичное обсуждение его параметров. Ответственная политика — это не только политика, отвечающая за будущее, за развитие нации, страны, освоение и приумножение ресурсов, за включение страны в мировые процессы, но и за прошлое, за связанность будущего с прошлым и настоящим, за сохранение должного, за преемственность. Эту мысль отражает даже и столь популярная сегодня концепция "устойчивого развития". Об этом же говорим и мы, поднимая проблему сохранения и развития базовых идентичностей конкретной страны, мира, цивилизации.

Любой ответ на вопрос о границах предоставления гражданства влечет за собой своеобразное решение той проблемы, которую мы определили как "выделение социокультурного ядра". Оговоримся, речь идет далеко не только об (хотя и об этом тоже) этнических, религиозных и тем более расовых характеристиках. Также очевидно, что и в современной Европе существует немало наций, продолжающих соотносить данное ядро с тем или иным этническим, конфессиональным и расовым субстратом, но мы убеждены, что для России — это недостаточный и на новом этапе собирания неприемлемый путь. Речь идет о характеристиках (в иных случаях — аскриптивных, в иных — зависящих от сознательного выбора), позволяющих соотнести того или иного индивида с тем или иным государством/страной, в котором данный индивид в настоящий момент не проживает. Такой характеристикой часто служит знание государственного или культуруобразующего языка. Если человек не знает, скажем, немецкого языка, ему будет затруднительно стать гражданином Германии. Из этого следует, что немецкий язык является конститутивным признаком для постулирования "социокультурного ядра" немецкого государства. Очевидно, что этот признак не является для современной Германии ни исключительным, ни достаточным. Известно, что Германия особый режим благоприятствования создавала и продолжает создавать для т.н. "этнических немцев" (часто, особенно в последнее время, не знающих языка своих предков).

Сохранение социокультурного ядра не следует путать с сохранением пресловутого "культурного своеобразия". Последняя задача не может быть предметом политики — своеобразие нельзя ни создавать, ни поддерживать искусственно. В данном же случае речь идет не о том, как следует поступать, чтобы быть оригинальным, отличным от других, а том, как следует поступать, чтобы оставаться самим собой. Для этого, разумеется, следует определить, кто мы есть, или, точнее, от чего из нашего политического и культурного наследия мы не сможем никогда (по крайней мере, в конкретный исторический период) отказаться.

Мы неизбежно наталкиваемся на вопрос: что же составляет идентичность нас как русских и России как страны — русский язык в качестве единственного государственного (справленный кириллицей), численное преобладание восточнославянского племени, славяно-тюрко-угорская чересполосица, православно-мусульманский религиозный дуумвират, либеральный конституционный строй, президентская вертикаль власти, сохранение Сибири в составе России и т.д., и т.п.

Во всяком случае, очевидно, что миграционная, интеграционная, адаптационная, натурализационная и ряд других политик государства (в частности то, что мы называем внешней и внутренней политиками) должны обуславливаться представлением о ключевом наборе имманентных России идентичностей или, говоря другими словами, ее социокультурном ядре. Удержание, сохранение и упрочение СК-ядра в ситуации "бомбардировки" его новыми идентичностями задает необходимость серьезного разговора о реабилитации исторического мега-института социокультурной переработки.

3. Реабилитация и "настройка" исторического мега-института социокультурной переработки. Как бы сегодня стыдливо не упоминали об ассимиляции, как бы не находили ей политкорректные заменители — придется признать одно: без ассимиляции нет никакого этногенеза, а без этногенеза нет никакого нациостроительства. А потому политкорректность эта позволительна в момент "остывания" национального проекта, но не его возрастания и переоформления — где мы и находимся. Россия за свою историю непрестанно формировала и применяла те или иные институты СК-переработки. Особенно впечатляющим был советский проект. Но многое из наследия того проекта пришло в негодность, многое было упразднено, значительная часть институты сохранила себя только благодаря отсутствию у них функционального замещения. Сохраняет свою актуальность реабилитация самого института социокультурной переработки, ибо он, будучи сведен к антигуманной и неполиткорректной ассимиляционной практике, осуждаемой вкупе с репрессивными миграциями и большевистским режимом, был фактически выжат из публичного проектно-гуманитарного пространства.

Поэтому после определения параметров нового проекта развития и воспроизводства социокультурного ядра предстоит ответить на вопрос: какие из институтов социокультурной переработки могут и должны быть сохранены, какие перенастроены под новые сверхзадачи, а какие заново спроектированы. Ведь, к примеру, такой институт, как всеобщее среднее образование, должен и может быть перенастроен (не только под квалификационные задачи нового геоэкономического уклада, но и под задачи геокультурные), а надеяться на сохранение всеобщей воинской повинности в будущем было бы наивно.

Для облегчения задачи социокультурной переработки и смягчения ее часто мало гуманных механизмов — нужно дать ответ на вопрос, "откуда и кого брать?", и перенести часть забот по формированию культурного фона России за пределы Федерации.

4. Составление комплементарной карты мира (геокультурное картографирование).

Каждой нации-государству (в особенности государству, облаченному в колониальный "шлейф") приходится отвечать на вопрос: кто и какие категории людей — не жителей страны — являются актуально его гражданами (и для кого процесс натурализации может быть сведен к некоторым чисто процедурным формальностям), кто может (при наличии некоторых дополнительных условий) стать ими, а кто способен обрести гражданство лишь в индивидуальном порядке.

Другая сторона того же вопроса — какие признаки делают человека причастными тому или иному государству: этническое происхождение, знание государственного языка, лояльность принципам определенного конституционного строя либо какой-то конкретной системе светских или религиозных ценностей, наличие в родовой памяти необходимых исторических воспоминаний и т.д. и т.п.

Каждое государство вынуждено осуществлять эту неприятную процедуру, а именно отделить — во внешнем, разумеется, мире — полностью "своих" от не абсолютно "своих" и от совсем "не-своих". Такую проблему, к примеру, решала Британия после распада своей колониальной системы. Правительству страны в конечном счете пришлось ответить на вопрос: кто может считаться ее гражданами, а кто, не считаясь гражданами, должен быть, тем не менее, отнесен к британской "метанациональности" и иметь преимущество перед жителями всего остального мира при получении британского гражданства. Если страна отказывается отвечать на данный вопрос, она, таким образом, потенциально зачисляет в свои граждане жителей всей Земли, либо просто перестает "удерживать" свою идентичность (в том числе, кстати, и свой политический строй, каким бы либеральным и "передовым" он не был), либо видит себя в перспективе мировой империей. Возможен и другой вариант — полная и абсолютная замкнутость государства, совершенный его отказ от пополнения своего населения посредством миграции — вариант не просто малосимпатичный, но и реализуемый исключительно посредством возведения "железного занавеса".

Нельзя обойти и вопрос об игнорировании Россией преемства СССР по отношению к соотечественникам. Так и не удалось отдельным активистам и политикам постсоветской России внедрить в систему государственного права термин "репатриация". Что свидетельствует об одном: отнесение к мировому пространству с позиции "свой — почти-что-свой — чужой" в повестке дня российского истеблишмента — не стоит.

5. Активное формирование хоритики — создание мира, "облучаемого" российской культурой. Невозможно, проектируя политику натурализации, не заняться наступательной — хотя и в корректной форме — политикой "гуманитарной колонизации".

Дело в том, что фронтальное столкновение по линии "свое — чужое" в любом случае взрывоопасно. Если принимающая сторона взаимодействует лишь с абсолютно чуждыми мирами, черпая из них человеческие ресурсы, можно предположить, что взаимодействие с ними обернется либо чудовищными издержками, либо катастрофой. С другой стороны, голая политика запретов и ограничений также бесперспективна. Выход из этого тупика один — некая предварительная трансформация "чужого" в "свое", предваряющая их контакт. Иначе говоря, создание особого "культурного мира" России — *хоритики* (Михаил Ильин), откуда наша страна могла бы более или менее успешно и безопасно заимствовать людские ресурсы, смыслы и стандарты.

Итак, на повестке дня в области внешнеполитической стратегии — создание мира, "облучаемого" российской культурой. Подобные миры в той или иной форме создали, создают и пытаются создавать все принимающие страны — и Великобритания, и Соединенные Штаты, и Франция, и Германия, и Италия, и Испания, и даже такие "малыши", как Нидерланды и Израиль. Нечто подобное британскому Содружеству образуют испаноязычные государства (между Испанией и некоторыми из этих стран установлен институт двойного гражданства, право получения гражданства ограничено двумя годами, а не десятью как для всех остальных, существуют особые финансовые отношения). Франция работает в аналогичном направлении со странами Магриба и Конго. Англия — с Бангладеш, Индией, Пакистаном и др.

Перечисленные страны работают в основном и по преимуществу со своим бывшим колониальным пространством. Работа эта настолько важна, что Германия, лишенная колониального шлейфа, тем не менее, пытается образовать свой "геокультурный" мир со странами Восточной Европы, Балтики и по необходимости — в период, когда Восточная Европа, входя в соцлагерь, оказалась для ФРГ недоступной, а экономика бурно росла и требовала дешевой рабочей силы — с Турцией.

Кроме геоэкономических интересов европейских стран такие конструкции несли одну важную позитивную практику: они поощряли формы кооперации Севера и Юга. То чего так не будет хватать в период планетарного демографического перехода.

Что касается наших задач, то возникает ряд вопросов: как следует мыслить предполагаемый "русский мир", русскую хоритику — в каких границах (типах границ), с какой внутренней структурой? Как хоритика соотносится с "Русским Архипелагом" и "Островом Россией"? Как к такой активной, наступательной внешней политике — что неизбежно следует из предыдущего — можно отнестись на языке международного права?

Соотношение фокусов антропотока

Исходя из *структуры антропотока*, становится ясно, что фокусы антропотока в управленческой практике, как правило, не сочетаются. Например, стоящие на "охранительной" позиции обычно не соотносят требования запрета на иммиграцию с демографической ситуацией в стране и требованиями рынка труда. Эти реальности в их головах как-то живут порознь.

Напротив, "либералы", ратующие за поощрение массивной иммиграции в страну, не желают обсуждать сценарии слишком быстрой смены этнокультурного и/или конфессионального состава того или иного региона страны, или страны в целом; или проблемы декультурации пространства; или растворения принимающего сообщества в волнах людей с "длинной волей". Кажется менее опасной, но по факту заслуживающей не меньшего внимания ситуация, при которой в результате сильного "течения" изменится социально-классовая структура того или иного региона/страны. По существу речь идет о мерах по синхронизации принципов, целей и темпов реформ и ряда "гуманитарных" политик.

Все сказанное в совокупности свидетельствует об антропотоке как о сильном, опасном ресурсе, взывающем к сомасштабной субъектности.

<...>

**4.5. Образовательные ресурсы к модулю
«География современных антропотоков»**
**Дискуссии по проблеме динамики населения
в современной демографии**

- Вавилова Е.В. Экономическая география и регионология: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 160 с (35).
- Валлерстайн И. Миграция: мифы и реальность // Сообщение. – 2003. - № 2.
- Касавин И.Т. "Человек мигрирующий": онтология пути и местности // // Вопросы философии. 1997. № 7.
- Миграционная подвижность населения СССР/ Под ред. Хорева Б.С. и Моисеенко В.М. – М.: Статистика, 1974. - 160 с.
- Миграция сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Мысль, 1970. – 260 с.
- Народонаселение: энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – 646 с.
- Переведенцев В.И. Методы изучения миграции. – М.: Наука, 1975. – С. 9.
- Покшишевский В.В. Миграции населения как общественное явление и задачи статистического их изучения.// Статистика миграции населения. – М.: Статистика, - 1973. - С. 10.
- Родионова И.А., Бунакова Т.М. Учебно – справочное пособие. Экономическая география. 5-е издание. Московский лицей. – 2002 – 672 с.
- Экономическая география России: Учебник / Под общей ред. В.И. Видяпина, М.В. Степанова. - М.:ИНФРА-М, - Российская экономическая академия, 1999. – 533 с.
- Со-общение. Технологический журнал для гуманитариев. – 2003. – № 2. Тема «Антропотоки». Холмогоров Е.С. Проблема миграции. – 2002 г. www.archipelag.ru
- Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 1999 г. М., 1999. — 203 с.

Исторические прототипы антропотоков в демографии

- Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчен Н.М. Всемирная история. В 24 томах, том 8. (Крестоносцы и монголы), Минск: Литература, 1998 . - 528 с.
- История Европы в 8 томах, С древнейших времен до наших дней, том 2 Средневековая Европа. Ред. коллегия Гутнова Е.В., Удальцова З.В., М.: Наука, 1992. - С. 524-546.
- Максаковский В.П. Историческая география мира: Учебное пособие для ВУЗов.- М.: Экопрос, 1997. – 584 с.
- Семенов В.Ф. История средних веков. Учебник для студентов истор. фак. пед. институтов. Изд-е 4-е., Просвещение, 1975. - 590 с.

Современные антропотоки и проблемы их регулирования

- Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографический обзор. - 2000 - № 2. – С. 74 - 80.
- Балацкий Е. Внешняя трудовая миграция и российский рынок труда.// Проблемы теории и практики управления. – 1995. - №6. С. 86 – 89.
- Валюков В. «Утечка умов» из России: проблемы и пути регулирования// Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки. М., 1994. – С. 29.

- Выхованец О. Антропоток. Определение, структура, механизм регуляции. – 2002 г. (www.archipelag.ru)
- Гахберг Л., Миндели Л., Некипелова Е. Эмиграция ученых: проблемы и реальные оценки // Миграция специалистов России: причины, последствия, оценки. М., 1994. – С. 15.
- Градировский С. Тезисы к докладу «Государство и антропоток». – 2002 г. (www.archipelag.ru)
- Градировский С., Лопухина Т. набросок типологии миграций. – 2002 г. (www.archipelag.ru)
- Дахин А.В. Аналитические вариации на тему «антропоток». – 2002. (www.archipelag.ru)
- Дьяконов С., Иванов В. дополнительное образование – новые возможности. // Высшее образование в России. – 2003. - № 2.
- Егерев С.В. Российская научная диаспора.// Вестник Российской академии наук. - 1997. - Том 67. - № 1. – С. 15-30.
- Каруселин Д. Гранты дополнительные, но не лишние // Иностранец 15 апреля 2003. - № 13.
- Комарова О.Д. Миграция русских: новые тенденции.//Этнополитический вестник. - 1995. - № 5. - С. 124-132.
- Корель Л.В., Корель И.И. Межрегиональная миграция в современной России: экономический диагноз.// Регион: экономика и социология - 2000. - № 3. – С. 80 –97.
- Крылов К.А Идентичность и антропоток. 2002 (www.archipelag.ru)
- Кулаков В. Пути регулирования миграционных процессов в РФ // Вопросы экономики. - 1998. - № 5. - С. 124 - 131.
- Кутузов М. Антропоток как системное понятие. – 2002 (www.archipelag.ru)
- Лисаускене М. На образовательном рынке. // Высшее образование в России. - 2001. - № 4.
- Максаковский В.П. Географическая картина мира: 230 каналов углубления к курсу «Экономическая и социальная география мира» (10 класс). Ч 1. Общая характеристика мира. Изд-е 2-е, исправ., и доп.- Ярославль: Верхняя Волга, 1998. - 320 с.
- Максаковский В.П. Географическая картина мира: 230 каналов углубления к курсу «экономическая и социальная география мира» (10 класс). Ч 2. Общая характеристика мира. Изд-е 2-е, исправ., и доп.- Ярославль: Верхняя Волга, 1998. – 560 с.
- Мишуровская М. Добрая Европа // Иностранец. - 2003. - №12.
- Назарова Е.А. Особенности современных процессов миграции // Социологические исследования. – 2000. - №7. - С. 106 - 110.
- Оценка социально-экономических последствий интеллектуальной миграции в России и странах СНГ. Методология подсчета ущерба от эмиграции высококвалифицированных кадров: Научный доклад. М., 1993. - С. 7.
- Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора. // Этнографический обзор. - 2000. - № 2. - С. 64-74.
- Слука А.Е. Географические особенности развития населения мира в конце XX века. // Вестник МГУ. - Сер. 5. - География. - 1998. - №2. - С. 9-10.
- Слуха И.А. Основные черты миграционных процессов в столичных городах европейских зарубежных стран // Вестник МГУ. - Сер. 5. - География. – 1987. - № 4. - С. 49.
- Соболева С.В. Возможные изменения в демографической ситуации под влиянием потока вынужденных переселенцев // Регион: экономика и социология. – 1996. - №1. - С. 123 - 133.
- Тощенко Ж. Диаспоры в России.// Российская Федерация. - 1996. - № 22. - С. 56.
- Трубин В.В. Миграция и рынок труда в России //Общество и экономика. - 1995. - №2. – С. 32 - 49.

Чинаева Т. Студенческая мобильность: мировые тенденции // Высшее образование в России. - 2002. - №3.

Цыкура Н., Ойстачер М. Кого меняют, когда меняют и зачем? // Иностранец. – 2003. - № 2.

**ЧАСТЬ II. РЕКОМЕНДАЦИИ К ВЫПОЛНЕНИЮ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РАБОТЫ
(ДОМАШНИХ ЗАДАНИЙ)**

**ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ № 1.
Географическое эссе к модулю
«География технологических укладов»**

**Тема: «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ УКЛАДЫ И ПЕРСПЕКТИВНАЯ
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ МОЕГО ПРОЖИВАНИЯ»**

Комментарии к теме домашнего задания:

Это задание связано с возможной перспективой пространственной организации / реорганизацией той местности, где вы проживаете. То есть вам необходимо будет обосновать ту или иную модель перспективной региональной нарезки вашей территории.

Структурная организация эссе:

1. На первом этапе необходимо описать то, как именно вы понимаете, что такое «технологические уклады», что, прежде всего, описывают эти понятия. Привести известные примеры-явления, желательно из вашей жизни, которые возможно описать этими понятиями. Так же вы должны высказать свое отношение к версиям этих понятий известных ученых и организаций. Укажите, в каких ситуациях необходимы эти понятия.
2. Во второй части эссе вы должны произвести аргументированное выделение базовых технологических укладов вашей территории, а затем соотнести с существующей районной нарезкой, ответив на вопросы: как возникла административно-территориальная единица. По всей видимости, для этого вам придется обратиться в местную библиотеку, побеседовать с родителями, бабушками и дедушками, старожилками. Знайте, что в каждой администрации существует, так называемая историческая справка, откуда вы можете почерпнуть необходимую информацию. Вполне возможно, вы увидите, что районная, административная нарезка сегодня не совпадает с существующими региональными, экономическими процессами, обязательно напишите об этом.
3. В заключительной части эссе вы должны выдвинуть гипотезу о возможности сценария социально-экономического развития вашего региона. И в связи с этим предположить возможные границы перспективного районирования местности, где вы проживаете. Не бойтесь включать свою фантазию, однако оставайтесь реалистами, помните про объективность экономических законов.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ № 2.
Географическое эссе к модулю
«География культурных ландшафтов»

**Тема: «КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕРРИТОРИИ
МОЕГО ПРОЖИВАНИЯ»**

Комментарии к теме домашнего задания:

Это задание ориентировано на выделение возможной культурно-значимой перспективы для России той местности, где вы проживаете. Наверняка, при внимательном рассмотрении (анализе) Ваша малая Родина имеет какие-то достопримечательности, исторические события, славные биографии людей и т.д., которые имеют значение для культуры и истории России в целом.

Структурная организация эссе:

1. Здесь вы должны сформулировать понятие культурного ландшафта, которое более всего интересует вас и которое более всего подходит к исследованию вашей территории как аналитический инструмент. Необходимо указать какие организации употребляют это понятие похожим образом. Следует объяснить, почему вы используете именно эту интерпретацию понятия.
2. Во второй части вы, прежде всего, должны выделить основные зоны и типы присутствующего культурного ландшафта. Учтите, что зачастую постсоветские культурные ландшафты имеют скрытый характер (Например, вы думаете, что это парк, а оказывается, что в прошлом это сельское кладбище; вы видите здание интерната, а в прошлом это монастырь и т.д.). Ваша задача представить свою местность как уникальную, не похожую на соседей, имеющее свое лицо и даже может отличающиеся обряды, обычаи, культурные нормы. Обсудите этот вопрос с родителями и другими взрослыми, наверняка они чем-то гордятся.
3. В заключении, вы должны высказать проектные предложения о значении ваших культурных ландшафтов для нашей Страны. Показать как тот или иной аспект может быть интересен какой-либо группе россиян. А так же высказать идею о проведении у Вас, в связи с этим, какого-либо форума, фестиваля, конференции (попытайтесь предложить название этого мероприятия).

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ № 3.
Географическое эссе к модулю
«География ментальных моделей»

**Тема: «ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИИ МОЕГО ПРОЖИВАНИЯ И
ВОЗМОЖНЫЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Комментарии к теме домашнего задания:

Данное задание связано с выделением основных географических образов жителей Вашего места проживания. Это потребует от вас проведения исследовательского интервью. Затем вы должны

оценить представления относительно современных изменений в Стране и сформулировать представление о продуктивных для будущего ментальных моделей вашей территории.

Структурная организация эссе:

1. Во-первых, вы должны остановиться на описании понятия «ментальные модели» через представления о географических образах. Привести примеры наиболее понятных вам географических образов, объяснить причины их появления. Так же возможно описать те географические образы, с которыми вы сталкивались.
2. На втором этапе вам предстоит сложная, но интересная работа. Вы должны выбрать 8-10 человек разного возраста и взять у них интервью по заранее задуманным вопросам (к итоговому отчету необходимо будет приложить вопросы и описание этих людей). В ходе интервью вы должны понять («услышать») как эти люди интерпретируют место своего проживания, по отношению к каким объектам на карте они его оценивают, какое у них «территориальное самочувствие». Проанализировав все интервью, вы должны выделить культовые географические образы, через которые жители описывают вашу местность.
3. И в заключении вы должны произвести оценку этих ментальных представлений. Выделить те географические образы, которые очевидно уже не перспективны, и особым образом остановиться на перспективных, оптимистических интерпретациях территории. Выскажите свое мнение, какие образы должны быть, что бы подготовить людей к реальному будущему на вашей территории.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ № 4.
Географическое эссе к модулю
«География современных антропотоков»

Тема: «АНТРОПОПОТОКИ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ МОЕГО ПРОЖИВАНИЯ»

Комментарии к теме домашнего задания:

Это итоговое эссе является историко-географическим. Оно связано с восстановлением исторических причин возникновения места Вашего проживания, с одной стороны, и выдвижением гипотезы о возможных социокультурных преобразования в будущем - с другой.

Структурная организация эссе:

1. В первой части вы вводите понятие «антропотока» и указываете на характеристики, благодаря которым возможно его выделение. Далее обосновываете, почему вы пользуетесь в этом исследовательском районе именно такой интерпретацией понятия.
2. Затем вам необходимо описать историю вашей местности с точки зрения процессов социокультурной переработки, т.е. объяснить, в чем же были причины освоения этой территории, и выделить основные этапы социокультурных преобразований в истории вашей местности.
3. В заключении вы должны выдвинуть гипотезу о возможных и необходимых преобразованиях в вашей местности, объяснить почему, а также опишите сценарии своих миграционных стратегий: при каких условиях вы обязательно уедете, останетесь, промежуточная ситуация.

